

63.3(Сказ=4Кос)

В 48

Сергей Виниченко

ИСХОД

Сергей Виниченко

Исход

**трагедия горьколинейных
станец
в начале XX века**

Половинное
2012 год

Лицензия «КСГ №0216» выдана 29.04.2003 г. Костанайским областным Советом по экспертизе и лицензированию

Сегодня идет переосмысление идеологических установок советского периода, в связи с чем особая ценность книги - попытка показать взаимосвязь прошлого и настоящего. Автор дает объективную оценку историческим событиям, их объективный анализ с позиции сегодняшнего дня. Вызывает неподдельное уважение, что Сергей Виниченко много лет собирал свидетельства старожил, они помогли восстановить многие исторические события. При этом в книге прочитывается идея сохранения нашего прошлого, бережного отношения к культуре и самобытности края, породившего особый стиль взаимоотношений, обозначенный сегодня как межнациональное согласие и стабильность.

С.М.Жалыбин, доктор юридических наук.

Содержание

К читателю	4
Православие в горьколинейных станицах.....	5
Служба казаков 1-го военного отдела в начале XX века	43
На линии до Октябрьского переворота.....	57
Гражданская война. Исход.	87
Западно-Ишимское восстание 1921 года.....	187
Послесловие.....	211
Источники.....	213
Документы.....	217
Фотографии.....	231

К читателю

Большинство людей живут настоящим, сегодняшними делами и заботами. Но есть среди них такие, которые упорно пытаются заглянуть в историю, смахнуть древнюю пыль с найденных артефактов, разглядеть в пожелтевших бумагах что-то важное из прошедшей жизни. Эта тяга к поиску сродни болезни, которая не отпускает из года в год. Такие люди находят друг друга удивительным образом и составляют особую, не похожую ни на какую другую часть человеческого сообщества. Их фамилии на обложках книг, журнальных и газетных страницах, сайтах Сети. Они тратят энергию и жизнь на публикации, которыми отодвигают горизонты познания прошлого для СВОЕГО читателя. Многие не имеют научных степеней и званий, но это не мешает им быть повенчанными с историей. Эта книга написана при их непосредственном участии и поддержке.

Автор выражает особую благодарность:

Николаю Дмитриевичу Виниченко, Эриху Викторовичу Крейтеру (Германия), Олегу Александровичу Винокурову (Москва), Владимиру Александровичу Шулдякову (Омск), Александру Ивановичу Дедову (Половинное), Олегу Геннадьевичу Шилову (Костанай), Сергею Михайловичу Андрееву (Омск), Владимиру Петровичу Холодкову (Югра), брату Владимиру, Наталье, Татьяне и Дмитрию Виниченко, Элине Павловне Фазуллиной-Шехтер (Москва), Валерию Васильевичу Стародубу (Сарыколь), Сергею Федоровичу Шатилову (Петропавловск), Павлу Павловичу Набокову (Челябинск), Ольге Владимировне Сергиенко (Алматы), Сергею Борисовичу Игнашкову (Петропавловск), Анатолию Леонидовичу Атюганову (Новопавловск), Виктору Ивановичу Островскому (Павлодар), Сергею Александровичу Степанову (Саратов).

Книга предназначена для широкого круга читателей. В ней рассказывается о трех войнах начала XX века: русско-японской, Великой и гражданской. Книга является итогом многолетней поисковой работы автора.

Православие в горьколинейных станицах

*Где начинается неверие, там начинается
жалкое низкое рабство и упадок духа...*

Св.пр. Иоанн Кронштадский

Охлаждение веры, нарушение Заповедей Божьих, повлекло за собой губительное разрушение духовных и культурных ценностей, привело к развитию глубинных низменных качеств человеческой души. То, что было построено прадедами, было в одночасье раздавлено «красным колесом». Но до 1919 года был свой отсчет времени...

В Зауралье далеко не в каждом крестьянском селении разрешалось построить свою церковь, но в казачьих крепостях православные храмы возводились за войсковой счет. Это была одна из привилегий казачества, так же как и постройка школ.

Священник Григорий Цитович отмечал: «Расположение наших войск в больших массах преимущественно на окраинах империи, или совершенно пустынных, или же с иноверческим населением, с давних пор побуждало высшее военное начальство, для поднятия религиозно-нравственного воспитания в войсках, принимать меры к построению военных церквей в тех местах, где воинские части, по недостатку или по тесноте имеющихся епархиальных храмов, не имели возможности в воскресные и праздничные дни слушать церковные службы».

Церкви строились во всех крупных линейных крепостях и посвящались в XVIII веке Св. Николаю Чудотворцу, Св.Троице, Покрову Пресвятой Богородицы, Казанской иконе Божией Матери. Уже в 1759 году в переписке между военными и священнослужителями читаем: «...В трех крепостях Пресногорьковской, Кабаньей и Сенжарской, в которых регулярного и нерегулярного войска состоит немалое число, церкви построить и во оные священников и причетников истребовать...». Решение вопроса осложнялось огромными расстояниями между крепостями и нехваткой священников.

В документе, подписанном генералом Иваном фон Шпрингером 13 августа 1765 года и отправленном в Тобольскую духовную консисторию, говорится, что казаки и купечество крепостей Святого Петра и Пресногорьковской готовы «содержать свя-

щенников своим коштом... пресногорьковские жители по неимению вблизи церкви Божиих отверженными себя находят». В крепости Святого Петра служил священник Азовского полка Никита Иванов Одинцов, прибывший из казацкой слободы Ялutorовского полка. В Пресногорьковскую намеревались направить священника «отколь будет заспособно». Генерал Шпрингер пишет митрополиту Павлу «какое о сем положение последует меня без уведомления не оставлять».

12 мая 1766 года командиру Сибирского корпуса была направлена служебная записка из Тобольской духовной консистории о закладке церкви в крепостях Святого Петра и Пресногорьковской. В Пресногорьковской Никольская церковь была выстроена из сосны Красного леса, росшей на берегу Горького озера, располагалась она у восточного вала четырехугольной крепости, после реконструкции 1774 года была перенесена в самый центр восьмиугольника. По материалам Тобольского архива храм сгорел в 1798 году. Ветшание и подверженность пожарам храмов в южном Зауралье стало поводом для принятия в 1801 году указа Священного Синода о строительстве каменных церквей. За четыре года в Пресногорьковской было возведено грандиозное для этой местности, учитывая малочисленность населения края, сооружение. Ее строили местные кадры мастеров, которые возводили храмы по Исети. Они привнесли в строительство украинские, среднерусские и северорусские мотивы, которые сложились в новый архитектурный стиль - Сибирское барокко. Обычно подрядчиков строительства находили на открытых торгах. Работа по изготовлению кирпича производилась из своего материала своими рабочими. Сами прихожане добровольно участвовали в строительстве. Для жжения извести и обжига кирпича требовалось огромное количество дров, для этого пилили окрестные леса и доставляли дрова в крепость. Бутовый камень под фундамент подвозился за сотни километров. Имена «работных людей» остались неизвестными.

Деревянные церкви были построены также в Пресновской - Михаило-Архангельская (1772 г., о.Феодор Серебренников), Становой - Успения Пресвятой Богородицы (1772 г., о.Никита Одинцов), Полуденной - Михаило-Архангельская (1773 г.,

о.Матвей Шалабанов), Лебяжьей – Пророко Ильинская (1774 г., о. Прокопий Земляницын).

Каменная церковь, возведенная в 1805 году в крепости Пресногорьковской, «имела два придела – во имя святого Николая Чудотворца и Казанской Божьей Матери, летний и зимний, обнесена деревянным забором». Здание построили на самом высоком и сухом месте крепости, в самом центре крепости. Раствор использовали особый – с добавлением яичного белка и алебаstra. В большие праздники приходили на службу жители окрестных поселков. Особенно много народа собиралось на праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября. Этот день был престольным праздником сибирских казаков. Главным праздником всех полков Сибирского войска после его основания был праздник Святого Николая Угодника – 19 декабря.

У стен церкви находилось богатое кладбище и могила начальника Омского областного управления, дивизионного командира Василия Ивановича де Сент-Лорана, скоропостижно умершего при объезде области. В 1972 году две части чугунной надгробной плиты были переданы в Кустанайский областной краеведческий музей. На ней текст «здесь покоится прах усопшаго генерал-лейтенанта и кавалера Василья Ивановича де Сент-Лорана, родившегося в 1772 году декабря 3 дня, вступил в службу в 1787 году июня 30 дня и умершаго на 63 году 1835 года июня 8 в 7 часов пополуночи».

О Сент-Лоране известно, что в 1815-16 годах он служил командиром Пензенского пехотного полка. 4 января 1827 года вступил в должность начальника огромной Омской области. При назначении, будучи старым воякой суворовской выучки, он заявил императору, что « в делах административных и гражданских не сведущ». Однако назначение все же состоялось. В Омске, тогдашней столице Сибири, генерал стремился приблизить к себе опытных чиновников, в том числе ссыльного декабриста С.М.Семенова. Де Сент-Лорану, плохо знающему степные обычаи и традиции казахского народа, приходилось часто бывать во внешних округах, устанавливая личные доверительные связи с богатыми султанами. Его стараниями 9 марта 1833 года по решению Сибирского комитета были открыты два внешних окру-

га: Баян-Аульский и Уч-Булакский, а 29 мая 1834 года – Аман-Карагайский. Эти действия вызвали сопротивление казахских родов - на де Сент-Лорана пришла бумага в Петербург, что престарелый генерал не справляется с делами и неплохо бы вместо него назначить председателя областного правления И.Д.Талызина. Во время «обозрения внешних округов» В.И. де Сент-Лоран простудился и умер. Семья его после кончины семья оказалась «в сильно стесненных обстоятельствах».

Ссылный декабрист А.Е.Розен был знаком с родными Василия Ивановича. Он писал в 1836 году: «Из лиц, посетивших нас в Кургане, должен упомянуть еще о почтенной вдове генерал-лейтенанта де Сент-Лорана с дочерью. Супруг ее был предметником Петерсона и умер от болезни во время объезда по области. Вдова с дочерью-красавицей возвращались в Петербург; они чрезвычайно ласково и мило приняли у себя в Омске жену мою, когда она в 1830 году ехала ко мне. Тогда жена моя познакомилась и с дочерью де Сент-Лорана, вышедшею после замуж за благородного поляка К., который служил в гвардейской конной артиллерии: когда батарея в 1831 году дошла до границы Царства Польского, то он объявил своему главному начальнику И. О. Сухозанету, что совесть его запрещает ему идти далее против своей родины. За это он был сослан в Омскую гарнизонную артиллерию тем же чином. Там он женился, чрез год был он прощен, с дозволением возвратиться в Варшаву».

Здесь же, у стен храма, 17 августа 1831 года, похоронен командир 1-го полка, основатель Омского кадетского корпуса, атаман Сибирского войска Федор Карпович Набоков(о нем автор подробно написал в книге «Живая старина Пресногорьковской линии»). **Праправнук атамана, Павел Павлович Набоков, проживающий ныне в Челябинске, отыскал в Омском архиве метрическую книгу Пресногорьковской церкви за 1831 год. Запись №63 на 211 оборотном листе гласит: « 17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом*

Андреевичем Нассоновым». Этот отряд располагался в 80-ти верстах южнее Пресногорьковской крепости. Из метрической книги за 1783 год Павлу Набокову стало известно, что : «28 ноября венчан крепости Пресногорьковской Федор Карпов сын Набоков первым браком редута Пресногорьковского отставного Ивана Хлебникова з дочерью его девицей Марией, обоим один брак, 15 лет – жениху, 18 лет – невесте» (ГАОМО.ф.16.оп.2.д.8, л.2об).

По описанию от 1900 года «престолов в церкви два - в главной Холодной, во имя Казанской Божией матери, и в Теплой – во имя Святителя и Чудотворца Николая, каменная, построена в 1805 году на средства прихожан, прочна, но требует ремонта, в летнее время, когда открывается храм холодный – поместительна, в зимнее время, когда закрывается холодный – малопоместительна. Местно-чтимая икона Святой Марии Параскевы. Крестных ходов в станице совершается два – первый в 9 пятницу после Пасхи, а второй 8 июля установлен в память прекращения заразной болезни на людей и скот. Приписные деревни на расстоянии от церкви от 12 до 25 верст. Сообщение удобное. В приходе часовен две – в поселках Камышловском и Пресногорьковском. Богослужения в них совершаются во дни Великого Поста для голодающих и во время крестных ходов по приглашению прихожан. Дом для священника церковный, по своей ветхости требует перестройки, а у псаломщика собственный дом. На притч земли положено пахотной, сенокосной. Лесной, удобной, притч пользуется землей беспрепятственно.

Жалование положено от казны: священнику 140 рублей, псаломщику 36 рублей Капитал церкви 3858 рублей, капитал притча 450 рублей. Дохода в братскую кружку бывает до 600 рублей. Притч пользуется доходом с участка вдовы войскового старшины Марии Кизиной (152 десятины). В приходе мужского пола 2560 душ, женского 1537. Раскольников в приходе нет.

По штату положено быть в приходе священнику, дьякону, псаломщику. Священник Яков Николаевич Киселев, 35 лет, студент Тобольской духовной семинарии, служит в сем приходе с 30 декабря 1890, имеет набедренник, родился в Ново - Николь-

ском Петропавловского уезда. В апреле 1901 года Киселев за полезную и усердную службу награжден фиолетовой скуфией.

В метрической книге церкви запись: «5 декабря 1901 года, священник Тарского уезда Яков Николаев сын Киселев скончался в возрасте 39 лет от крупозного воспаления легких, исповедал священник Александр Соколов, освидетельствовал медфельдшер ветеринарный врач 7 участка А.П.Шехтер, похоронен в церковной ограде». Для священника был построен деревянный дом. Иван Голошубин пишет: «прихожане плохо заботятся о содержании храма и с трудом дают на его отопление, а от постройки дома для псаломщика совсем уклоняются. Зажиточные из прихожан засевают разным хлебом до 30 десятин, средние – до 10 десятин, бедные 2-3 десятины. В приходе разводят много табаку – сбывают его на местных ярмарках. Имеется два маслодельных завода. В станице имеется кожевенный завод и два кирпичных сарая. Озер много и все они богаты карасями, по цене последние нередко равняются стоимости мяса. Причта по штату положено: священник, диакон и псаломщик».

В 1913 году станицу посетил епископ Омский и Павлодарский о. Андроник (Никольский). Узнав, что казаки не озаботились отводом надлежащих зданий для школ, владыка пристыдил их: «Станица существует давно, а вы, казаки, до сих пор не думаете о том, чтобы детям вашим было удобно учиться. Стыдно и стыдно вам, казакам, тем более что многие переселенцы опередили вас, — сказал он. — Видимся мы с вами не часто, а и теперь вас собралось маловато. Значит, вообще вы ленитесь посещать храм. Если же вы таковы, то где дети ваши увидят добрый пример? Смотрите, чтобы дети ваши не пошли еще хуже и не запечатали бы храм. Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Так жить нельзя. Такая жизнь походит на то, как если бы казак надел военные доспехи, а при нападении неприятеля струсил и побежал. Вы называетесь христианами, а грехи одолевают, и вы малодушествуете, вместо того чтобы благочестием искупить их и к благочестию и детей приучить. В старину добрая мать, едва только ребенок начинает лепетать, вкладывала в его сердце святое, рассказывая ему о житиях святых. А теперь? Теперь дети только и знают то, что учат в школе, да и

это, по нерадивости родителей, забывают за лето. У вас, например, две школы, но вы плохо заботитесь о них и детей начинаете учить поздно, даже с двенадцати лет. Какая уж тут забота, где тут говорить об усердии? Кроме этого, до меня дошли слухи, что вы не хотите отапливать храм. Если это так будет, то знайте: храм ваш будет закрыт, вы будете приписаны к другому приходу, и Господь вам не простит этого — Он тогда накажет вас... Подумайте о том, что жизнь наша начинается в храме в Таинстве крещения и здесь же оканчивается, когда нас приносят за молитвой на вечное упокоение». Насколько пророческими были слова, сказанные епископом, люди, слушавшие его, убедились уже в ближайшие годы. О.Андроник (Никольский) был зверски убит пермскими чекистами в июне 1918 года на Сибирском тракте. Архимандрит причислен Русской Православной церковью к лику Святых мучеников.

В Никольской церкви Пресногорьковской крепости Тобольской епархии Омского заказа в 1778 году служил Герасим Родионов. Родилось в этом году в его приходе, состоявшем кроме крепости из редутов Песчаного и Пресногорьковского, 45 человек. Бракосочеталось 16 пар, умерло 20 человек. В следующем году начал службу дьячок Иоанн Серебренников. В 1781 году службу в храме проводил Феодор Родионов. Жалование в середине XVIII века священнику было положено от 24 до 34 рублей в год, муки — от 6 до 9 четверти. Диакон получал 12 рублей и 6 четвертей муки.

Псаломщик Василий Иоаннов Серебренников служил в приходе псаломщиком с 1850 по 1905 год. Он происходил из семьи священнослужителей. Его прадед Павел Федорович служил пономарем в 1765 году в храме Ялуторовского заказа. Священниками были Никита Розанов (1853 год), Василий Петрович Попов (1881 – 1891), Василий Скосырев, Яков Николаевич Киселев (1891-1901), Ариан Булгаков(1903-1904), Иоанн Александров (1905), Алексей Федорович Поникаровский(1906 – 1907), Василий Александрович Преображенский (1909 – 1921), Дмитрий Зенченко (1911), Александр Мансветов.

Симеон Игнатъевич Коледа (Коляда) родился в 1859 году. Окончил Тобольскую духовную семинарию. На службе с 4 июня

1880 года. Служил в ст. Новорыбинской в 1891 – 99гг., ст. Коноховской в 1911 году, будучи священником на диаконовской вакансии Богородице-Казанской церкви ст. Пресногорьковской умер от рака в октябре 1914 года. Предположительно похоронен в ограде церкви.

Церковно-приходское попечительство при станице в августе 1902 года было утверждено в составе: урядники Репин, Успенцев, Полозов, казак Тимофеев, крестьяне Емельянов и Иванов. Церковными старостами были крестьянин Павел Мальцев (май 1900), казак Петр Лученинов (с февраля 1905), казак Василий Новгородцев (октябрь 1911).

В Звериноголовской, где несли службу пограничный батальон, инвалидная рота и артиллерийская команда, действовала Крестовоздвиженская церковь (*сохранилась до наших дней*). В станице Пресновской в 1847 году силами прихожан была построена «поместительная» церковь из соснового леса на каменном фундаменте во имя Архистратига Божия Михаила. Бригадный генерал Морис Эллизен, командир кавалерийской бригады, назначил исполнять надзор за строительством Николаю Ильичу Потанину, разорившемуся хоруужему, отцу известного путешественника, историка и «областника» Григория Потанина. В конце девятнадцатого века доход в пользу храма составил 200 рублей, получаемых от торговли двадцати лавок. Деньги шли на ремонт и украшение церкви. Из 4915 человек в приходе проживали раскольники поморской беспоповщинской секты – 124 человека. В 1892 году священником был Василий Михайлович Петухов, псаломщиком Петр Евгеньевич Робустов. В 1900 году в храме служил уроженец станицы Лебяжьей священник Никанор Николаевич Попов. Писатель Иван Петрович Шухов такой видел церковь в 1912 году: «Срубленная в лапу из могучих листовенных бревен и обшитая снаружи продольными тесинами с пазами, имитирующими кирпичную кладку, пропитанная при многократных покрасках вековым наслоением белил, церковь и впрямь выглядела белокаменной. Белокаменной. И в то же время маловесомой, строго – нарядной, слитной, с шатровой, порывисто устремленной в небесную высь, увенчанной жарко горевшим крестом колокольней. Церковь покоилась на самом возвышен-

ном месте станицы - на Древнередутском холме бывшей сторожевой казачьей крепости, обнесенной земляными валами. Оттого-то так хорошо и видна была она издалека-со всех дорог, сходящихся с четырех сторон света к станице». Главный колокол достался новому храму от старого, стоявшего с 1813 года. Отлит он был на деньги графа Семилова, назначенного атаманом станицы и прибывшего с Кавказа. По легенде, молоденькая дочь графа «обезножела» и несчастный отец все состояние отдал на изготовление стопудового колокола, вокруг которого висели одиннадцать маленьких. Граф был похоронен в церковной ограде. Надпись на чугунной плите гласила: «Здесь покоится прах лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка штабс-капитана командира Пресновского крепостного гарнизона – Наказного атамана графа Селиверста Захарова-Семилова, одарившего крепостной храм Большим колоколом в лето 1811-е. Рожд.1753. Сконч.1815 г. Мир праху твоему, командир отец. Благодарные пресновчане».

В станице Новорыбинской храм во имя Нерукотворного Образа Спасителя был возведен в 1864 году из камня и имел железную крышу. Он был малопоместителен и вмещал всего 200 человек. Службу в нем проводил священник Петр Яковлевич Попов(1900 г), сменивший Николая Федоровича Попова

В поселке Песчаном церковь построили в 1856 году, а в 1899-м перестроили «по ветхости своей, тщанием прихожан и при помощи сбора по епархии от добротных дателей» (в 80-х годах двадцатого века у краеведа Э.Крейтера имелась икона, подаренная церкви княгиней Меньшиковой). Церковь имела престол во имя Пророка Божия Илии. Она была деревянной, на каменном фундаменте и вместительна. Местночтимая икона-Святого Праведного Симеона Верхотурского. Крестный ход совершали 20-го июля по завещанию стариков, которые, во избежание падежа скота, до существования у них церкви, положили в этот день обходить с иконами озеро и вокруг поселок. Приписных поселков было три (Сибирский, Богоявленский, Крутоярский) расстоянием от храма в 11 и 6 верст, сообщение с ними удобное. В этих поселках имелись часовни. Земли для причта отвели 300 десятин. Священник получал 140 рублей в год, дьякон и пса-

ломщик по 120 рублей. Имеется четыре казачьих школы. В 1892 году священником был Дмитрий Георгиевич Буров, псаломщиком Алексей Аменподистович Тоболкин. В 1900 году служил Иван Яковлевич Александров, 38 лет, из Рязанской духовной семинарии, родом из Вышгорода Рязанской губернии (им подписана опись церковной утвари при реквизиции имущества Храма в Пресногорьковке в 1923 году – прим.С.В.). С 1899 года псаломщиком служил Александр Дмитриевич Румянцев, 24 лет, Новоузенского уезда, Самарской епархии. В наше время ни церковь, ни дом священника *не сохранились*. Место, где они стояли, густо заросло кленами, тополями и кустарником. Храм сгорел в 30-е годы XX века. Последнее его предназначение – колхозный клуб.

В крепости Кабаньей стояла деревянная однопрестольная церковь во имя Святой Троицы, построенная по предложению генерал-губернатора Капщевича в 1823 году на средства прихожан. В ней помещалось 400 человек. Церковь имела каменную ограду с чугунными решетками. К храму были приписаны поселки Екатериненский, Усердный, деревни Воздвиженская в 10 верстах, Успенская в 16 верстах и Чулочная Башкирской волости Курганского округа, в 20 верстах. Часовня находилась в поселке Екатерининском. Служил в этом храме с ноября 1894 года Григорий Федорович Федюшин, уроженец села Казанского Ишимского уезда. До него священником был протоиерей Лев Васильевич Андреев, псаломщиком Алексей Ефимович Пономарев. *Храм не сохранился.*

Церковь в поселке Починном при Федосовом озере была освящена в 1903 году (*не сохранилась*). В Пресноредутской молитвенный дом с алтарем был освящен в 1908 году. Об этом событии пишет священник А.Поникаровский: «22 июня совершено освящение молитвенного дома в поселке Пресногорьковском (редут – иначе), невеликого по своему объему, но пока достаточного для жителей поселка, дворов в 80...Новое здание это построено на месте старой часовни, на каменном фундаменте, из хорошего соснового леса, в короткое время (года в два)...Оно имеет только две главы, покрыто железом, крыша окрашена зеленой краской. Большие окна дают внутри очень много света, на

колокольне 5 колоколов небольших. Место в поселке новый молитвенный дом занимает центральное, на площади и будет служить теперь украшением поселка, лежащего между двух больших озер – пресного и горького, по оренбургскому тракту в 7-ми верстах от Архистратиги-Михайловской женской общины. 21-го, в субботу, вечером отправляли всенощное бдение ближайшие священники. Пел всю службу хор монахинь женской общины. Певчие очень недурно исполняли свое дело: можно было молиться под их стройное, тихое, с чувством, пение и многие молились Богу усердно со умилением. Вечером в церкви было мало народа: пора была такая, что хозяйки домов все были заняты «управой», а хозяева еще не возвратились с полей, с сенокоса. Сестры же нашей общины исправляли и все другие обязанности низшего клира. Паремии читала молодая монахиня превосходно: видно, что прежде чем выступить в церкви всенародно, она много трудилась над собою.

Погода доселе стояла сухая и жаркая. Вначале службы было прекрасно, так что литию мы выходили служить вне церкви на улицу, а потом погода испортилась. Эта перемена погоды не только не огорчила никого, но еще обрадовала всех: с Троицы здесь не бывало ни капли дождя. О нем давно уже тосковали люди и все живое на земле. Хлеба начали колоситься и гореть. Во время чтения Евангелия зашумел сильный ветер и вскоре пустился дождь».

Перед собравшимися выступил священник монастыря о.Сергий Бисеров, поблагодаривший всех за труды. Поселковый атаман провел сбор молодых казаков, после чего в сборном доме было дано угощение.

К вопросу о старообрядчестве. В документе за 1900 год сказано, что раскольников в приходе нет. В 60-е годы восемнадцатого века центрами старообрядчества в южном Зауралье были слободы: Утятская, Курганская, Куртамышская, Иковская, Белозерская, Усть-Суерская, расположенные севернее горьколинейных крепостей и редутов. Позже старообрядцы приняли активное участие в Пугачевском бунте на стороне восставших. Связи с названными слободами не могли не оказать определенного влияния на казаков, иначе тогда откуда такое большое количест-

во нательных старообрядческих крестиков и воспоминания старожил о лесе Крестовом, где молились раскольники. В 1838 году на всей линии было около 30 казаков-староверов, они проживали в Становой, Лебяжьей, Николаевской станицах. Южнее линии старообрядцев было немного. Раскольники проживали в основном в станице Акан-Бурлукской и ее поселках. Они прибыли в степь в 1849-51 годах из Харьковской, Саратовской и Оренбургской губерний.

О священнике о. Василии (Преображенском)

Василий Александрович вырос в бедной крестьянской семье, проживавшей в Вологодской губернии. В 1901 году окончил семинарию и был назначен священником при Погосте Тотемского уезда. В 1909 году он вместе с семьей был сослан в станицу Пресногорьковскую под надзор полиции за то, что в своем доме хранил рабочую типографию брата своей жены, известного революционера В.Х.Попова (партийная кличка «Василий Темный»). Жена священника, Анна Христофоровна, была заведующей казачьим училищем. В 1923 году ее арестовали по доносу – в учительской была обнаружена газета с ее пометками, в которой говорилось, что все отобранное у народа зерно не вывезено и горит в вагонах. «Мать посадили, каждое утро ее водили в контору, где она выполняла бухгалтерскую работу, а вечером возвращали в тюрьму. Хлопотал за нее и способствовал ее освобождению И.М.Туровский» - вспоминал Сергей Преображенский. Умерла она в 1947 году в Свердловске.

Дети Преображенских: Александр и Екатерина (умерли в раннем возрасте в 20-х годах, похоронены в Пресногорьковке, рядом с отцом), Людмила († в 1946 г. в Кемерово), Николай (1910 – 1943 гг.), Владимир (1917 – 1981 гг.), военврач, Сергей (1904 – 1990 гг.).

В Пресногорьковке Преображенских очень уважали – еще в конце 90-х старожилы вспоминали Анну Христофоровну как очень строгую и справедливую учительницу.

В 1921 году священник Василий Преображенский и церковный староста Петр Лученинов были расстреляны как участники Западно-Ишимского восстания, с формулировкой «за участие в шпионаже и грабеже». Отец Василий принял мученическую

смерть. Каратели привязали его цепями к дубу, росшему рядом с почтовым трактом у леса Маяк и, долго пытали, после чего расстреляли.

В сентябре 1977 года автору книги пришлось копать могильную яму в юго-восточном углу кладбища, самом дальнем от входа на погост. На метровой глубине лом провалился в пустоту, из которой был извлечен большой человеческий череп. Копачи продолжали работу и обнаружили рядом детские останки. Остатков гроба не нашли. По словам подошедших стариков, это был прах расстрелянного весной 1921 года священника Василия Преображенского и его дочери Екатерины, умершей в возрасте восьми лет в том же году. По воспоминаниям С.В.Преображенского, она была похоронена рядом с братом - близнецом Александром вскоре после возвращения из отступления на восток с белыми в январе 1920 года. Скорее всего, батюшка после расстрела был похоронен женой рядом с умершими ранее детьми. Это значит, что мы не потревожили прах третьего. Захоронения постепенно заросли травой, холмики сравнялись с землей, и через шесть десятков лет бригада копателей выбрала уже ровное место для нового погребения. Сейчас на месте найденных останков находится захоронение Токаревой. Фотографию расстрелянного я увидел лишь спустя тридцать лет в журнале «Урал». Сергей Преображенский побывал в Пресногорьковке в 1973 году и видел человека, расстрелявшего его отца. Фамилию его Сергей Васильевич так никому и не сказал. Мне по косвенным показаниям удалось узнать имя палача, но по этическим соображениям обнародовать его не буду. Тело убитого псаломщика Петра Васильевича Лученинова было выкрадено у расстрельной команды женой Любовью Андреевной и тайно захоронено. О месте погребения не рассказывали даже внукам, боясь преследований. После расстрела семья была выслана в Челябинскую область, там остался сын Филипп. Любава вернулась в станицу, где умерли сын Николай и дочь Агния (от брюшного тифа). Младшая дочь, Анна Петровна, скончалась в Пресногорьковке в 1993 году. По-видимому, и захоронение о. Василия оставалось под запретом, о чем свидетельствует тот факт, что он был

захоронен без гроба на небольшой глубине, даже холмика не осталось, не говоря уже о кресте.

«Омские епархиальные ведомости» в феврале 1917 года поместили заметку под названием «Пастырь добрый». В ней обыватель писал: «Из ст. Пресногорьковской переведен в Ново – Омск священник о. Василий Преображенский. За свою семилетнюю службу в станице он зарекомендовал себя как истинный пастырь народа и как общественный деятель. Он был инициатором и учредителем Богородице-Казанского братства, которое снабжает станицу учебными пособиями и преследует благотворительные цели. В 1916 году оно кормило бедных. В нынешнюю войну оказывает посильную поддержку солдаткам. До открытия здесь высшего начального училища Братство имело школу, которая подготовила учеников в высшее начальное училище, и все ученики 4 класса являются воспитанниками братства. Братство не оставляет своих выучеников и сейчас, давая им стипендии: например в Курганской гимназии есть братская стипендиатка (Меринова Т.Д. – прим.С.В). Преображенским было открыто кредитное товарищество, которое имеет паровую мельницу и наличный капитал. Им же учреждены: общество потребителей, которое имеет магазин и с/х общество, целью которого является снабжение населения с/х машинами на прокат, с/х общество имеет показательное поле. Св. Преображенский во всех этих учреждениях принимал деятельное участие и состоял председателем.. Узнав о переводе своего пастыря, прихожане поднесли ему письменный прибор с надписью: «священнику о. Василию Преображенскому от благодарных Пресногорьковичей». Общество потребителей, в благодарность за плодотворную деятельность вручило ему 100 рублей на проезд. Рождественские праздники о. Василий провел со своими прихожанами. 15 января им была отслужена последняя литургия. Почти вся станица собралась в храме. Трогательно было прощание пастыря с пасомыми. Плакал священник, плакали и прихожане. После обедни священник уезжал. Масса народа провожала его. Многие поехали провожать версты за две, а о. дьякон, учащие высшего начального училища и следователи поехали провожать за 18 верст до ближайшего поселка. Станица лишилась главного импульса куль-

турной и общественной жизни. Венцом его деятельности было открытие и постройка высшего начального училища. Если бы не о. Василий, долго бы здесь не было училища, а, будучи открытым, оно ютилось бы по квартирам. Благодаря его стараниям оно имеет теперь собственное просторное светлое двухэтажное здание (сгорело в 1959 г. – прим.С.В.)». Автор не случайно привел пространную выдержку, сохраняя стиль. Трудно поверить, но через четыре года после проводов священник будет расстрелян этими же людьми и забыт на десятки лет. Слова епископа Андроника о судьбе храма оказались пророческими – будучи на Рождественской службе через 95 лет после последнего служения о.Василия, в 2012 году, автор увидел в храме лишь два десятка старушек. Жители Пресногорьковки тянулись к бару в поисках развлечений.

В 1922 году имущество, ценные вещи храма, были описаны комиссией во главе с Ф.Н.Церахто. В описи от 24 мая 1923 года значатся: церковь каменная с оградой, занесенной железной решеткой на каменном фундаменте, колоколов 7 (*вес: первого 125 пудов 29 фунтов, второго – 70 пудов, третьего – 25 пудов, четвертого – 20 пудов, пятого – 7 пудов, шестого – 5 пудов, седьмого – 1 пуд*). Среди утвари упоминаются почему-то не экспроприированные комсомольцами два серебряных сосуда и два креста, а также 13 больших икон и 40 маленьких «разного вида деревянных». Некогда богатейшая церковь была разграблена вчистую, отобраны даже испорченные часы. Долгое время ходили слухи, что церковные ценности были спрятаны в потайной подвальной комнате, где их до сего дня не нашли. Но их не нашли и строители, вскрывавшие пол во время реставрации в 2005 году.

В 1935 году храм был закрыт по решению схода селян и превращен в склад для хранения зерна. Им засыпали всю церковь, а весной обнаружили нехватку зерна. Был арестован сторож и посажен в КПЗ. Оказалось, что пол не выдержал веса, и часть зерна стекла в подвалы, которые существовали до войны, в них обучали военному делу (впоследствии их засыпали). Существует версия о подземном ходе, ведущем за пределы крепости, начало которому в подвалах. Однако, ни при строительстве школы (1976 – 1982 гг.), ни при постройке водопровода никаких следов

его обнаружено не было. Кладбище и церковь были обнесены забором (кирпичная невысокая кладка и по ней кованый железный забор – его остатки в конце века у домов Т.Л.Канахиной и Л.Шороховой, в 2010 году ограда установлена у дома Виниченко В.Н. по ул. Береговой). Еще в 90-е годы остатки чугунных могильных надгробий, расколотых надвое, валялись по селу. Сами следы кладбища стерты. В 40-е годы колокольня была разобрана для строительства МТС, она была выше оставшейся части (17м) и имела остроконечный купол. До сих пор стоят стены МТС из старинного кирпича с непонятным клеймом, практически не осталось очевидцев строительства мастерской в середине 30-х годов.

Из воспоминаний Ю.Ф.Ермолаева (род. в 1926 году): « На центральной площади стоял Никольский храм. Прекрасное архитектурное сооружение с двумя колокольнями – Большой и Малой. Со всех четырех сторон Большой колокольни висели колокола. На северной - самый большой (он долго валялся в церковной ограде, на нем была надпись гласившая, что его отлили в 1678 году), на восточной - два поменьше, на южной - четыре еще меньшего размера и на западной - восемь самых маленьких.

Вторая колокольня была ниже первой и находилась в восточной части храма. Церковь была побелена. Кровля была покрыта жстью и блестела как новая. Церковь была со всех сторон ограждена оградой из металла на фундаменте, который был выложен из кирпича.

Все сооружение было обсажено тополями, которые к нашим дням стали могучими столетними богатырями. Внутри ограды было несколько захоронений, накрытые мраморными плитами, надписи на которых не помню. В ограду было два входа ворот с арками с запада и востока.

Весной 1935 года начали разбирать церковь. Из окон школы мы смотрели, как снимали с колоколен кресты, сбрасывали колокола. Миру было возле церкви уйма, половина Пресногорьковки сбежалось глазеть на это зрелище, но милиция близко никого не подпускала, кроме рабочих, которые крушили это прекрасное строение. Ломка поддавалась с трудом, так как кладка

была добротная на хорошем растворе. И кирпич, и раствор ломался только со звоном, ломали долго».

Из воспоминаний И.С.Горшкова († в 1994 г. в возрасте 86 лет):

«Церковь разрушали в 1931-32 годах. Сбрасывали колокола, снимали кресты, растаскивали все, что было внутри, после был клуб с пожарной частью, к тому времени не было ни окон, ни дверей, ни полов. Вид с улицы был очень красивым, когда она работала. Двери, железная ограда, высокие тополя. У стен на кладбище было три памятника..».

«Церковь украшали все жители, дарили, кто что мог, колокол в 64 пуда подарила вдова офицера Ядрилова. Дарили ковры, скатерти. В субботу и перед праздниками девушки ходили мыть пол, ребята носили воду. Украшали церковь садовыми и полевыми цветами, зимой бумажными венками и букетами. Нам, детворе, разрешали подниматься на колокольню, но колокола запрещали трогать. Их было 4 на все стороны света. Сторож жил рядом в сторожке. Иконы были переданы в Петропавловский музей» (Демченко М.Я. 85 лет).

«Специалистом по погрому церквей был некто Давыдыч, житель села Камышловки, он сбросил кресты с Камышловской церкви, колокола с Пресногорьковской и Пресновской церквей, был большой любитель выпить и избить до полусмерти человека» (Лавринов Н.Г.). Этот погромщик храмов, в конце концов, свалился с купола и разбился насмерть.

С южной стороны была сделана пристройка для сцены Дома культуры. На втором этаже настелили пол, открыли районную библиотеку. С 1957 по 1983 годы здание использовалось как пожарная часть. К этому времени разобрали колонны центрального входа, вырубали ворота для выезда пожарных машин, засыпали подвалы, выкопали ямы для осмотра машин, забетонировали подвал для воды. В мощных двухстворчатых дверях, через которые прошло несколько поколений станичников, проделали дыру для трубы – качали воду в пожарные машины. В алтаре поставили электродвигатели. 16 апреля 1992 года при очистке здания храма, церковным старостой В.А.Хандюковым в холодном приделе под алтарем, под тремя рядами кирпича, было обнаружено

захоронение (глубиной до 2м). В нем обнаружен скелет человека среднего роста, волос и ногтевых пластинок нет, остатков одежды нет, кроме двух костяных пуговиц, цвет костей песочный с белым налетом. Когда я спустился в могилу, то был удивлен видом удивительно жирной и черной земли.

На следующий день, после молитвы о.Глеба, прах был погребен там же. Электромоторы на бетонном фундаменте убрать не удалось, поэтому пол в этом приделе настелен почти под самые подоконники. Доски положили сверху моторов.

Версия автора: после основания крепости летом 1752 года, вплоть до закладки каменного храма в 1801 году, кладбище располагалось в пределах четырехугольных стен крепости, в западной ее части. За пределы кладбище не выносили, так как оно могло быть уничтожено при набегах. Каменный храм заложили на месте сгоревшей церкви прямо на кладбище. Ряд захоронений драгун и казаков оказались внутри церкви.

В сентябре 1990 года у северной стены церкви провалилась земля. Автор со школьниками на глубине 70 см обнаружил саркофаг из тонкого красного кирпича, под которым были остатки богатого гроба (толстое дерево с остатками материи, прибитой декоративными медными гвоздями. На остатках торцевых досок – медные ручки). Из одежды березовые (из коры) стельки сапог, из остатков волос – толстая коса. Одно из захоронений, земля над которым провалилась, было перенесено о.Романом в 2005 году на другое место в церковной ограде.

Начало восстановлению храма положил уроженец Пресногорьковской Николай Владимирович Коляда (род. в 1957 г.), известный в России и за рубежом писатель и драматург.

6 ноября 1990 года по инициативе Н.В.Коляды и председателя сельского Совета Виниченко Н.Д. был приглашен о. Виктор (Петров), настоятель Косьмо – Демьянской церкви г.Кустаная. Церковь была освящена при большом стечении народа в сильную пургу. Люди набились внутрь здания, заняли все оконные и дверные проемы, которые не имели ни дверей, ни рам. Люди, столько лет разрушавшие здание, теперь, словно осознав свой тяжкий грех, в молчании слушали отца Виктора.

Летом 1991 года настоятелем Свято – Никольского храма был назначен о.Глеб (М.Авдеев), москвич, 28 лет, иеромонах (при нем началось восстановление церкви, память о его пребывании в Пресногорьковке хранится в наших сердцах). Восстановление началось весной 1992 года (Хандюков В.А. Коваль М.). 19 января 1992 год произведен первый после 1921 года обряд Крещения в Иордани на озере Пресном, а в мае водружены кресты на куполе. Летом 1993 года были заложены ворота для пожарных машин с южной стороны. 23.12.93 отец Глеб покинул Пресногорьковку, что стало большой потерей для сельчан. Епархия назначала для ведения службы священников – о.Викентий (1994 – 1995 гг.), о.Владимир (Волощук) (14.04.95 – август 96), о.Олег (Лебедев) (сентябрь 1996 – 1999 гг.). О.Роман (Зверев) принял активнейшее участие в реставрации церкви летом – осенью 2005 года, работал вместе с реставраторами, сам красил кресты на огромной высоте, показал себя настоящим подвижником. Им были перезахоронены останки из могильной ямы севернее храма (уехал весной 2010 года). Летом 2005 года храм был частично восстановлен. Вновь грянул над станицей колокольный звон.

Известны лишь три фотографии Храма в Пресногорьковке дореволюционного периода.

Первая сделана в конце девятнадцатого века Э.Ярженовским и помещена в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Спб.1903». Съемка сделана с пожарной каланчи станичного правления и дает общий план расположения церкви с восточной стороны.

Вторая фотография принадлежит соотнику Н.Г.Катанаеву (1909 год), снимок сделан весной в яркую, солнечную погоду с запада, со стороны нынешнего стадиона. Третья фотография сделана с северной стороны в период с 1909 по 1918 год предположительно Анной Христофоровной Преображенской, которая увлекалась фотографией (личный архив Преображенских, г. Москва. Переданы в Пресногорьковку драматургом Н.В.Колядой).

Авторское отступление. Домик, в котором я появился на свет, стоял всего в трехстах метрах от северного входа в Храм. Я не был воспитан в православии, но через всю сознательную жизнь пронес величественный образ единственного купола

с торчащим вместо креста железным штырем. Мне кажется теперь, что именно притягивающий образ нашего полуразрушенного Храма помог мне преодолеть жизненные трудности и, в конечном итоге, пройти путь от воинствующего атеиста до верующего человека.

Наш старинный Храм... Место встречи человека с Богом. Через огромные двустворчатые деревянные двери за полтора столетия церковной службы прошли сотни казаков и казачек. В этих стенах крестили, венчали, отпевали целые поколения станичников и иногородних поселян. Толстенные метрические книги содержат подробную информацию об этих людях. Правильно будет сказать, что Божий Храм был духовным центром станицы, местом, где люди возносили совместную молитву ко Господу. Отсюда они отправлялись в христианскую жизнь, уходили на многочисленные войны, от каменных стен их увозили в последний путь – на погосты окрестных поселков. Даже школа была построена под сенью креста. Не потому ли из стен ее вышел целый ряд известных всей стране людей, и в этом видится мне промысел Божий. Великолепный Храм подвергли поруганию в годы оголтелого атеизма. Богатый интерьер Храма остался лишь на фотографии 1909 года, сделанной Н.Г.Катанаевым. Будто из прошлого шагнул к нам с фотографического изображения псаломщик Василий Иоаннович Серебренников, служивший в Храме более шестидесяти лет. Сегодня Свято-Никольский храм вновь радует глаз. Именно он невидимыми нитями связал прошлое и настоящее, умерших и ныне живущих. Крепко свяжет он и будущее, которое неминуемо станет прошлым. И будет стоять вечно...

Храмы были построены в Звериноголовке, Кабани, Пресновке, Новорыбинке, Становой, Архангелке, Вознесенской, Песчанке. Часовни имели поселки Пресноредутский, Крутоярский, Камышловский, Екатерининский, Островной, Казанский. Они не сохранились. В 1876 году на Горькой линии число церквей составляло 15.

Воспоминания очевидца о пожаре церкви в селе Макарьевка (40 км восточнее Пресногорьковской):

«В середине 20-х годов комсомольцы собрались на заседание, где решали вопрос о церкви, хотели сделать там клуб. В самый разгар споров в комнату вбежал подросток с криком: «Пожар!». Погода стояла ясная, на небе ни облачка. Откуда ни возьмись, налетела грозовая туча, и молния ударила прямо в купол, церковь занялась как свеча. Построена она была на самом видном месте у озера Церковного, здесь же располагалось кладбище. Огромные иконы, которые вынесли раньше, использовали в качестве крышек столов ликом святых вниз» (Виниченко А.Р. †2006г.).

В начале XX века большую роль в жизни населения Пресногорьковской линии играл Архистратиго – Михайловский женский общежительный третьеклассный монастырь. В 1908 году в нем проживали 6 монахинь и 119 сестер- послушниц. Монастырь закончил существование в 1921 году, после жестоко подавленного Западно-Ишимского восстания против советской власти.

« 1914 г. В черте усадьбы монастыря имелось десять домов для помещения сестер, полукаменный двухэтажный корпус, внизу трапезная, наверху келии. За рвом гостиница и дом с прислугами для священника. На заимке дом для чернорабочих и отстроен большой другой, там же мельница, кузница и кирпичный сарай» (Омская епархия).

О монастыре и крестном пути матушки Евпраксии

В 1858 году в семье священника родилась дочь Анна. Окончив училище, она вышла замуж за боевого казачьего офицера Алексея Прохоровича Казина, сына полковника Сибирского казачьего войска. Старый Казин проживал в Пресногорьковской в большом двухэтажном доме с лавкой в цокольном этаже постройки 1870 года.

Алексей недолго пожил в доме отца с молодой женой. По пыльному казачьему тракту увез ее в Омск, где служил в одной из сотен 1-го военного отдела. Однако, этот период продолжался недолго – в студеное января 1890 года есаул Казин скончался от чахотки. Анна, выдержав страшный удар судьбы, приняла решение: продать новый семи комнатный дом в станице Пресновской и основать на доставшемся в наследство от есаула Казина земельном участке женский монастырь. Земля здесь была

удобна для хлебопашества и сенокосения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской о. Никанору Попову. Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, предупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины. На это казачка ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную».

Анна Казина совершила паломничество – побывала у Симеона Праведного в Тобольском Ивановском монастыре и в Троицком Челябинского уезда Оренбургской губернии, где познакомилась с житьем инокинь и монастырским уставом.

В конце 1895 года в березовом лесу неподалеку от станицы Пресноредутской были вырыты землянки для будущих насельниц женской общины. «Зимой в землянках, терпя всякие лишения, стали трудиться с Анной Васильевной: казачья вдова Мария Никифоровна Лепехина, Мария Лашманова и девицы Феврония Столбовская и Евфимия Быкова».

9 января 1896 года жертвовательница подала прошение епископу Омскому и Семипалатинскому Григорию: «по милости Божией я имею в беспорном владении землю в количестве 1198 дес. и 558 саж. Мне желательно посвятить эту всю землю в дар Богу с тем, чтобы на ней воздвигнута была женская обитель в честь св. Арх.Михаила и проч. Бесплотных сил и чтобы в сей обители совершалось поминовение моих родителей. Посему покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять от меня всю означенную землю и ходатайствовать пред правительством о создании на ней святой женской обители и об укреплении за сей обителью жертвуемой земли».

19 января 1896 года преосвященный епископ Омский и Семипалатинский Григорий благословил устройство обители.

В 1897 году был построен маленький молитвенный дом с алтарем.

На строительство были использованы средства от продажи дома в станице Пресновской, оказали помощь отец и Николай

Казин. В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Георгия Яковлева: «Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединяясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин».

Летом следующего года из своего леса была выстроена крытая тесом часовня, вмещавшая до 30 человек, и три деревянных жилых дома. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, заготовили сено и дрова на зиму. Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приютила девочек – сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадский стали посылать денежную помощь, книги и одежду. Кустанаец Филипп Флорович Чураков пожертвовал на колокол, жертвовали деньги - вдова урядника пос. Кабаньевский Анна Никитишна Пугина, Глафира Федоровна Стахеева из г.Елабуга, москвичи Елана Никитишна Феоктистова и Иоанн Федорович Терещенко. Есаул Александр Прокопьевич Панков с женою Елизаветой Михайловной пожертвовали на устройство ограды». Главным жертвователем стал епископ Григорий, внесший 1860 рублей. Всего за первое десятилетие существования общины «добрых» подаваний было получено 4643 рубля, о чем с чувством глубокой благодарности пишет монахиня Евпраксия в 1907 году.

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил «представление Преосвященного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архи-

удобна для хлебопашества и сенокосения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской о. Никанору Попову. Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, предупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины. На это казачка ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную».

Анна Казина совершила паломничество – побывала у Симеона Праведного в Тобольском Ивановском монастыре и в Троицком Челябинского уезда Оренбургской губернии, где познакомилась с житьем инокинь и монастырским уставом.

В конце 1895 года в березовом лесу неподалеку от станицы Пресноредутской были вырыты землянки для будущих насельниц женской общины. «Зимой в землянках, терпя всякие лишения, стали трудиться с Анной Васильевной: казачья вдова Мария Никифоровна Лепехина, Мария Лапманова и девицы Феврония Столбовская и Евфимия Быкова».

9 января 1896 года жертвовательница подала прошение епископу Омскому и Семипалатинскому Григорию: «по милости Божией я имею в беспорном владении землю в количестве 1198 дес. и 558 саж. Мне желательно посвятить эту всю землю в дар Богу с тем, чтобы на ней воздвигнута была женская обитель в честь св. Арх.Михаила и проч. Бесплотных сил и чтобы в сей обители совершалось поминовение моих родителей. Посему покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять от меня всю означенную землю и ходатайствовать пред правительством о создании на ней святой женской обители и об укреплении за сей обителью жертвуемой земли».

19 января 1896 года преосвященный епископ Омский и Семипалатинский Григорий благословил устройство обители.

В 1897 году был построен маленький молитвенный дом с алтарем.

На строительство были использованы средства от продажи дома в станице Пресновской, оказали помощь отец и Николай

Казин. В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Георгия Яковлева: «Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединяясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин».

Летом следующего года из своего леса была выстроена крытая тесом часовня, вмещавшая до 30 человек, и три деревянных жилых дома. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, заготовили сено и дрова на зиму. Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приютила девочек – сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадский стали посылать денежную помощь, книги и одежду. Кустанаец Филипп Флорович Чураков пожертвовал на колокол, жертвовали деньги - вдова урядника пос. Кабаньевский Анна Никитишна Пугина, Глафира Федоровна Стахеева из г.Елабуга, москвичи Елана Никитишна Феоктистова и Иоанн Федорович Терещенко. Есаул Александр Прокопьевич Панков с женою Елизаветой Михайловной пожертвовали на устройство ограды». Главным жертвователем стал епископ Григорий, внесший 1860 рублей. Всего за первое десятилетие существования общины «добродетельных» подаваний было получено 4643 рубля, о чем с чувством глубокой благодарности пишет монахиня Евпраксия в 1907 году.

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил «представление Преосвященного Омского Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архи-

стратиго – Михайловскою... На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совершения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника. Летом 1902 года был освящен поместительный деревянный храм во имя Святой Троицы. Богослужение в ней проводилось с 1901 года на походном престоле священником о. Александром Соколовым. В храме находились подаренные в 1903 году москвичами Федором и Елизаветой Долгинцевыми особо почитаемые иконы: Иверская икона Пресвятой Богородицы с частицею мощей Святого Пантелеймона и икона сошествия Святого Духа на апостолов с частицей Креста Господня.

Приехавший на торжество Преосвященный Омский Гавриил постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии и возведением ее в сан игуменьи обители. Ближайшие ее сподвижницы также приняли духовные имена – Евстолия, Епифания, Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Еликонида, Евлампия, Анна. В 1907 году казначей общины была монахиня Апполиария, благочинной - монахиня Виталия, церковной старостой - монахиня Ангелина, экономкой - Ирина Распопина.

Монастырь рос. Через 10 лет после его основания игуменья Евпраксия обращается с письмом к Императрице Александре Федоровне: «Будучи пионером христианства, в таком глухом углу, как Киргизская степь, монастырь дает приют уже 154 сестрам и призывает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...». Настоятельница заботится и о школе, «этом рассаднике знания в духе православия, самодержавия и народности», поэтому просит императрицу выделить средства на строительство «благотворного» храма и школы. В г.Кургане до наших дней сохранился Монашкін двор – деревянный двухэтажный дом по улице Коли Мяготина, 160. Здесь находилось подворье монастыря. Сестры занимались рукоделием и беседовали с пришедшими о спасении души. Здесь, на Троицком кладбище, игуменья предполагала построить храм. 31 августа 1909 года она писала в Тобольск «...осмелюсь просить утвердить план на церковь в горо-

де Кургане Тобольской епархии и благоволите разрешить постройку. При сем прилагаю проект плана, смету и разрешение городской думы». Сестрам «чужой» епархии было отказано в строительстве. Ныне на Троицком и старообрядческом кладбищах стоят многоэтажные дома, а за домами № 181 и 185 по улице Коли Мяготина сохранились огромные кладбищенские тополя, на которых долгое время, после закрытия кладбища в 1928 году, висели ритуальные венки.

В 1908 году обитель получила статус монастыря (Указ Св.Синода от 27 мая), а 17 сентября настоятельница «за ревностную и полезную службу» возведена в сан игуменьи.

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, профсорный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске и Кургане. У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом, который за небольшую плату был вырыт переселенцами в 1907 году. К центру с востока была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи.

Мужчин в монастыре было двое – священник (Николай Попов, Александр Соколов, Иван Симонов) и дед - мельник, ловивший рыбу для общины в круглом озере.

Монахини из казачьих семей несли послушание в рукодельных группах, иконописной, чеботарне, просфорне, работали доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. В храмах монастыря шли ежедневные богослужения. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором.

О хоре вспоминали те, кто был на службе в храме: « это было красивое, волнующее, исполнение. Церковный хор в исполнении 20 прекрасных молодых голосов под руководством дочери казака станицы Крутоярской Марии Бобровой, приводил молящихся в восхищение, вызывая слезы на глазах. Священник о. Иван Симонов имел сильный голос, и, бывало, подхватит какую-нибудь ноту вместе с хором, кажется, будто церковь поднимается в воздух».

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице ее почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое черным бархатом кресло. Разговаривали с ней через специальную трубку, так как она стала плохо слышать после смерти мужа.

Игуменья с сестрами с огромной тревогой восприняли октябрьские события 1917 года. Монахини стали свидетелями жестоких боев между казаками Сибирского корпуса и красноармейцами 5-й армии осенью 1919 года. Игуменья Евпраксии было ясно, что близится конец делу всей ее жизни. Но, пока шла братоубийственная Гражданская война, у богоборческой власти не доходили руки до расправы с монастырем.

В феврале 1921 года началось Западно-Ишимское восстание казаков и крестьян против Советской власти. Оно было безжалостно подавлено регулярными частями Красной армии. В конце зимы монастырь был захвачен отрядом ЧОН. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию и монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея. Матушку Евпраксию и Феофанию увезли в Федоровку и расстреляли. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари - прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви мона-

стыря (впоследствии на этом месте располагалась сцена дома культуры). На груди игуменьи лежала большая черная книга-Святое Писание. Той ночью молодые монашенки, следовавшие за отрядом и бывшие свидетелями казни, погрузили замерзшие тела на телегу и привезли в монастырь. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки на всеобщее обозрение. После этого кощунственного акта останки были захоронены на Песчановском погосте богомольными жителями.

Существует иная версия расстрела монахинь (по Сергею Шатилову, в руки которого попало письмо жителя Макарьевки Степана Аникеевича Хамазина). В письме говорится, что, по словам деда Хамазина, трое монахинь (игуменья Евпраксия, сестра Феофания, сестра Нина или Серафима?) были расстреляны вечером на льду озера Церковного у Макарьевки в северо-западной части озера в ста метрах от берега. Убитые пролежали ночь и день и лишь на следующую ночь три жителя Макарьевки (Крюк? Братчиков?...) на трех санях вывезли трупы в монастырь. Убиты монахини были выстрелами в затылок, в расстрельной команде было около десяти человек. Лежали одетыми. В 1969 году при разборке зданий детдома в алтаре нашли склеп с останками трех убитых. Хамазин видел черепа, в одном из которых была пуля. Черепа имели проломы сзади. Женщины села Песчанка собрали кости и похоронили на кладбище села, которое называют монастырским. Якобы, в центре кладбища была часовенка, возле нее и захоронили. По свидетельству жителя Песчанки Ивана Подобина найдены в алтаре только черепа и остатки одежды, вместе с ними лежала большая черная книга. И похоронили не на кладбище, а где-то на территории монастыря. Версию расстрела у Макарьевки подтверждает и краевед А.И.Дедов со слов послушницы монастыря Зинаиды Дедовой. По воспоминаниям директора детдома Николая Петровича Расюка при уничтожении зданий в алтаре были найдены два черепа с характерными круглыми отверстиями, которые закопали на Песчановском кладбище, на месте упокоения праха невинно убиенных монахинь, которые были захоронены еще в 20-х годах.

Монастырь после разгрома восстания был разграблен. В экономике устроили социалистическую сельхоз артель «Труд». Работники артели поселились в двухэтажном доме. Им передали все сельхозмашины, 20 лошадей, несколько пар волов, коров, сотню овец, ветряная мельница и кузница. В 1922 году в некоторых монастырских строениях еще ютились 15 монахинь, которым некуда было уйти. Церкви были опечатаны. Даже со старыми зданиями воевали – в 1924 году некий строитель «светлого будущего» писал: «необходима изоляция построек, напоминающих старое монархическое время, как старая церковь и часовня, которые, в случае невозможности продажи с торгов надо передать населению близлежащих сел, ввиду того, что таковые до сего времени состоят в ведении монахинь, которые привлекают к богослужению значительную массу, агитируя среди таковой...». Александр Иванович Дедов в одной из своих книг рассказал о судьбе Зинаиды Владимировны Дедовой, ушедшей из деревни Филиппово в монастырь в 1908 году. Зина была посылной у игуменьи, бывала по делам на подворье в Кургане. В монастыре научилась читать и писать, шить верхнюю одежду и платья, вышивать. По ее воспоминаниям, игуменью расстреляли у деревни Макарьевки, что в пяти верстах к югу от монастыря. До своей кончины в 1934 году монахиня Зинаида служила в молельном доме деревни Филиппово, воспитывая приемную дочь. Умерла баба Зена (так ее звали односельчане в неполных пятидесяти) от воспаления легких, после похорон монахини Марьяны в селе Чулошном, куда она ходила пешком. Дух уже несуществующего монастыря жил в сердцах воспитанниц весь их земной путь.

В дальнейшем здесь открыли детский дом имени Ленина, в котором жили дети «врагов народа». Насельницы монастыря разбрелись кто куда. Монастырский священник Павел Дмитриевич Пархомов служил в детгородке фельдшером, заведовал больницей и аптекой. Другой батюшка, Александр Соколов, будучи в почтенном возрасте был репрессирован в период коллективизации.

После окончания Великой Отечественной войны детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: «Миновал по-

следние деревья на бугре, оказываюсь в поселочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по-прежнему непривычной формы, с неестественными кровлями, напоминающими теперь почему-то всадников без головы. Это - приспособленные под клуб и школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям».

Детский дом просуществовал до 1966 года. По воспоминаниям последнего директора Н.П.Расюка, он был закрыт согласно постановления Совета Министров КазССР из-за удаленности от областного центра и отсутствия дорог. 187 детей были распределены по интернатам. Началось постепенное уничтожение монастырских зданий. Метровые стены рвали при помощи гусеничных тракторов.

В 2009 году от всего огромного комплекса монастырских зданий остались лишь стены двухэтажной школы и 1-ый этаж дома священника. В 33 саженьях от него на запад высится большой холм – все, что осталось от некогда великолепного храма во имя Святой Троицы. В ее стенах в 50-е годы располагалось здание клуба. Где-то здесь, на церковном погосте, похоронен прах есаула Казина, который был перенесен сюда по просьбе вдовы в 1901 году. Местность покрыта остатками фундаментов различных сооружений, заросших кустарником и молодыми березами. По краю крутого склона проходит заметная борозда – ров, опоясывающий территорию монастыря, время почти сровняло насыпь дороги, петляющей вдоль озера к Макарьевке. В монастырском саду тишина. Опавший лист толстым слоем устилает землю. Изредка хрустнет под ногами ветка. В монастыре существовал обычай – за проступок в несении послушания молодые монашенки сажали дерево в саду. Десяток огромных столетних сосен составляют аллею, по которой некогда любила гулять игуменья, даже через сто лет видны остатки посаженных тогда деревьев, различима планировка парка из акации и сирени. Завершает строй сосен два сросшихся гигантских, в три обхвата,

карагача. Дом игуменьи стоял у плодового сада, от него остался небольшой холм. Вид, открывающийся с гребня, который был выбран в 1897 году для строительства, очень красив – глубокая долина, озеро, привольная лесостепь, на юго-западе виден древний курган Сары – оба (о нем пишет Сабит Муқанов в книге «Школа жизни»). Посещение этого места оставляет в душе человека глубокий след – среди окрестных жителей существует поверье, что души расстрелянных монахинь неприкаянно бродят по окрестностям.

В октябре 2010 года на месте храма, в алтаре которого в 1921 – 22 годах хранились останки расстрелянных монахинь, в присутствии студентов и преподавателей Северо – Казахстанского университета и учащихся воскресной школы, был установлен памятный деревянный крест, освященный о. Дмитрием (Пресновская).

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице. В начале двадцать первого века жива была последняя старушка, помнившая дореволюционную жизнь в монастыре. Будем хранить память о настоятельнице Архистратиге – Михайловского монастыря, крестный путь которой и мученическая смерть явили нам пример беззаветного служения Господу...

В 1934 году в Харбине протоиерей Георгий Яковлев вспоминал, что, будучи писарем у благочинного 1-го Петропавловского округа священника церкви в станице Пресновской о. Никанора Попова, он неоднократно бывал в монастыре в начале двадцатого столетия. Протоиерей пишет: «На второе лето (1897 года – С.В.) была выстроена из своего березового леса маленькая церковь, могущая вместить человек до 30, посеяно десятин 5-6 хлеба, засажен овощами большой огород, на зиму заготовлены сено и дрова. Все эти хозяйственные заготовки делались трудами насельниц, которых было уже до 40 душ... На следующее лето построена поместительная деревянная церковь во имя Святой Троицы, двухэтажный полукаменный корпус и флигеля для портняжной и сапожной мастерских. В роще, по дороге на реду

Пресногорьковский устроена пасека и насажен фруктовый сад. Мужчин в общине было только двое: священник о. Александр Соколов и 60-ти летний дед-мельник, они же с батюшкой ловили рыбу для общины в своем озере. На освящение храма в общину приехал Преосвященный Омский Гавриил и постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии и возведением в сан игуменьи, Наталью Прокопьевну с именем Евстолии и сестру Лепехину с именем Еликониды...». Отец Георгий Яковлев пишет, что «матери Евпраксия и Евстолия отошли ко Господу до Германской войны, а дальнейшая судьба матери Еликониды, как и общины, мне не известна» (у автора имеются документы, подтверждающие, что, по крайней мере, в 1920 году, игуменья Евпраксия была жива – С.В, в воспоминаниях названных очевидцев имеется ряд несоответствий, которые предстоит устранить будущим исследователям прошлого).

Об Алексее Прохоровиче Казине

Жизнь и судьба Алексея Прохоровича Казина типична для офицера Сибирского казачьего войска периода колонизации Средней Азии. Офицеры отдавали годы своей жизни службе на дальних рубежах Российской империи, зачастую не имели семьи, или же обзаводились ею в довольно зрелом возрасте.

Алексей Казин родился в 1841 году в семье обер-офицера Сибирского казачьего войска Прохора Казина в Акмолинской области, предположительно в поселке Пресноредут Пресногорьковской станицы. В раннем возрасте его увезли в Омск для воспитания в Сибирском кадетском корпусе. После его окончания Алексею был присвоен чин хорунжего и 16 июня 1861 года он был отправлен в 6-й полк для прохождения службы. Получив в полку необходимые командирские навыки, Казин 17 марта 1866 года по распоряжению Войскового наказного атамана был отправлен в Среднюю Азию, на Ново-кокандскую линию. Генерал-майор Черняев назначил его командовать 15-й сибирской сотней. Уже в апреле за проявленные «боевые отличия» при преследовании бухарцев Садыка* хорунжий был награжден орденом Святой Анны. Следующую награду – орден Святого Станислава с мечами и бантом, Казин получил за «дело» против какиргиз Манака в мае 1872 года. На последнем этапе завоева-

ния Кокандского ханства в 1875 году сотник Казин получил за боевые подвиги ордена Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени и бронзовую медаль. После победы над кокандцами есаул Казин в 1877 году командовал 3-й сотней во втором полку. Тяжелые условия бивачной жизни не могли не сказаться на здоровье. Климат Ферганской долины оказался не-полезным для сибиряка. Алексея Казина списали в запас на три года, но его боевой опыт пригодился – 26 августа 1882 года его зачислили в 1-й Ермака Тимофеева полк и назначили командиром 3-й сотни, которая формировалась в станице Пресногорьковской. 10 июня 1885 года вышедший в отставку есаул, с молодой женой, дочерью священника Анной Васильевной Петуховой поселился в новом семикомнатном доме в станице Пресновской. Молодые жили душа в душу, но счастье длилось недолго – 10 января 1890 года отставной есаул Алексей Прохорович Казин скончался от чахотки. Перед смертью его исповедовал священник Павел Парышев и 13 января он был погребен священником Василием Петуховым (тестем?) и псаломщиком Петром Робустовым на кладбище Михаило-Архангельской церкви в станице Пресновской. Департамент полиции разрешил Анне Васильевне перенести прах мужа на территорию монастыря в 1901 году.

Анна Васильевна осталась бездетной вдовой и основала монастырь на земле, которую получил в 1883 году в пожизненное владение Казин. Участок составлял 1500 десятин земли. Ей же была назначена пенсия от войска в размере 105 рублей.

В 1886 году А.П.Казин написал воспоминания для историка Г.Е.Катанаева. Рукопись называлась «Воспоминания старого есаула Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, старого туркестанца, а также некоторые эпизоды из его Кокандского похода» (прим.С.В).

*О Садыке (Сыдыке) пишет в своем фундаментальном труде «История завоевания Средней Азии» генерал-лейтенант М.Г.Терентьев. 4 мая 1867 года на караванную дорогу, ведущую их форта Казалинск в Бухару, вышел отряд из 78 казаков под командованием есаула Апчокова. 7 мая в урочище Сары-булак с 20 казаками и урядником есаул повел лошадей на водопой. «Взято было только семь ружей. Вдруг на него налетела шайка

Сыддыка... В миг 14 казаков было убито. 6 взято в плен. Все лошади захвачены. Сам Анчоков с урядником едва ускакал в лагерь, где 58 казаков отбивались трое суток, наконец, истомленные жаждой, бросили все тяжести и пошли пешком по дороге в форт. Пришли в Казалинск только к вечеру 18 мая. Сыддык разграбил еще Ак – Джарскую почтовую станцию и ушел в Бухару». Отряд Садыка действовал против российской армии по крайней мере до Хивинского похода 1873 года, об этом вспоминает участник экспедиции Н.Симонов. В 1888 году брат Садыка Ахмет Кенесарин, в своих воспоминаниях писал: «Султан Садык перешел в русские пределы в Ошском уезде Ферганской области. Узанв о появлении в уезде раненого Садыка, генерал-губернатор Кауфман выслал доктора, который в семь месяцев вылечил раненую руку. Садык был вызван в Ташкент, где ему объявили, что «повинную голову не секут. Великий Государь прощает тебе прежнюю вину. Живи в наших владениях где пожелаешь». Садык поселился в Чимкенте, у помощника уездного начальника А.Кенесарина. Кауфман возвратил Садыку его семью, бывшую в плену у бухарского эмира.

* Дарья Моисеева дочь Казина, вдова драгуна, записана в ревизской скаске за 1782 год по редуту Пресногорьковскому. В середине XIX века есть упоминание о некоем хорунжийи Казине, проживавшем в редуте Дубровном.

У Сабита Муканова есть версия о некоем Карасе (Тарасе?) Казине, проживавшем в 1830-х годах в Кабаньевской. О появлении такой фамилии на линии он пишет, что дальний предок Караса проживал когда-то на месте нынешней Тюмени и исполнял при хане Кучуме должность священнослужителя – кази. Род крещеных Казиных начался после Ермакова взятия. В Отечественную войну 1812 года Кирилл Казин геройски сражался с французами, даже удостоился чести состоять в охране дворца Александра Первого. Карас Казин, сын Кирилла, служил сотником в Пресногорьковской, вышел в отставку и женился в Кабаньевской на дочери богатого казака-татарина Глафире Кояновой. Карас стал крупным торговцем скотом. Известно, что в 1847 году его не было в живых и, по Муканову, детей у Казиных не было.

В воспоминаниях С.В.Преображенского упомянуты два брата Кизины – Михаил и Евгений. Михаил был столяром, жил с матерью в трехкомнатном флигеле на территории двухэтажного дома, который они сдавали в аренду со всеми складами Переселенческому управлению. Евгений Павлович, полковник, проживал с семьей в Омске, служил преподавателем в кадетском корпусе. много лет братья делили дом, Михаил Павлович, сильно пьющий, собирался открыть кабак в нижнем этаже дома. Эти воспоминания датируются не позднее 1916 года. Удивительно то, что речь идет во всех воспоминаниях об одном и том же доме, но хозяева у него то Кизины, то Казины, братья то Михаил и Евгений, то Михаил и Николай, сильно пьющие то Николай, то Михаил. В этой загадке автор так пока и не разобрался до конца. Скажу лишь, что в подвале дома найдена обложка ученической тетради дореволюционного периода, надпись на которой говорит, что она принадлежала Вере Казиной...А крестной матерью одному из детей, рожденных в декабре 1901 года в Пресногорьковской стала «казахья жена Анфиса Ивановна Казина». Степень родства ее с Казиными автору определить не удалось.

Воспоминания очевидцев о монастыре и его основателях (записаны автором в период с 1980 по 2010 год. Они грешат целым рядом неточностей, которые были подхвачены людской молвой и много лет передавались из уст в уста, но тем интереснее сравнить их с другими документами).

«В середине 70-х годов прошлого столетия старый казачий полковник Павел Казин, умирая, завещал своим сыновьям – старшему Михаилу и младшему Николаю, все свое имение, состоящее из огромного двухэтажного дома в центре Пресногорьковской, с большим магазином в нижнем этаже и участка земли в 1200 десятин, который находился в 35 верстах от станицы. В это время Михаил был офицером и служил в Омске, а Николай жил дома, помогая отцу в коммерческих делах. Старик – полковник весь наличный капитал в банке разделил поровну между сыновьями. Дом и торговлю завещал Николаю, а Михаилу участок добрейшей плодородной земли со строевыми лесами. Холостой двадцатилетний Николай, оказавшись владельцем такого огромного состояния, повел жизнь роскошную, быстро прома-

тывая доставшееся от отца добро. Михаил был женат на красивой девушке, дочери священника из станицы Камышловской. Он жил с женой в Омске. Земельный участок был сдан в аренду. У есаула появились долги. Сорокалетний есаул тайно от жены заложил участок и отдал долги. Вскоре он умер, а вдова решила продать участок и была ошеломлена, узнав, что не может этого сделать. От сильного потрясения она слегла и потеряла слух. В 35 лет она осталась глухой на всю жизнь. Молодая вдова решила по совету основать на этих землях монастырь. Она собрала несколько женщин и отправилась в Пресноредуть. Здесь, в березовом колке, с помощью деверя были построены несколько землянок и церковка. Казина приняла духовное имя Евпраксия. В монастырь потекли пожертвования, строились большие деревянные дома под жилье. Монахини все время находились в странствованиях по сбору пожертвований. Принимались и постригались все новые женщины, их рассылали по деревням для сбора денег. В течение 15 лет в березовом лесу выросли большие деревянные дома по 80 комнат, двухэтажное здание с трапезной и мастерскими. Построено было огромное двухэтажное каменное здание, служившее приемной для странников, за оградой монастыря построен каменный дом для священника, дом – магазин и школа. Сооружен большой храм. У озера располагалась экономия. Управляли делами старые монахини – основательницы монастыря. Мать Феодания занимала должность казначея и была правой рукой игуменьи. Монахиня Нина несла ответственность за внутренний распорядок монастыря и церковной службы, Ефимия контролировала работу рукодельных групп и руководила хором, Аркадия заведовала общим питанием, Анна – экономией. Изредка в монастыре гостил шестидесятилетний Николай Казин, за ним была закреплена комната, выплачивалась пенсия. Свой дом в Пресногорьковской он сдавал в аренду Петру Ромашову, иногда жил в подвальном помещении дома. В экономии в полуверсте от монастыря у озера были строения – двухэтажный дом (нижний этаж – кирпичный, верхний – деревянный), мельница, кузница, столярка и большой тесовый сарай, амбары, каретники, кладовые, конный двор, двор с дойными коровами, овчарня, свинарник, птичник, гумно. Все это было обнесено высо-

ким тесовым забором на площади более двух десятин» (Ф.Н.Ц.орфография источника сохранена).

В наших краях случались истории, о которых впоследствии многие годы слагали небывлицы и передавали из уст в уста. Вот одна из таких историй, изложенная Федором Церахто: «кто-то из наших хуторян привез весть о том, что по деревням и станицам идет пешком какой-то «святой» монах. Каждое селение всем миром встречает его и провожает, а он произносит горячие проповеди, исцеляет больных и творит разные чудеса. В селениях готовились встречать удивительного гостя. Инвалиды и больные с нетерпением ждали исцеления. Поскольку маршрут «святого» лежал через станицу Пресноредутскую, то и мы собирались выехать туда. На этом настаивала мать, она была убеждена, что это действительно святой, а не жулик. Но как бы то ни было его повсюду встречали с иконами и хоругвями. В Пресноредутской у церкви уже было много народа. Толпа состояла из женщин и детей. Мы присоединились к ней и двинулись по столбовой дороге к Семиозерному. Прошли около трех верст и соединились с другой толпой, идущей навстречу. Обе группы образовали круг и остановились в глубоком молчании. В центре поставили табурет, на него поднялся святой. Это был детина огромного роста, жгучий брюнет с большой окладистой бородой, такими же густыми волосами, падающими на плечи. Он был одет в черную длинную мантию. Говорил он на старославянском языке и когда закончил речь люди стали падать на колени, целовать руки, просили отпустить грехи. После этого огромная толпа пошла вместе с монахом в Пресноредутскую. «Святому» можно было дать не более 32 – 33 лет. Большой серебряный крест висел у него на шее. В станице долго он не был. В церкви отслужил молебен, потом женщины и дети подходили к нему за благословением. Некоторые из них начинали громко рыдать и дрожать от непонятного страха, некоторые начинали бесноваться и рвать на себе волосы. Причем те, кто попадал в такое необъяснимое положение, почему-то были молодые и красивые. «Святой» объяснял присутствующим, что это великие грешницы и в них вселился нечистый дух. И на глазах всех исцелял их. После молебна «святой» пообедал и двинулся в станицу Пресногорьковскую. Рас-

сказывали еще, что иногда в церкви поднималась вода и достигала колен, женщины поднимали праздничные платья, чтобы не намочить и кричали: «Чудо! Чудо!». Надо сказать, что в деревнях женщины вообще не имели понятия о нижнем белье, и получалось интересное зрелище. Казачки из Пресноредутской рассказывали о том, как сопровождали монаха до станицы Звериноголовской и между станицами Крутоярской и Песчаной путь преградила неизвестно откуда взявшаяся речка, которую они перешли вброд, взявшись за руки. Пастух, случайно оказавшийся здесь со стадом, счел, что это бродит толпа сумасшедших, и от страха угнал стадо подальше. В Звериноголовской монаху отвели особняк для отдыха. Женщины обслуживали его. Однажды в станицу приехали мужа некоторых из женщин, которые были в этом гареме. Приехавшие были не простые казаки, а лица высокопоставленные. Они подняли большой скандал. Местные власти препроводили монаха в каталажку. Но тут взбунтовались женщины, требовавшие освобождения кумира. В ту же ночь тот бесследно исчез. Бунтовщиц усмирили, отодрав плетью. Потом уже стало известно, что это был какой-то крупный аферист, хорошо владеющий гипнозом и куда он пропал осталось неизвестным».

Автор рассказанной истории и его родственники никак не могли участвовать во встрече «святого», по той причине, что встреча состоялась в 1901 году, когда автору было всего год от роду и, появился он в Северном Казахстане лишь через девять лет. Стало быть, пишет он со слов местных жителей, которые не могли знать всей правды.

С теми событиями, что в действительности происходили на линии в начале прошлого столетия, разобрался С.Ф.Шатилов (СКГУ). «Святым» был запрещенный священник Тобольской епархии Иаков Барбарин, автор лжеучения, близкого к хлыстовству. Летом 1901 года он появился в сибирских казачьих станицах. Его помощником здесь стал казак поселка Богатинского Пресновской станицы Михаил Полников. В августе они появились в монастыре Казиной, и, пользуясь отсутствием игуменьи, прельстили и увели с собой 8 сестер. О.А.Поникаровский писал: «эти волки в овечьей шкуре, действительно произвели здесь не-

мало соблазна». Благочинный о. Никанор Попов в письме от 7 сентября предупреждал пресногорьковского священника Иакова Киселева: «посеяли они плевелы в районе станицы Пресногорьковской». Игуменья Евпраксия 5 октября писала Преосвященному Сергию, Епископу Омскому и Семипалатинскому, что в Пресногорьковской «с каждым днем усиливается хлыстовщина». Из монастыря большая толпа «паломников» двинулась по линии в станицу Звериноголовскую, где, якобы, появилась чудотворная икона. Жители с иконами и пением радушно встречали «богомольцев» в нескольких километрах от Камышловской. В Пресногорьковскую шли торжественно, с пением псалмов. В станице Барбарин провел несколько дней. Здесь он выступал с проповедями. Собрания эти больше напоминали радения хлыстов. С.Ф.Шатилов пишет: «Однако в Пресногорьковской богомольцам не повезло. Их обман разоблачил один урядник, заявивший, что «в Зверином никакой чудотворной не бывало и ныне – нет». В результате Барбарин был побит, а «нечестивое скопище» изгнано из станицы. Барбарин исчез, на этом все и закончилось». О нем, однако, долго помнили. Отец А.Поникаровский в 1908 году писал: «об о.Якове здесь воздыхают и до сего дне». Из восьми сестер Казинского монастыря, ушедших с запрещенным священником, в общину возвратились две. Две сестры оказались в других монастырях. Другая половина «так и не выпуталась из сетей вражьих, осталась там, где только печаль и воздыхание». Священник Пресногорьковской церкви о. Алексей Поникаровский писал: «страшно тяжелый урок не должен пройти бесследно для сестер нашей обители: они век будут помнить его». Барбарин сослан был в Соловецкий, а затем в Валаамский монастырь, где провел около трех лет. Умер Иаков Филиппович Барбарин 27 ноября 1914 года от тифа в Давыдовском приходе Курганского уезда.

Служба казаков 1-го военного отдела в начале XX века

*Коней седлают. Рано утром
Мы выступаем. Приготовь
Себя к разлуке. Точно рана-
Кровоточащая любовь.*

Алексей Ачаир

Станица Пресногорьковская в начале прошлого столетия была приписана к 1, 4 и 7 полкам 1-ого военного отдела. Срочную службу, продолжительностью в четыре года, пресногорьковцы несли на границе с Китаем, в Джаркенте (Семиречье, с 1883 года). Казачьи эшелоны проходили расстояние от линии до места службы верхом (до Пресногорьковской станицы – 2063 версты!). Служба была тяжелой. « Идущая вдоль границы тропы то вилась по склонам гор над рекой Хоргос, то скрывалась в густом лесу или непролазных камышах, то тянулась по безотрадной пустыне, то взбиралась на хребет Кетмень и лепилась к скалам «Чертовых ворот», нависая над пропастью. В таких-то местах приходилось преследовать угонщиков скота (барантачей). Тревоги и перестрелки чередовались с напряженными погонями, донимала болотная лихорадка, а в Джунгарских воротах ураганный зимний ветер – ибэ. В сотнях вечно не хватало людей, и вернувшийся из разъезда казак часто должен был вместо отдыха вставить часовой к коновязи. Посты ютились в землянках или ветхих юртах» (А.Смирнов). До 1910 года полк был растянут по всей китайской границе постами по четыре-шесть человек.

С 1910 года части располагались: гвардейская полусотня в Павловске под Петербургом, штаб 1-го Сибирского Ермака Тимофеева полка и 1-я, 4-я, и 5-я сотни стояли в Джаркенте (ныне г. Панфилов), 2-я и 6-я в городе Верном на расстоянии в 325 верст от Джаркента (ныне г.Алма-Ата), 3-я сотня в урочище Кольджат (в 111 верстах от Джаркента). 3-й полк располагался в Зайсане. Джаркент был военным поселением. Командир 1-го полка П.Н.Краснов, будущий атаман Донского войска, таким увидел его в 1911 году: «Городок представлял из себя обширный оазис - четыре версты длиною и около версты шириною, окруженный полями пшеницы, ячменя, джугары, люцерны и риса.

Широкие аллеи высоких раин, раскидистых карагачей, джигды, белой акации и лип образовали тенистые улицы, немощные и такие широкие, что сотня свободно могла идти развернутым фронтом и, еще много оставалось места. За Усеком к городу примыкала большая карагачевая роща.

Город стоял уже сорок лет, а ни одна улица, ни одна площадь не имели названия. Обыкновенно говорили: «На той площади, где гарнизонная церковь», или: «Там, где живет командир 2-го полка», или: «Подле городского собора», «На улице, где Нурмаметовские сады», или: «Знаете, где квартира подполковника Никольского».

Никаких тротуаров, никаких фонарей.

Вдоль улиц двумя узкими тонкими канавками бегут звонкие арыки, над ними густая зелень высоких деревьев». Казармы, в которых несли службу казаки, были светлыми бревенчатыми бараками, оснащенные железными печами и нарами, на которых лежали соломенные матрацы и подушки, набитые сеном. Укрывались казаки старыми шинелями. Между стенами и нарами стояли турник, брусья, наклонная лестница, «кобыла», обитая холстом. Конюшен не было, вместо них были сделаны саманные навесы. Для прибывшего из Петербурга вновь назначенного командира полка такая обстановка показалась спартанской – «суровая, чисто военная была обстановка». И люди «были высокого роста и большинство очень красивые».

Петр Краснов написал памятку, зачитанную перед казаками полка.

«Звание казака-солдата высоко и почетно. Государь Император носит воинское звание и есть первый солдат Российской Армии. Мы должны постоянно помнить и сознавать, какое высокое звание мы носим, и обязаны потребовать к себе должное уважение.

Казак, выходя из казарм в город, должен постоянно помнить, что он имеет честь носить мундир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка, он должен быть чисто и строго по форме одет и всегда быть при пашке.

Казак должен быть вежлив и услужлив и вместе с тем сознавать свое высокое звание.

Казак никому не должен уступать дорогу, кроме господ офицеров и старших над ним казаков и солдат, стариков, женщин и детей, как русских, так и туземцев. Все остальные, кто бы они ни были, должны уступать дорогу казаку.

Казак не может позволить, чтобы кто-нибудь посмел его обругать или тем более ударить. Казак должен помнить, что Государь Император не напрасно разрешил воинским чинам ходить при оружии. Дерзкий должен быть наказан».

Генерал от кавалерии П.Н.Краснов понимал важность укомплектования казачьих полков хорошими строевыми лошадьми. Интересны его воспоминания о состоянии конницы перед Великой войной. Он пишет: « Конский состав сибирскими казаками получается из казачьих и киргизских табунов, пасущихся в степях Семипалатинской области, в долине реки Иртыша и в предгорьях Алтайских гор. Об улучшении киргизской лошади тогда очень много говорили и писали. Учрежденные несколько лет до этого в Оренбурге, Кустанае и Тургае заводские конюшни пытались улучшить киргизскую породу в самой себе, занимаясь тщательным подбором маток и жеребцов, но работа этих конюшен не дала желаемых результатов, не удалось создать хорошей ремонтной лошади. Сибиряки остались в стороне от этой работы. Их лошадь — мелкая, редко выше двух аршин роста, по большей части один аршин 15 вершков и даже один аршин 14 вершков, некрасивая киргизская лошадь, с короткой шеей и большой головой, с прекрасной спиной и крепкими тонкими ногами, отличается тягучестью, силою, выносливостью, неприхотливостью на корм, имеет правильные аллюры, способна к выезде, умна, добра и, если бы не малый рост, могла бы считаться неплохой лошадью казака.

Тогда правительство думало перенести Задонское коневодство в Сибирь и Семиречье, именно в Пржевальский уезд, где на высоте более 2000 метров, в долине речки Каркары, казалось, были подходящие для этого обширные степи. Тогда же думали произвести замену донских и рослых калмыцких маток киргизскими. В киргизскую лошадь верили, и многим она нравилась. Я близко стоял в Петербурге ко всем этим вопросам и потому с

большим интересом теперь присматривался к тем сотням киргизских лошадей, которые комплектовали вверенный мне полку»

П.Н.Краснов был против комплектования сотен полка казаками из одной станицы, потому что «комплектование сотен людьми с одних станиц усугубляло тоску по родине, тяготение к домашности, развивало семейные, не допустимые на службе начала, и пагубно отзывалось на дисциплине сотен. В сотне создавалась круговая порука сокрытия проступков и преступлений. Командир сотни был всегда затруднен в выборе казаков в учебную команду. Хороший, честный, ловкий, расторопный, хорошо грамотный казак, но беден, в сотне не будет у него авторитета. Сотенное начальство из нижних чинов мирволило богатым и влиятельным в станице казакам, опасаясь, что те посчитаются с ними после службы дома. В одну сотню изобильно попадали казаки, знающие мастерство, сапожники, портные, кузнецы и т.п., станица была ремесленная, в другую — простые хлеборобы, большинство малограмотные». Используя опыт донских казаков, Краснов перемешал казаков сотен, назначая их по цвету масти строевого коня.

Расписание занятий в мирное время было следующим:

Понедельник, вторник и пятница - были посвящены одиночному обучению казака и выезде его лошади. Среда - баня и уборка помещений, а очередная сотня и с нею любители офицеры и казаки-охотники отправлялись до рассвета на охоту. Четверг - пеший строй всему полку под музыку (муштровка). Суббота - одну неделю дневной маневр с выступлением до рассвета и возвращением к полудню, другую неделю ночной маневр с выступлением в пятницу вечером и возвращением в субботу утром.

По четвергам был общий пеший строй всему полку. На площадь, у гарнизонной церкви, центральное место для всех сотен и команд, сходилась полк, и часа полтора, а иногда и два делал общие шашечные и ружейные приемы и маршировал под трубачей по широкому плацу — то медленно, учебным шагом, в колонне по три разомкнутыми рядами, где каждый казак был виден, то обыкновенным шагом по шести, потом повзводно, пополусотенно и, наконец, развернутым строем сотен, шагом и бегом.

В 1-ом Ермака Тимофеева Сибирском казачьем полку служили известные впоследствии вожди белого движения, генералы Б.В.Анненков, В.И.Волков, И.Н.Красильников, Л.А.Артифексов, А.Н.Белов. О службе в далеких краях, на границе с Китаем, долго хранили память оставшиеся в живых старые казаки. О ней длинными зимними вечерами рассказывали седобородые старцы своим внукам и правнукам.

В 1900 году правительство провело мобилизацию полков первого отдела для войны с Китаем, для подавления, так называемого боксерского (ихэтуаньского) восстания.

Сформированной дивизии, состоявшей из 4, 5, 7 и 8-го полков, не пришлось вступить в военные действия, при следовании через Маньчжурию поступил приказ о возвращении. Участникам похода была вручена медаль «За поход в Китай».

В 1904 году началась тяжелая для Российской империи война с Японией. В Пресногорьковке были призваны все годные к строю в возрасте от 21 года до 38 лет. Мобилизация коснулась не только строевых, льготных, но и всех запасных казаков. Дома остались дети, старики, женщины и калеки.

28 января император издал указ о начале мобилизации в СибВО. Сибирское казачье войско в кратчайшие сроки выставило один первоочередной, шесть льготных полков и три запасные сотни. К тому времени сибирские казачьи полки были полностью перевооружены. Казаки имели винтовки Мосина образца 1891 г.; златоустовские заводы поставляли шашки хорошего качества образца 1881 г.; казачьи пики образца 1901 г. Сибирские казаки отличались даже внешне, им разрешалось ношение винтовок через левое плечо, на пиках - разноцветные флюгеры.

Со 2 по 16 мая все шесть сибирских казачьих полков прибыли в Харбин, а уже 17 мая казаки дали первый бой японской кавалерии под Юдзятунем, южнее станции Вафангоу. Две сотни 8-го Сибирского казачьего полка во главе с есаулом Желтухиным атаковали эскадрон японских драгун и за несколько минут почти всех переколели пиками. 21 мая 1904 г. казаки участвовали в атаке 1-й бригады японской кавалерии у деревни Ходцзянудзя, закончившейся разгромом противника.

С 1 по 3 июня они участвовали в сражении у селения Вафангоу, отразив наступление японских войск. Сибирские казаки дрались под Ташичао, Янзалином, Ляньданьсяном.

В июле участвовали в рейде в Корею, во время которого заняли город Кенгшентг.

В середине августа 1904 г. разыгралось кровопролитное сражение в районе города Ляоян. Трудно приходилось русским войскам. Японцы атаковали упорно и настойчиво. Не все части выдерживали мощный натиск противника. Но казаки держались стойко, мешали продвижению японцев вперед и отступали последними.

15 августа 1904 г. полусотня 5-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка под командованием офицера Белова, находясь в арьергарде, натолкнулась на пять брошенных прислугой неповрежденных орудий. Японцы открыли по ним артиллерийский и ружейный огонь, пехота бросилась вперед. Сибиряки не прекратили работу. Быстро достав из своих вьюков фуражные арканы, они одним концом пристегнули и закрепили их у шлеек, а другим — привязали к крючьям на станинах, соединили попарно коней и, в последний момент, вытянув орудия, ускакали. На пути движения армии Куроки в тыл нашей армии и к Мукдену стали у Янтаньских копий конные отряды генерал-майора Самсонова и генерал-майора Мищенко. Спешенные казаки и две конные батареи своим огнем до 6-ти часов вечера сдерживали напор противника, предотвратив тем самым катастрофу.

В сентябре казаки участвовали в Шахэйской операции при сдерживании многочисленных атакующих японских пехотных частей; в октябре - в боях у Тумылинского, Белингоузского, Тайгоузского, Сыдалинского и других перевалов. В 1905 г. в январе - в боях у Мукдена, отражая в спешном строю атаки японских войск в течение трех дней; в марте - в разведке боем японских сил; в июле - в рейде к Нючожуану; в августе - в боях у Янтаньских угольных копей. За эти бои генерал-майор Самсонов, назначенный командиром Сибирской казачьей дивизии, был удостоен ордена Св.Георгия 4-й степени. Знака отличия военного ордена были удостоены 993 казака. Георгиевскими кавалерами стали офицеры-выпускники Сибирского кадетского

корпуса: командир 5-го полка полковник Путинцев, командир 7-го полка полковник Трубецкой, командир 8-го полка полковник Стенбок и войсковой старшина этого же полка Евтин.

Прощаясь с войсками 1-й Маньчжурской армии, в составе которой сражалась Сибирская казачья дивизия, командующий генерал-адъютант Куропаткин 5 февраля 1906 г. дал высокую оценку воинам-сибирякам в сражениях под Тюреченом, Вафангоу, Ташичао, Янзалином, Ляньданьсяном, Ляояном, Шахе и Мукдене, особо отметив сибирских казаков в боях под Ляояном и Муданьцянем. В боях погибли 67 казаков, ранено 279, пропало без вести 54, умерло от ран 13, от болезней 29.

Казачьи полки вернулись в округ в январе 1906 г. и приступили к демобилизации. 3 октября войсковой наказный атаман генерал-лейтенант И.П. Надаров, сообщая о пожаловании Георгиевских знамен 4-му, 5-му, 7-му и 8-му полкам подчеркнул: «... уверен, что и молодое поколение сибирских казаков, воспитанное под сенью новых Георгиевских знамен, сумеет, когда это будет нужно, также доблестно исполнить свой долг перед Государем и Родиной, как это делали в последнюю кампанию их деды, отцы и старшие братья».

По приказу И.П.Надарова списки павших героев и казаков, награжденных знаками отличия военного ордена, были вывешены на видных местах станичных и поселковых правлений, а также в станичных и поселковых церквях. На черной мраморной доске в церкви Сибирского кадетского корпуса появилась фамилия выпускника 1876 г., командира 7-го казачьего полка войскового старшины П.А. Старкова. Он единственный из казачьего полка, действовавшего против 6 рот японской пехоты, погиб в ожесточенном бою 21 мая 1904 года.

Взятых в плен японцы отправляли за море в страну «Восходящего солнца», где помещали в лагеря. Алексей Кондратьевич Безъязыков несколько лет провел в плену, вернувшись, дожил до глубокой старости. Из станиц и поселков Петропавловского уезда были убиты и умерли от ран 33 казака, в т.ч. из наших станиц – из 4-го полка Докучаев Митрофан Николаевич (Пресновская) умер от ран 2 мая 1905 года у Яндовского перевала, Лученинов Петр Александрович (Пресногорьковская) убит 12

июня 1904 года у Сеньючена, из 7-го полка трубач Гладков Петр Семенович (Островной) умер от ран у села Ходзяпудзя 21 мая 1905 года, Воронин Григорий Алексеевич (Богоявленский) убит 20 мая 1905 года под деревней Шахедзы. Орденом Святой Анны разных степеней были награждены офицеры 7-го полка: есаул Александр Боборыкин, подъесаулы Евфимий Осипов и Николай Кубрин, сотники Борис Пальшау, Анатолий Колмаков, Александр Зененков, хорунжий Василий Алексеев.

Летом 1914 года вновь грянул в набат большой колокол на звоннице старой церкви. Очевидец Степан Федосенко так описывает проводы на Великую войну в Пресногорьковке: «у каждого дома толпился народ. Всюду слышны были песни и плач. По улицам то и дело скакали всадники, в одиночку и группами. Из каждого дома один или двое уходили на войну. Собирались у станичного правления, строились в шеренги. Протрубили полный сбор, атаман Шешминцев* и офицеры проверили снаряжение, осмотрели коней (обмундирование – седло, две шинели, пашка, две пары сапог, стоило по тем временам состояние в 200 рублей). Началось прощание с родными, Это была душераздирающая картина. Площадь гудела от рыданий, женщины падали в обморок, рвали на себе волосы. Хватались за стремя. Около 30 подвод с провожающими выехали до станции Лебяжье. Долго стояли люди, махая вслед фуражками, пока всадники не скрылись за березовым лесом».

** В 1914 году заведующим станцией Пресногорьковской был есаул Анатолий Семенович Колмаков (род.13ноября 1878 года, окончил Омский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, участник войны с Японией и Германией, награжден орденами Св.Станислава 3-й ст. и Св.Анны 3-й и 4-й ст.). Станцией Пресновской заведовал сотник Иван Николаевич Краильников.*

Казаки 1-го Ермака Тимофеевича и 2-го полков, несшие срочную службу на китайской границе, были переброшены на русско-турецкий фронт, на Сарыкамышское направление. Турки захватили город Ардаган. Сюда была послана Сибирская казачья бригада генерала Калитина с конно-пулеметной командой и казачьей батареей. 22 декабря 1914 года 1-ый полк под командова-

нием полковника Э.Ф.Раддаца наступил и разбил колонну турок за Ардаганом, уничтожив в бою несколько сотен солдат Энвер – паши.

Е.В.Масловский пишет об этом подвиге: «...Казачи же Сибирийской бригады, произведя обход, нанесли быстрый удар с северо-западной стороны и конной атакой овладели Ардаганом. Турки в беспорядке бежали через Яланузгамский перевал, оставив сибирякам много пленных и два орудия»... На рассвете морозного туманного дня 1-й Сибирский казачий полк, шедший в авангарде бригады, своими дозорами усмотрел цепи турецкой пехоты на неприступных, обледенелых, покрытых снегом горах. Впереди лежали стрелковые цепи, за ними стояла батарея, еще дальше был батальон резерва, стоявший в густой колонне. При нем было знамя. Полк построился позшелонно для атаки, в голове полка шла 4-я сотня есаула Волкова. Ураганом по кручам понеслась ермаковская атака. В этом бою сотней было захвачено знамя 8-го турецкого пехотного полка.

Пехота сложила оружие. 6 января полк, изрубив около 1000 турецких солдат, первым вышел к Эрзеруму. За эту операцию полки были представлены к Георгиевским знаменам. Полковник Раддац, командир полка, был награжден за эту атаку орденом Св.Георгия 4-й степени.

Вот как очевидец описал картину вручения боевых наград казачкам 1-го полка за Сарыкамьшскую операцию: «На церковной площади выстроились батальоны 13-го Туркестанского стрелкового полка. Стояли «вольно». Но вот звуки трубачей, и из-за угла строем по шести, показались сотни ермаковцев. Красные погоны, красные лампасы, громадные стройные богатыри. Из-под лихо заломленных папах, чубатые загорелые лица, дышащие отвагой, мужеством, решимостью. На правом фланге – рослый офицер с окладистой русой бородой... Они вышли на плац. Я видел, как впился в них глазами штаб генерала Пржевальского, да и он сам. «Это, ребята, Царская служилая рать, потомки казачьей вольницы, что покорила Сибирь» - произнес я с гордостью за своих земляков...».

**Э.Ф.Раддац был расстрелян красными в июне 1918 года в Армавире. Вместе с ним погибли 68 офицеров его дивизии.*

Великий князь Николай Николаевич Романов назвал Отдельную Сибирскую казачью бригаду, в которой воевали ермаковцы, «железной» после жестоких боев под Ардаганом, Эрзерумом и Гассан-Калой. Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н.Юденич писал в 1932 году: «жалею, что в Кавказской армии было мало сибирских казаков».

Генерал-майор А.М.Ионов вспоминал о бесстрашном разведчике пресногорьковчанине Буркове: «доложили – пришел Бурков, казак, разведчик, не раз, прокрадывающийся в турецкий тыл и доставлявший ценные сведения. Теперь он пропал неделю, и мы считали его погибшим. Он ходит не переодетый, с винтовкой и шашкой. Вошел небольшого роста, коренастый казак, без шинели, но при этом его шея почему-то завязана была шарфом. Маленькие серые глаза, каменное лицо, едва заметные усы. Бурков оправдал возлагаемые на него упования и его отважные похождения – добыть «языка», ждут своего повествователя. Подойдя к столу, он попросил карту и стал объяснять турецкое расположение. «Здесь, по гребню, сторожат аскеры 53-го алая...здесь их кухни... Здесь по склону балки – четыре орудия, а за углом катера (вьючные мулы) с ящиками. Здесь кавалерийская застава, а здесь все курды, тут их целая орда». «А как ты отличил курдов от остальной кавалерии? - задали вопрос Буркову. Он вместо ответа полез в карман, вынул что-то завернутое в платок, разостлал его на столе и разложил на нем оторванные куски турецкой шинели, погоны, клочки бумаги, записные книжки». В середине 70-х годов, будучи школьниками, мы с интересом, тайком от взрослых, рассматривали Георгиевский крест, хранимый потомками Петра Буркова на дне старинного, обитого железом, сундука.

Второочередной 4-ый и 7-ой полки сражались на германском фронте. 4-ый и 5-ый полки направили на фронт в августе, 7-ой и 8-ой в декабре 1914 года. Их использовали в качестве корпусной конницы Северо-Западного фронта. 7-й и 8-й полки вошли в состав Сибирских армейских корпусов, занимающих позиции на реках Равке и Бзур, западнее Жирардова. В начале февраля 1915 года Сибирские армейские корпуса были переброшены по железной дороге и форсированным маршем в район Прасныша и

Остроленки. После тяжелых пятидневных наступательных боев Прасныш был взят. Казаки 7-го и 8-го полков были единственной конницей в составе корпусов. Им приходилось заниматься разведкой, поддерживать связь между соединениями, атаковать противника в конном строю. Полки отличились в боях у деревни Черняки, в которой были полностью разгромлены два эскадрона конно-гренадерского короля шведского полка и взят в плен командир дивизиона. Казаки 7-го полка, первой сотней в котором командовал Николай Кубрин, взяли в плен несколько сот германцев.

4-й Сибирский казачий полк был придан третьему армейскому корпусу 10-й армии.

В феврале 1915 года 20-й корпус 10-й армии, действовавший в Восточной Пруссии в районе Пинских болот, был отрезан германской армией от основных частей. Случилось это во время отступления корпуса на Гродно. Немцы перебросили из Франции шесть корпусов, которые были использованы для подавления трех русских корпусов. Им удалось отеснить корпус генерала Епанчина и выйти на Вильковишки, замыкая кольцо вокруг 20 корпуса, обозы которого растянулись от Сувалок до Сейны. Под Сейнами командирам стало ясно, что полки попали в окружение. Двигаясь назад на Сувалки, корпус повернул на узкую дорогу, ведущую в малопроходимые Августовские леса. Около деревни Махарцы тянулся бой - одна бригада под командой полковника Белолипецкого дралась с целой немецкой дивизией. Бригада взяла в плен всех офицеров, свыше полутора тысяч солдат и батарею. Солдат привели в сарай Липин и здесь немцы говорили: «это не с французами драться, а с русскими». С наступлением сумерек штаб корпуса начал устраиваться на ночлег, но противник обстрелял окруженных. Знамя 4-го полка было зарыто в лесу по приказу командира. У мельницы на речке Волокуше у фольварка Млынек собрались пять конных сотен - сибирские и донские казаки. Им было приказано прикрывать отход, «идти за последним колесом последнего орудия». Командир полка, войсковой старшина Власов, отдал приказ личному составу отдохнуть до утра. Казаки, измотанные пятидневными боями, голодные и продрогшие, спали прямо на конях и на мерзлой

земле. Утром 8-го февраля бои возобновились. Командир 20-го корпуса и его начштаба находились в окопах вместе с солдатами. Инспектор артиллерии генерал-лейтенант Шрейдер командовал мортирной батареей из 6 пушек, которые вели огонь в противоположных направлениях.

Командир 1-ой бригады Сибирской казачьей дивизии генерал - майор А.Я.Усачев выехал осмотреть местность и, был спасен от пули казаком-ординарцем. Усачев вспоминал: «Началась агония: артиллеристы стреляли лошадой, выбрасывали замки с орудий, немецкие цепи со страшной стрельбой охватили части корпуса. Я вывел пять сотен рысью на левый фланг неприятельского расположения и здесь, на возвышенной местности, оказалось болото. Моя лошадь была ранена, зашаталась и упала, придавив мне правую ногу. Я стал извлекать из-под лошади ногу, но сапог остался в стремени. Сотни ушли...». Генерал вскочил на лошадь скакавшего мимо донского казака и поскакал к лесу, где ветками с него сорвало папаху и кобуру револьвера. На опушке леса Усачев организовал атаку пехоты на немецкие позиции. Немцы схитрили, выбросив белый флаг, и, подпустив солдат на 200 шагов, открыли огонь. «Выскочивши на поляну, я увидел группу наших солдат, они знаками манили меня к себе, я доверчиво скакал на эти знаки, но, увидевши в этой группе немецкие каски, повернул коня и поскакал в близлежащий лес. Впереди было болото, я бросил коня и перебрался через него, стремясь в большой сосновый лес. Здесь мне попались 6 донских казаков и у них заводная лошадь. Казаки с сожалением отнеслись ко мне, они завязали мне башлыком ногу. При переходе через болото, по нам с двух сторон из пулеметов была открыта стрельба, лошадь по самое брюхо тонула в болоте. Я приказал казакам рассыпаться, дабы не терпеть потерь от огня. Казаки начали разъезжаться, едва выбиваясь из грязи, а я, бросивши утонувшую в грязи лошадь, дошел до лесистого островка. Я совершенно выбился из сил и весь вспотевший упал прямо на снег, упершись головой в толстое дерево. Стрельба в мою сторону скоро прекратилась. Было около 4-х часов. Подо мной снег растаял и, образовалась лужа воды. Дождавшись сумерек, я встал около седьмого часа вечера, и, услышавши лай собак, пошел на этот лай, думая найти

жилое помещение с тем, чтобы там укрыться и пройти в Гродно». Уже в темноте генерал Усачев был взят в плен немцами и приведен в дом, где «увидел сидевших на лавках командира корпуса и 8 других генералов. Все они, истомленные и грустные, сидели молча и не обратили на меня внимания, здесь же были и наши сибирские офицеры». Пленные были отправлены в лагерь на о.Денгольм близ города Стральзунда.

Сибирцы попали в болото и под огнем противника частью погибли, частью были пленены. Командир 4-го Сибирского казачьего полка войсковой старшина Г.А.Власов был ранен и скончался в деревне Курьянка. Об этой атаке вспоминает генерал – лейтенант Хольмсен: «войска, расстреляв все патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшиеся остатки второочередного полка №4 Сибирских казаков в числе около полуторных сотен, к коим пристроились еще некоторые артиллеристы, решили под команду своего командира, 64-х летнего войскового старшины Власова, прорваться конною атакою. Казаки попали в болото и понесли огромные потери от ружейного огня. Вторичная атака была для них губельна уже под действием пулеметного огня. Почти все полегли. Все ближе и ближе подходили немецкие цепи... Потери убитыми и ранеными были колоссальны и не поддаются учету. Эта заключительная драма под Млынеком проходила после полудня».

Газета «Рижская жизнь» писала об этих событиях в 1915 году: «Когда отдельные личности совершают геройские подвиги, это приводит в восхищение всех. Что же сказать о 40 тысячах русских богатырей, в течение 9-ти дней совершивших непрерывный массовый подвиг? 20 корпус совершил все возможное, все доступное человеческим силам. Много богатырей полегло костями, защищая каждую пядь родной земли, умерев смертью славных».

Доктор исторических наук Н.Яковлев пишет: «20-й корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат сбила пехоту противника. Корпус нашел гибель в Августовских лесах...».

В германской прессе появилось сообщение: «Честь 20-го корпуса была спасена и цена этому 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве в два километра».

Однако не все казаки полегли в болотах Пруссии. В воспоминаниях атамана (тогда сотника) Б.В. Анненкова читаем: «Я прибыл в 4-й Сибирский полк, который вел тяжелые бои в районе Пинских болот... В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление». Еще три сотни полка избежали гибели и плена, в их числе сотня есаула Н.А.Петрова, охранявшая дворец кайзера Вильгельма в Роминтенской Пуще и взвод урядника (будущего генерала) Ф.Л.Глебова, пробившегося в Сейны. В плен попали войсковой старшина П.П.Волосников, командир сотни есаул В. Безобразов, хорунжие Катанаев, Нарбут, Сергеев. Количество погибших и плененных в Августовских лесах сибирских казаков составило около 300 человек.

В середине 70-х годов прошлого века мне не раз приходилось слышать от стариков рассказы об этой катастрофе. Она не забылась даже через шесть десятилетий лихолетья.

В ноябре 1915 года 4, 5, 7,8-ой полки были сведены в Сибирскую казачью дивизию. Вместе с Уральской и Туркестанской дивизиями она вошла в Сводный казачий корпус. До конца весны 1917 года сибиряки воевали под Гродно и Вильно, затем были разбросаны по Минскому и Московскому военным округам. Две сотни 7-го казачьего полка совместно с юнкерами и добровольцами приняли участие в обороне Кремля в октябре 1917 года. Всего за время Великой войны погибли и пропали без вести 790 человек, призванных из сибирских станиц. В декабре 1918 года находились в плену казаки станиц: Пресногорьковской 19, Починной 5, Пресногорьковский редут 10, Крутоярской 8, Песчанской 13, Сибирской 7, Богоявленской 5, Камышловской 10, Кабаньей 11, Пресновской 10 человек. На начало 1919 года в станицах насчитывалось семей, оставшихся без кормильцев: в Пресногорьковской 24, Камышловской 5, Пресноредутской 16, Крутоярской 8, Песчанской 14 (по С.М.Андрееву).

В июле 2010 года в церковной ограде храма в Пресногорьковке был установлен и освящен крест в память погибших казаков, призванных в 1-ом военном отделе.

На линии до Октябрьского переворота

Один язык и вера, и страна.

Покуда – ни на красных, ни на белых.

Окоп не разделяет имена.

Игорь Тюленев

Только в 1918 году стали возвращаться из германского плена пропавшие без вести пресногорьковцы. Власть в этот период, несмотря на свершившийся октябрьский переворот, принадлежала атаманской верхушке, станичной знати, торговцам, заводчикам вплоть до октября 1919 года. Шешминцевым, Малягиным, Кладеновым, Токаревым. Барсуковым, Новгородцевым, Богдановым, Вяткиным принадлежали лучшие земельные участки, двухэтажные дома по Большой улице, салотопенные и кожевенные заводы за Горьким у леса Салотопник, мельницы у Лазаретника, акционерное общество американской фирмы «Маккормик», торгующей сельхозорудиями. По словам очевидца «склад занимал арендованный у полковника Казина большой двухэтажный дом с огромным двором, сеновалами, навесами, каретниками, амбарами. Все это было занято машинами и сельхозорудиями. Сам дом занимал богатый хозяин Петр Ромашев» (дом известен современному жителю как Рабкооп, сгорел в 2001 году – прим. С.В.). Станица тогда состояла из 250 дворов. Избы, в основном бревенчатые, были у середняков. Каждый такой двор занимал территорию в 15 – 20 соток. Усадьба обводилась крепким плетнем, высотой более двух метров. Плетень обмазывали глиной с обеих сторон. Он примыкал двумя краями к избе, выходившей к улице. Со стороны улицы между избой и плетнем – калитка и ворота. Весь двор на зиму укрывался наглухо соломой или сеном, а внутри располагали сельхозинвентарь и закрома с зерном. Тут же деревянная баня и малушка для содержания приплода. Задняя часть двора отводилась для содержания скота, была разделена на загоны. Во дворе находился сеник, где был запас корма на случай длительного бурана. Основной корм нахо-

дился в степи в скирдах, откуда ежедневно на санях доставляли сено. Дворы примыкали вплотную друг к другу, и каждый квартал казался огромным крытым двором. На усадьбах огородов не было, не было и древесных насаждений, кроме берез вдоль улиц и палисадников. Огороды распахивались вокруг озер. Дома богатых казаков крыли оцинкованным кровельным железом, украшали резьбой и наличниками.

Интересны юношеские воспоминания Сабита Муканова о посещении им перед Великой войной Екатериновской (в 70-ти верстах к востоку от Пресногорьковской): «Меня поразили размеры станицы и строгая планировка ее кварталов. Дома стояли как на подбор – один к одному: крестовые, рубленные в лапу, обшитые тесом и крытые жестью: в моих глазах каждый из них выглядел ничуть не хуже того ханского дворца, который видел я при путешествии в Сырымбет в ставке Средней Орды. Таких роскошных ворот я никогда не видывал. Украшенные затейливой накладной резьбой, ворота богатых дворов были вполне под стать внушительным и красивым домам. Все здесь строилось с расчетом навек – от высоких резных парадных крылечек до кондовых амбаров с пудовыми петлями и замками... Не успел я налюбоваться на огромный крестовый дом с голубыми ставнями, как внимание мое приковало новое чудо – красивая белая церковь с золотящимися на куполах крестами, что возвышалась посреди площади. Но еще больше церкви меня удивила какая-то очень красивая громадная башня, оказавшаяся пожарной каланчой... Екатериновка очень понравилась мне. Глядя на большие дома, на плотные тесовые заборы, на украшенные затейливой резьбой ворота, на крытые жестью крыши, я думал, что в этих домах должны жить какие-то необыкновенно сильные, рослые и красивые люди». Надо отметить, что при посещении Екатериновки автором этой книги через девяносто лет ничего, что так удивило известного писателя уже не было – ни церкви, ни пожарной каланчи, ни домов с резными наличниками. Старинных строений не осталось – их сменили кирпичные дома советского периода, все на одно лицо.

Богато жили не все – основная масса населения: русская и казахская беднота, «иногородние», ютились в жалких саманных

землянках на окраинах. Хлеб да пустые щи составляли их обед. «Жизнь была тяжелой, - вспоминает дочь казака ст. Пресногорьковской Томская (1902 – 1993 гг.), - если сыновья у хозяина, то каждому он обязан был справиться обмундирование, лошадь, упряжь. Народ был темный, невежественный. Помню такой случай. Однажды у одного казака украли штаны. Штаны с лампасами стоили очень дорого. Атаман смазал икону мастикой и положил ее в пустой комнате. Подозреваемые в краже по одному заходили туда, брали в руки икону и божились, что не они украли штаны. После этого атаман выстроил всех в ряд и проверил – вором оказался тот, у кого руки были чисты от мастики. Боялись наказания Божьего...».

Хлеб сеяли не все, сеявшие свыше 20 десятин считались зажиточными. Не имевшие посевов «ходили» на соленые озера, где добывали соль и после продавали ее в крестьянских деревнях или обменивали на муку. Кроме этого бедные казаки занимались ловлей рыбы, огородничеством и табаководством. Крупный листовой табак хорошо продавался на торжках казахам. Производимые товары стоили очень дешево: пуд пшеницы - 30 копеек, воз огурцов и арбузов – 1 рубль, табак – не дороже 5 копеек за фунт. Мельниц для помола зерна не хватало, а в безветрие и вовсе невозможно было переработать пшеницу в муку. Делали ручные жернова, помол получался крупный «рукомолотный». Крупы готовили при помощи ножных и ручных ступ, впоследствии появились крупобдирки с конным и паровым приводом, на некоторых ветряках к мукомольному валу приспособляли крупорушки, дробившие крупу. Особыми мастерами считались сохари – умельцы правильно сделать соху с железным сошником. Пахать сохой целину - очень тяжелый, изнурительный труд. Сено косили косой, сгребали в копны ручными граблями. Хлеб сжинали серпом только в неурожайный год, при невысоком и редком колосе его косили косой. Обмолот производили молотилами (цепами) и конями. Не обмолоченный осенью хлеб в снопах зимой сушили в овинах и потом обмолачивали. На токах отсевали зерно вручную, бросая лопатами на ветер. Охота считалась отдыхом, забавой и пропитанием. Охотились раз-

дился в степи в скирдах, откуда ежедневно на санях доставляли сено. Дворы примыкали вплотную друг к другу, и каждый квартал казался огромным крытым двором. На усадьбах огородов не было, не было и древесных насаждений, кроме берез вдоль улиц и палисадников. Огороды распахивались вокруг озер. Дома богатых казаков крыли оцинкованным кровельным железом, украшали резьбой и наличниками.

Интересны юношеские воспоминания Сабита Муканова о посещении им перед Великой войной Екатериновской (в 70-ти верстах к востоку от Пресногорьковской): «Меня поразили размеры станицы и строгая планировка ее кварталов. Дома стояли как на подбор – один к одному: крестовые, рубленные в лапу, обшитые тесом и крытые жостью: в моих глазах каждый из них выглядел ничуть не хуже того ханского дворца, который видел я при путешествии в Сырымбет в ставке Средней Орды. Таких роскошных ворот я никогда не видывал. Украшенные затейливой накладной резьбой, ворота богатых дворов были вполне под стать внушительным и красивым домам. Все здесь строилось с расчетом навек – от высоких резных парадных крылечек до кондовых амбаров с пудовыми петлями и замками... Не успел я налюбоваться на огромный крестовый дом с голубыми ставнями, как внимание мое приковало новое чудо – красивая белая церковь с золотящимися на куполах крестами, что возвышалась посреди площади. Но еще больше церкви меня удивила какая-то очень красивая громадная башня, оказавшаяся пожарной каланчой... Екатериновка очень понравилась мне. Глядя на большие дома, на плотные тесовые заборы, на украшенные затейливой резьбой ворота, на крытые жостью крыши, я думал, что в этих домах должны жить какие-то необыкновенно сильные, рослые и красивые люди». Надо отметить, что при посещении Екатериновки автором этой книги через девяносто лет ничего, что так удивило известного писателя уже не было – ни церкви, ни пожарной каланчи, ни домов с резными наличниками. Старинных строений не осталось – их сменили кирпичные дома советского периода, все на одно лицо.

Богато жили не все – основная масса населения: русская и казахская беднота, «иногогородние», ютились в жалких саманных

землянках на окраинах. Хлеб да пустые щи составляли их обед. «Жизнь была тяжелой, - вспоминает дочь казака ст. Пресногорьковской Томская (1902 – 1993 гг.), - если сыновья у хозяина, то каждому он обязан был справиться обмундирование, лошадь, упряжь. Народ был темный, невежественный. Помню такой случай. Однажды у одного казака украли штаны. Штаны с лампасами стоили очень дорого. Атаман смазал икону мастикой и положил ее в пустой комнате. Подозреваемые в краже по одному заходили туда, брали в руки икону и божились, что не они украли штаны. После этого атаман выстроил всех в ряд и проверил – вором оказался тот, у кого руки были чисты от мастики. Боялись наказания Божьего...».

Хлеб сеяли не все, сеявшие свыше 20 десятин считались зажиточными. Не имевшие посевов «ходили» на соленые озера, где добывали соль и после продавали ее в крестьянских деревнях или обменивали на муку. Кроме этого бедные казаки занимались ловлей рыбы, огородничеством и табаководством. Крупный листовой табак хорошо продавался на торжках казахам. Производимые товары стоили очень дешево: пуд пшеницы - 30 копеек, воз огурцов и арбузов – 1 рубль, табак – не дороже 5 копеек за фунт. Мельниц для помола зерна не хватало, а в безветрие и вовсе невозможно было переработать пшеницу в муку. Делали ручные жернова, помол получался крупный «рукомолотный». Крупы готовили при помощи ножных и ручных ступ, впоследствии появились крупобдирки с конным и паровым приводом, на некоторых ветряках к мукомольному валу приспособляли крупорушки, дробившие крупу. Особыми мастерами считались сохари – умельцы правильно сделать соху с железным сошником. Пахать сохой целину - очень тяжелый, изнурительный труд. Сено косили косой, сгребали в копны ручными граблями. Хлеб сжинали серпом только в неурожайный год, при невысоком и редком колосе его косили косой. Обмолот производили молотилами (цепами) и конями. Не обмолоченный осенью хлеб в снопах зимой сушили в овинах и потом обмолачивали. На токах отвеивали зерно вручную, бросая лопатами на ветер. Охота считалась отдыхом, забавой и пропитанием. Охотились раз-

личными методами – сетями, силками, срубцами, капканами и петлями.

Немногие из зажиточных казаков занимались благотворительностью. Помогала бедным вдова отставного сотника Михаила Макаровича Едрилова Анна Петровна (проживала в доме, где впоследствии располагался военкомат. Она была очень полной женщиной, летом в сопровождении прислуги спускалась в каменный погреб, где был устроен ледник, и спасалась там от жары. В 2012 году здесь помещалась почта, при ремонте веранды на верхней доске автором обнаружена надпись «дом построен в июле 1912 года»).

Станичники умели работать, умели и отдыхать. Зимой справляли свадьбы, гуляли по пять-десять дней.

Особенно торжественно в станице справляли храмовый престольный праздник – день Святителя Николая Чудотворца (6 декабря ст. ст.), он же Войсковой и полковой праздник и день тезоименитства Государя Николая Второго. В этот день во всех станицах и поселках войска устраивались парады. В них участвовали казаки 2-й и 3-й очередей и молодые казаки призывного возраста. Парадами командовали вахмистры и урядники, а принимали станичные атаманы. После прохождения колонн под колокольный звон провозглашались здравицы в честь государя-императора, все шли в станичное правление, где накрывался праздничный стол. Такие же парады проводились в день Крещения Господня и день первого Спаса (1 августа ст. ст.).

С помощью ветеринарного врача А.П. Шехтера и заведующей станицей есаула Н.П.Кубрина в 1910 году было организовано культурно – благотворительное учреждение «Братство».

Учреждение это существовало на членские и вступительные взносы и пожертвования, на доходы от культурно-просветительских мероприятий и от воскресников, проводимых специально в пользу «Братства». Помещение и охрана его были предоставлены станичным правлением бесплатно. При «Братстве» была неплохая по тому времени библиотека, созданная в основном из книг, пожертвованных местной интеллигенцией, открыта народная столовая и магазин «Самопомощь». В магазине

были товары первой необходимости по ценам ниже, чем в купеческих лавках.

По вечерам устраивались чтения, беседы или лекции, сопровождаемые показом так называемых живых картин с помощью волшебного фонаря. Устраивались концерты и спектакли, а после них обязательно подавался чай с каким-либо печеньем или халвой. Плату за чай вносили, кто сколько может – от одной-двух копеек до рубля. Во время воскресников засеивались и убирались до двадцати гектаров пшеницы. Заготовки топлива, текущие ремонты и другие работы также производились в дни воскресников станичным правлением. В 1911 году для голодающих бедняков была организована бесплатная столовая.

Братская школа была одним из основных направлений деятельности «Братства». «Братство» не ограничивалось проведением бесед и чтений по разным отраслям науки и искусства. В целях просвещения и воспитания порастающего поколения была организована школа, в которой обучались 25 человек. В школе были учащиеся от 13 до 18 лет, были и взрослые женатые люди до 30 лет. Школа готовила учащихся для поступления в средние учебные заведения. Кроме общеобразовательных предметов были и такие предметы, как рукоделие и счетоводство. Преподавателями в школе были представители местной интеллигенции и служащие организаций. Все преподаватели учили бесплатно.

По окончании школы более способные учащиеся определялись в средние учебные заведения, как например, в акушерскую школу в г.Екатеринбурге, Петуховское техническое училище, в Омский сельхозинститут, училища в Кургане и Петропавловске. Учащимся, не имеющим родителей, оказывалась материальная помощь (Преображенский С.В).

Станица была защищена от голода запасами семенного и продовольственного зерна, на едока рассчитывали в неурожайный год 6 пудов зерна. Зерно хранили в огромных стометровых амбарах – хлебохранилищах и меняли его через 1-2 года.

Амбары стояли на столбах, поднятые на полметра от земли, чтобы не замокало зерно, и были обшиты кровельным листовым

железом. Склады ставили на окраине станиц, опасаясь страшного бедствия – пожара.

Очевидец вспоминает о пожаре в станице Кабановской в 1917 году (ныне одноименный поселок в Северо-Казахстанской области).

«Мы приехали в Семиозерную на мельницу и остановились на краю села. Отсюда в 6 верстах видна была как на ладони Кабановская. День был солнечный и теплый. В направлении станицы дул сильный ветер. Вдруг раздался крик «станция горит». Действительно, горело несколько домов с наветренной стороны, так что вся станица оказалась под угрозой огня. Мужики, кто верхом, кто на подводах, поскакали на помощь. Пока мы туда добрались, половина станицы была в огне. Тушить было бесполезно. Люди старались спасти себя и что – то из пожитков. Бушующий огонь бросал свои языки через три – четыре дома и они воспламенялись. Был слышен страшный рев горевших животных. Горели лошади, коровы, птица и даже собаки. Люди едва успевали выбежать из дома. Кругом разносился душераздирающий плач женщин и детей. Многие получили тяжелые ожоги. В течение полутора часов из 300 деревянных домов осталось 10, которые стояли в стороне, магазин на площади и церковь, остальное превратилось в пепел». О страшном пожаре 1910 года в станице Пресновской пишет И.П.Шухов.

В Пресногорьковке часто натываются на обгоревшие остатки домов на глубине до метра с уничтоженной пожарами утварью, остатками глиняной посуды. Монеты середины девятнадцатого века, найденные на пожарищах, говорят о примерном времени случившегося бедствия.

Зимы в начале века были суровыми. « Станица вся была занесена снегом. Доступ к домам был через прорытые в сугробах канавы – пещеры. В центре улицы лежали огромные сугробы, люди на санях ездили по ним как по огромным волнам. Бураны нее стихали по неделям. Дороги на зиму густо обставлялись вехами в виде метелок и веток. Это спасало людей, захваченных непогодой в дороге. По снегу ездили на санях. Они были разными: сани – дровни, сани – салаги, сани – кошева. Последние служили для легкой езды. Они были красиво разукрашены и об-

шиты коврами. На таких санях катались на масленицу. Катались в одноколенной упряжке и колокольцами и бубенцами на сбруе. Улицы и переулки были запружены катающимися. Всюду с гиком скакали всадники, обгоняя друг друга. Заливались гармоники, под которые исполнялись частушки. Стремительно пронеслись лихие тройки с пьяными компаниями. В этом водвороте нередко были несчастные случаи, а дракам не было конца. В воскресенье жгли костры в знак прощания с мясоедом и масленицей. Наутро наступал Великий пост. Долго обыватели вспоминали события прошедшей недели. Из праздников наиболее известным был день заговенья – 14 ноября, последний день мясоеда. Люди ели скоромное – мясо, молоко, а наутро начинался 40-дневный «филипповский пост». В заговенье молодежь устраивала складчину. Девушки приносили на вечерку продукты, а хлопцы водку. В течение поста, до рождества Христова, прекращались свадьбы, не собирались вечерки, не распевались песни, гармошки прятали в сундуки. В станицах двухрядная гармонь была большой редкостью. В 16-ти поселках их было всего три - в Пресногорьковке, Казанке и Евгеньевке. Гармошек было много, но это были вятские однорядки. Встречались граммофоны. Были популярны вальсы «На сопках Маньчжурии», «Дунайские волны», и танцы: краковяк, подиспань, мазурка, венгерка, чардаш и марши «Тоска по родине» и «Дни нашей жизни» (очевидец). В богатых домах слушали граммофон - «Карие глазки», «Ворожить и гадать мастерица», «Полюбил я ее, полюбил горячо», «На Муромской дорожке», «Когда б имел золотые горы», «Скакал казак среди долины». Сабит Муканов пишет: « В русских поселках и станицах воскресный вечер молодежь по давнишней традиции проводит на улице с песнями под гармошку. ...Молодые казаки и казачки толпами медленно ходили по улицам, повсюду слышны были песни, звуки гармонии. С детства, подолгу живя в русских поселках, я страстно полюбил гармонию и задушевные русские народные песни».

«Зимой ходили друг другу в гости с присловьем – приходите, гости в гости, я индюшку заколю, ты не плач, моя индюшка, я нарочно говорю. Молодежь собиралась в доме одиноких, бездетных женщин, платили им немного денег. Пели песни под

гармонь и балалайку. Семечки шелкали прямо на пол, по окончании вечеринки девушки подметали избу. Летом, за околицей, пели частушки, плясали. На Рождество готовили детям угощение. Ребятишки славил: «Прибаутки славите, сами люди знаете, я зачем пришел, да за копеечкой, не дадите пирога – я корову за рога, не дадите булку – я ее на улку». Взрослые давали им немного денег.

В станице жил Федос, косая сажень в плечах. Во время японской войны он потерял глаз. Был заядлый рыбак, седая его голова была в рыбьей чешуе. Продав улов, тут же напивался и спал в телеге. Однажды ребята подтащили телегу со спящим Федосом к плетню, а лошадь запрягли в нее с другой стороны. Проснулся рыбак и давай понукать лошадь, а та ни с места. Долго не мог понять хмельной Федос, почему телега не едет. Только смех детворы его отрезвил.

В июле по обычаю все женское население выходило на Пресное озеро, где на мостках чистили и мыли зимние вещи. Стояли в жару в ночных сорочках по пояс в воде, рассказывали друг другу станичные новости. В теплый июльский дождь детвора прыгала по лужам, поднимали руки к солнцу, радовались жизни и кричала: «Дождик, дождик, припусти, мы поедем во кусты, царю поклониться, Богу помолиться. Царь, царь, сирота, открывай ворота ключиком, замочком, шелковым платочком». Не знали люди, что их ждет впереди: страшные беды, потеря родных и близких, голод, разруха, болезни, смерть» (из семейного архива В.И.Островского).

Население было суеверно, верили в приметы, колдунов, леших, порчу, сглаз, но всей станицей обязательно посещали храм, молились Господу о прощении грехов. Для того чтобы задобрить домового, хозяин дома выставлял продукты в амбаре или погребе. Без поддержки домового скот не водился. Знахари применяли методики народной медицины, заговоры, настои трав. Пища у зажиточных казаков была разнообразной. Ели только пшеничный хлеб, употребление ржаного хлеба считалось недостойным. Щи из кислой капусты и лапша были в большом почете. Пельмени начинялись капустой, мясом, груздями. Квашеное молоко, хлеб и сало были основной пищей во время сенокоса. По-

суда делалась из глины (до начала XX века) – жаровни, кувшины, кринки, горшки. Из белой глины изготавливали чашки, салатницы, тарелки, сахарницы. Из дерева делали ложки, бочки, ведра, кадки, ушаты, жбаны, маслобойки. Особой гордостью в доме являлись знаменитые тульские самовары, изделия из меди – сковородки, поварешки.

Ярмарочная торговля была особо развита. Вот как описывает Еленовскую ярмарку, начинавшуюся 18 мая очевидец: « ярмарка раскинулась на несколько верст вдоль и вширь по степи. Скота разного сотни тысяч голов – табунами, отарами и в одиночку. На ярмарочной площади установлены около сотни юрт-кибиток, в которых идет торг, пьют магарычи, обедаются бараниной и кониной, пьют кумыс, едят пельмени и распивают чай. Красный базар просто стонет от разного товара. Он располагается на большой церковной площади. А скотский базар начинается в полуверсте от станицы к озеру Чечнево. Купцы съезжаются из Кургана, Кустаная, Шадринска, Атбасара, Петропавловска, Омска, Челябинска. Скот сюда гонят из Кокчетавских, Акмолинских, Тургайских степей. Он принадлежит баям и богатым казакам. Огромные партии скота закупаются купцами из Москвы и Нижнего Новгорода. Бывали случаи грабежей, на нынешней ярмарке у одного купца забрали пятьдесят тысяч рублей, в ту же ночь угнали табун лошадей» (1910 год). Габита Мусрепова так заинтересовала картины Пресногорьковской весенней ярмарки 1921 года, что он даже выбрал именно эту тему для своего выпускного сочинения.

О Пресногорьковской школе

Еще в 1810 году по распоряжению генерал-лейтенанта Глазенапа в Пресногорьковской была учреждена начальная школа для обучения казаков грамоте. Учителями назначались урядники и казаки по выбору войскового начальства.

В 1861 году школа получила статус казачьего одноклассного училища 1-ого военного отдела. Обучение велось отдельно для девочек и мальчиков. В 1866 году «... начальниками школ были полковые командиры, которые могли быть совершенно несведущи в деле воспитания. Школы очень бедны учебным материалом. Две стопы бумаги наполовину удерживаются станичным

начальством, наполовину распродаются учителем казакам на письма. Две аспидные доски в буграх и ямах, карандаш и перочинный ножик на всю школу...». Раз в год школа ревизовалась наказным атаманом. Два его адъютанта посещали каждую школу и проводили в них экзамены. Учителями были урядники и вахмистры 2-й очереди, которые не имели достаточных знаний для преподавания предметов и получали вознаграждение из станичных сумм.

В 1891 году школа располагалась по ул.Большой. Это был длинный деревянный дом под тесовой крышей, взятый в аренду у казака Павла Кизина (сейчас на его месте стоит двухквартирный каменный дом, в нем проживают врачи). В 1893 году в школе обучалось 30 мальчиков и 17 девочек. Учителей было трое, священник Яков Киселев читал Закон Божий. В казачьей школе учащимся рассказывали о походах и подвигах казаков, учили петь боевые песни. Мальчики проходили начальную военно-казачью подготовку: строевую - построение, перестроение, повороты, движение строем; кавалерийскую – джигитовка, скачки, усвоение кавалерийских сигналов; боевую – умение владеть оружием; тактическую – военные игры на местности. В школе имелись гимнастические снаряды, деревянный конь. При проведении смотров станиц участвовали не только казаки, но и учащиеся школ. Из них комплектовали особые пешие и конные взводы и сотни. Лучших награждали серебряными вещами, книгами для чтения и учебниками, всех – подарками и сладостями

Школьной формой у казачат были: гимнастерка, шаровары с лампасами, сапоги и фуражка с красным околышем.

В 1914 году открылась новая школа, большое двухэтажное деревянное здание с пятью круглыми печами, построенная за два года на средства станичного управления. Она расположилась севернее церковного кладбища.

О строительстве школы в станице Пресногорьковской вспоминал в 1982 году С.В.Преображенский (проживал с 1909 по 1926 год).

«Инициатором строительства школы был мой отец – священник Василий Преображенский.

Школа была большая, двухэтажная, из бревен на кирпичном фундаменте, с квартирой для инспектора (директора школы) с одной стороны и с квартирой для сторожа – с другой, с большим гимнастическим залом, физкабинетом, учительской, двумя теплыми туалетами и раздевалкой.

Построена она была на Ярмарочной площади против церкви. Во что обошлось строительство школы и кем оно финансировалось – не знаю, но хорошо знаю (конечно, из разговоров родителей), как изыскивались средства на ее строительство. Помню, как писались обращения к влиятельным и богатым лицам с просьбой пожертвовать. Пишущих машинок тогда еще не было, писала оригиналы моя мать, владеющая хорошим каллиграфическим почерком, а размножали их на шапирографе. Но таким адресатам, как царь Николай Второй Романов, Министерство просвещения, князья и губернатор посылались оригиналы.

С обращением к князю Трубецкому ездил местный ветврач А.П.Шехтер, владеющий французским языком, поскольку прием у князя Трубецкого велся на французском языке (во время русско-японской войны князь командовал 7-м полком в дивизии генерала Самсонова, позже - был командиром Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Флигель-адъютант, полковник, почетный казак станицы Пресновской - примечание С.В.).

К Омскому генерал-губернатору Сухомлинову ездил мой отец. Из канцелярий Его величества и Министерства просвещения поступило всего по сто рублей. Князь Трубецкой откликнулся тремя тысячами рублей, генерал-губернатор – пятью тысячами.

Хорошо откликнулось население станицы и ближайших к ней поселков. Ими был вывезен весь заготовленный лес из Боровского лесничества на расстоянии 60 верст (65-70 км) воскресниками (помочами). Таким же способом был перевезен кирпич и др. строительные материалы. Хорошо откликнулись и Курганские купцы (братья Харламовы, Кузнецовы, Колокольник и другие). Строительство школы обошлось в 28 тысяч рублей».

«Бревнышко по бревнышку свозили мы к месту строительства, мы понимали, для кого затеяно это большое дело и старались

вложить в него не только средства, но и теплоту наших сердец» (воспоминания старожил). Стены школы хранили следы от осколков снарядов, оставленные в 1919 году во время боев между красными и белыми.

С 1914 года в ней стали обучаться дети казахов, имеющих возможность оплатить обучение. Через четыре года их было уже 25 человек. Баймагамбет Этулин, известный просветитель, писал осенью 1915 года Сабиту Муканову: «...Я перебрался в станицу Пресногорьковскую и начал учиться. Учитель мой - Сергей Иванович Лиходзеев поддерживает во мне уверенность в моих незаурядных способностях. Казахских ребят здесь немало. Это приятно. Конечно, это дети богатых, состоятельных людей, и я с грустью думаю об одаренных и любознательных, которые не могут попасть в русскую школу, потому что бедны...». Этулин был расстрелян белоказаками в Петропавловске во время восстания весной 1921 года. По мнению С.М.Муканова, он являлся одним из основоположников казахской советской поэзии.

Габит Махмудович Мусрепов с особой теплотой вспоминает об обучении в школе в период с 1918 по 1921 год: «В школе думали о нашем земном будущем. Желавшие могли обучиться столярному ремеслу, были свои каменщики, свои швеи...». Спустя много лет автор «Солдата из Казахстана» и «Пробужденного края» писал: «Иногда меня спрашивают: «А почему вы стали писателем?». Ответ у меня давно наготове: «Потому, что так велела Сильвия Михайловна, моя учительница в Пресногорьковке. Я не мог ее не послушаться...» Писатель вспоминает о ней: «молодая, красивая женщина. По ней многие тайно вздыхали. Глаза у нее были живые, яркие, глубокие, как озеро Кожабай. И голос у нее красивый, серебристый, когда смеется, напоминает колокольцы на тройке». Долгие годы я пытался выяснить фамилию учительницы, давшей путевку в жизнь знаменитому писателю. Может быть под именем Сильвии Михайловны («не то латышка, не то полька») он рассказал о Мариамне Александровне Шехтер, с 1919 по 1923 год преподававшей русский язык и литературу в школе, построенной ее отцом? (см. фото).

Перед началом занятий директор Михайлов, учащиеся школы и учителя выстраивались в актовом зале и, независимо от веро-

исповедания, читали молитву «Отче наш». Дьякон имел сильный голос, от которого дребезжали стекла. Он особенно нравился девушкам, и они охотно у него пели (возможно, Александр Мансветов или Платон Кириллов – прим.С.В.).

В школе всегда было уютно. П.С.Рыбкин вспоминал: «В 1947 году мы гурьбой входили в большое здание школы, где чисто вымытые полы, маршевые лестницы передавали свежесть и запах хвои. Казалось, что мы входили в дремучий сосновый бор...».

Дина Абрамовна Тимкова (Аксельрод), ныне жительница Петербурга, будучи совсем маленькой девочкой, как-то забралась на чердак и долго просидела там, не решаясь спуститься вниз по крутой лестнице. Крыша была огромной и очень ее пугала своими размерами и сумерками

*Деревянное двухэтажное здание школы простояло до 1959 года. После новогоднего бала здание сгорело дотла. «Пожарная команда прибыла без воды. Двухэтажное красивое здание, построенное до революции казачьей общиной, было самым лучшим в области. Просторные классные комнаты, два зала на каждом этаже, сцена внизу, физкабинет со стеллажами, изготовленными мастером краснодеревщиком Белошевским. В эту ночь пожары возникали в нескольких местах: нарсуд, военкомат, усадьба Бологова, Усенова, старое училище. Кто пытался сжечь Пресногорьковку, так и не установлено» (Л.Н.Г.).

Ныне на этом месте стоит школа, построенная в 1982 году.

С особой теплотой жители Пресногорьковской вспоминают Татьяну Дмитриевну Меринову (Беляеву).

Она родилась в 1899 году в семье бедного казака. Благодаря помощи А.П.Шехтера, закончила Курганское учительское училище с золотой медалью и проработала в школе с 1918 по 1959 год учителем математики, завучем, директором. В тяжелые военные годы Татьяна Дмитриевна была директором школы и получила за труд орден Ленина, который ей вручил в Москве в 1946 году всесоюзный староста М.И.Калинин. Умерла в 1985 году в Саратове, куда ее забрали бывшие ученики Пановы. Как, должно быть, подкосила Татьяну Дмитриевну декабрьская тра-

гедия 1959 года, когда страшным пожаром было уничтожено двухэтажное здание школы, в котором прошла вся ее жизнь!

О том, как тяжело было работать в школе после ухода колчаковцев, свидетельствует обрывок газетной статьи, наклеенный на обороте старинной фотографии. Привожу текст полностью. «Члены поселкового комитета при одном понятии произвели поверку школы, имущества, наложили на замки шкафов с книгами печати и удалились, причем, строго запретили пользоваться общественным отоплением и освещением, предварительно сделав обыск, нет ли где запаса дров. Чтобы оправдать свои действия поселковый комитет снова собрать сход и сделать его ответственным по отношению увольнения учащихся от должности, дабы можно было смело сказать учащим, чтоб они поскорее удалились из станицы. Темный народ, темная масса, не сразу наладится новая жизнь... Учительница казачка». Новой власти нужны были лояльные к советской власти учителя.

Из воспоминаний Преображенского С.В.

В полутора километрах от станицы находится озеро Второе Соленое. Взрослое население купалось в нем, оно считалось целебным. В летнее время сюда приезжали специально со всей округи на два – три месяца на лечение грязью и соленой водой. Жили приезжие в палатках или арендовали юрты у зажиточных казахов, покупая у них мясо и кумыс. По субботам в станице проходил базар. Он проводился на площади, где располагались лавки торговцев Дегтярева (мануфактура), Богданова, Новгородцева (кожаные товары), Усманова (железно – скобяные изделия), здесь же располагался магазин Общества потребителей. В станице был медицинский и ветеринарный пункты, две школы – начальная четырехклассная и Высшее начальное училище. Союз кооперативов объединял 28 сельских потребительских обществ. Он был связан с крупными фабриками и купцами, что позволяло значительно снизить цену на товар. В станице находилась межрайонная контора Переселенческого управления, которое давало в кредит сельхозмашины, ссуды для строительства домов, покупки скота и посевного материала. Было большое количество иностранных акционерных фирм Дерринга, Маккормика,

Зингера. Последняя организовывала курсы по освоению швейных машин и обучению вышивке, вязанию и штопке чулок.

Казачьи поселки отличались чистотой и порядком. Летом устанавливалось дежурство при пожарном сарае, состоящем из двух пожарных машин и бочек с водой, с запряженными в них лошадьми и четырех человек с дежурством на каланче, сооруженной над крышей станичного правления. На Большой улице размещены огромные чаны по 500 ведер, которые периодически заполняли водой. По субботам подметали улицы, сор заметали с улицы во двор.

Достопримечательностью являлась березовая роща «Маяк», пока она полностью не была уничтожена стихией (лес в 2006 году выпилен на дрова – С.В.). Весной 1920 или 1921 года население было разбужено страшным шумом и грохотом. Накануне с вечера начался дождь, шел всю ночь и тут же замерзал.. когда рассветало, взору представились окрестности, открытые на десятки километров.. старые деревья, не выдержав обледенения, обломались, молодые пригнулись к земле. Стальные провода телефонной линии рвались. Чтобы оттаять лошадей пришлось затопить в школе, где мы жили (мать была заведующей школой), железную печь и в тепле освобождать их ото льда. Мужчины выехали в степь для спасения овец. Каждая овца представляла собой кучу льда. На место к табуну завозилась солома, и разжигались костры для отогревания животных. Много овец погибло.

В станице время от времени устраивались скачки, на которых молодые казаки, возвратившиеся со службы, показывали свое мастерство на лошадях. Взятие барьеров, преодоление рвов, наполненных водой, рубки лоз, поднятие на полном ходу предметов, соскоки на землю и вновь посадка в седло. Отличившихся премировали ценными подарками. Зимой, в основном в Масленицу, организовывали бега, как в упряжках, так и на верховых лошадях на приз, установленный станичным правлением, или на спор между участниками забега в пределах средней стоимости рабочей лошади. В дни Рождества, Нового года, крещения устраивались массовые катания в упряжках. Большинство казаков имели выездных лошадей с хорошим ходом, рысаков или иноходцев, упряжь и выездной экипаж.

Служащие, не имеющие лошадей, нанимали запряженные парой или тройкой лошадей экипажи у ямщиков почтовой или земской станций. На озере устраивали каток. От ветров и заносов огораживались камышом, в безлунные вечера освещали фонариками. Катушки устраивали на крутых берегах озера с расчищенной дорожки по льду озера. Катались кто на чем: на санках, фанере, невыделанных шкурах. Устраивались круглые катушки на тележном колесе. К колесу привязывалась длинная жердь, а на другом конце привязывались санки. Водилами служили две – три палки, воткнутые между спицами колес. Человек часто срывался с таких санок и улетал по льду.

В летнее время по субботам народ с пашен и покосов возвращался рано. Молодежь, проживающая в западной части станции, празднично одетая, заранее, задолго до прихода коровьего табуна, собиралась на поляну перед Лазаретником (небольшой березовый лесок). Пели, гуляли, играли в хороводы или в мяч, танцевали и плясали под гармошку, а вечером девушки, подоив коров, кто с ведрами на коромысле, кто с флагами на тележках, доставляли молоко на молочный завод, куда собирались и парни. Гуляния продолжались до 12 часов ночи. Молодежь восточной части собиралась к табуну на опушке «Маяка». Здесь устраивались проводы молодых казаков, уходящих на военную службу. Нередки были драки между двумя краями, нередко с поножовщиной. Драки заканчивались арестом. Арестованный в сопровождении дежурного урядника приходил к атаману на беседу. Атаман назначал меру наказания и отправлял арестованного в каталажку. Режим каталажки таков: она была без окон, спать и сидеть надо было на нарах, передача пищи - один раз в сутки. В исключительных случаях атаман давал указание на оформление и передачу дел мировому судье.

У леса Салотопник стояла двухпоставная паровая мельница, три кожевенных завода, скотобойня с четырьмя складскими помещениями для готовой продукции. В Горьком озере обычно вымачивали кожсырье и коровью шерсть. Вода в озере розоватого цвета. В ненастную погоду или в дождь с ветром с севера поднимался резкий запах сероводорода и все белые предметы,

например, оконные переплеты и ставни покрывались налетом цвета яичного желтка.

В 8-9 километрах от станицы находилось Рассольное озеро (рядом с нынешней трассой на Россию справа – прим.С.В.). Рядом с ним в ста метрах находилось озеро с прекрасной пресной водой. Во время перебоев с солью, любители наживы продавали ее по цене в десятки раз большей. На озеро приезжали люди, делали из кровельного железа противни и на огне рассол выпаривался. Получалась белая, хорошая на вкус поваренная соль. В засушливые годы, какими были 1891, 1911, 1921, соль садилась в два – три сантиметра. Сотни людей брали в станичном правлении допуски за установленную плату и гребли соль специальными граблями. Сбранную соль кто на лодках, кто на плотках вывозили или выволакивали на берег. В день добывали более двухсот пудов. До одиннадцати утра собирать соль было нельзя – в ней скапливалась селитра, которая с восходом солнца испарялась, такая соль была несъедобна. К вечеру соль от поверхности уходила на дно озера в грязь. Толщина слоя грязи была до одного метра (вокруг озера сохранились многочисленные следы землянок, глубокие ямы разных размеров – прим.С.В.)

Казачья школа располагалась по улице Большой в частном доме казака П.В.Кизина (здание не сохранилось, сгорело как и двухэтажное здание в 1959 году, на его месте стоит двухквартирный дом, построенный во время целины - прим. С.В.). От крестьянской школа отличалась дисциплиной и изучением военного дела, гимнастики и пения походных песен. Два дня в неделю учащиеся должны были приходиться в школу в форме. Девочки в черных или коричневых платьях с белым фартуком. Мальчики в казачьей форме, в синих суконных шароварах с лампасами и в защитного цвета кителе (тужурочке) с блестящими пуговицами и красными погонями. Летом – в рубашках защитного или белого цвета с красными погонями и с красным матерчатым поясом вместо ремня, в сапогах. В день изучения военного дела приходили при сабле и деревянной винтовочке, выдаваемой школой. Летом проводили занятия на лошади. Обучали посадке и езде верхом, как в седле так и «окейдаком», то есть без седла, а также по уходу за конем.

Когда приезжало в станицу войсковое начальство – войсковой казачий атаман, проживавший в Кокчетавской станице, это в 180 верстах, то подготовка к встрече велась по неделе и больше. Занимались и казаки и ученики. А когда прибывал губернатор, ученикам давались пряники и конфеты, а ребятам – беднякам выдавалась бесплатно форма.

Интересной личностью в станице был уполномоченный Акционерного общества «Хлебопродукт» Павличек Иосиф Карлович. Женат он был на казашке Галине Галимовне Абдрахмановой, красивой женщине из богатой семьи, имеющей высшее образование. Два их сына Анатолий и Борис хорошо владели тремя языками: немецким, казахским и русским. Отец Галины Галимовны Султан жил в Омске, имел около четырех десятков домов, которые сдавал в аренду. Человек он был образованным (был муфтием Омской и Семипалатинской областей). Преподавал в кадетском корпусе. В 100 километрах от Омска был их аул, где содержалось большое хозяйство, паслись десятки тысяч лошадей и овец. После смерти отца хозяйством управлял старший сын Ахмет, а младший брат Зигей окончил Омский кадетский корпус и юридический институт, работал в управлении Омской железной дороги.

Галина Галимовна некоторое время проживала за границей – она показывала мне фотографию, на которой она снята в национальном костюме для показа на выставке в Швейцарии. Показывала и этот костюм, в котором снималась. Платье цветастое, из голубого толстого шелка, жакет из черного бархата. Все было украшено и отделано жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Шапочка также была украшена бриллиантами. Платье встало ей свыше 10 тысяч золотом.

Начальником почтово-телеграфного отделения в 1921 году был Туровский Илья Михайлович, уроженец г.Троицка.

Рассказ о княгине Кудашевой

Как-то, играя за общественными амбарами на площадке у леска Лазаретника (современные жители называют его Пожарским) в мячик, мы увидели, что по дороге от поселка Крутоярского ехал всадник на белом коне. Конь был красив, сияющий в солнечных лучах. Всадник спросил дорогу к дому ветеринарного

врача А.П.Шехтера. Два сына Александра Петровича Николай и Павел проводили его до дома (в 2008 году дом находится в неплохом состоянии – автор С.В.). По приезде всадник отрекомендовался Александрой Герасимовной Колпаковской. Мы, конечно, были удивлены, что всадник оказался женщиной. Одета она была в широкие шаровары, в длинную черкеску, подпоясанную наборным ремнем при кинжале и пистолете, в черную папаху с черным ворсом. Пока она знакомилась с семейством, умывалась и приводила в порядок себя и своего коня, подошел довольно порядочный ее багаж, и станица уже знала и говорила о ее приезде. Особенно был встревожен и удивлен приездом «какой-то Колпаковской» проживавший по соседству с Шехтером восьмидесятичетырехлетний генерал-майор в отставке Иван Яковлевич Нарбут (бывший командир 2-ого Сибирского казачьего полка, ушел в отставку в 1908 году – прим. С.В). Приодевшись, он пошел к Шехтеру для встречи с ней. Придя в гости, он застал всех в столовой, извинился за свой визит, здороваясь с ней и представляясь ей, заявил, что он очень хотел бы знать настоящее имя уважаемой Александры Герасимовны, ибо он, будучи женат на родной ее сестре, дочери бывшего губернатора Оренбургской губернии, хорошо знал, что Александра Герасимовна умерла и он лично присутствовал на ее похоронах (Герасим Алексеевич Колпаковский – почетный гражданин г.Верного, старшина казахов Большой Орды, Семиреченский губернатор и атаман семиреченских казаков, член Военного Совета Российской империи, командующий войсками Омского военного округа, губернатор Степного края, наказной атаман Сибирского казачьего войска, скончался в 1896 году – прим.С.В).

Спутница, поставленная им в очень неудобное положение, встала и перед всеми извинившись, сказала, что она имела в виду и дальше следовать «инкогнито», но, оказавшись случайно разоблаченной, достала документ личности и прочла, что она действительно является Александрой Герасимовной Кудашевой, женой или дочерью, теперь не помню, князя Кудашева. Конечной целью ее поездки была эвакуация в Омск, и далее в Китай. На некоторое время она остановилась в станице Пресногорьковской и жила в нашей летней кухне. Изредка она разрешала мне

делать проминку ее чистокровного арабского скакуна Лорика без седла.

Лишь однажды она разрешила проехать в седле. Оно было казачьей формы, стремена, подпруга и шлем были украшены золотыми и серебряными орнаментами. Потники обшиты тонким персидским ковром. Седло, по ее словам, было подарено ей в империалистическую войну главнокомандующим войсками Н.Н.Романовым, дядей царя Николая II (легенда о закопанном во дворе дома «золотом» седле жила в Пресногорьковке до конца столетия – прим. С.В). Полковник Кудашева командовала отдельным казачьим полком, имела высшее образование, два диплома – ветеринарный и медицинский. Много путешествовала, долго жила в Индии, владела гипнозом. Говорила на многих языках, в том числе и по-казахски. Лечила гипнозом и лекарствами из трав, знала астрологию и хиромантию. Выступала с лекциями, проводила беседы и показательные занятия по уходу за конем, показывала правильную ковку и расчистку копыт. Изредка на вечерах, устраиваемых после спектаклей, танцевала лезгинку, Во время танца, идя по кругу, выбрасывала к потолку свой кинжал и, не задерживаясь, в танце ловила его, и так повторяла несколько раз. В то время ей было около сорока пяти лет. Столовалась она у нас. За завтраками и обедами она обычно не задерживалась. Вечерний чай проходил в беседах и спорах с отцом. К вечернему чаю почти ежедневно приходил И.Я.Нарбут. Поговорив за чаем, в основном с матерью, он обычно за столом засыпал, и, проснувшись, вставал, извинялся и тут же уходил домой. Прожила она у нас около года. Уехала в Курган на Смолинский конный завод и там по совместительству заведовала городской ветеринарной амбулаторией. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Последний раз встречался с ней в конце 1917 года».

* *Об Александре Кудашевой.* Участница русско-японской и Великой войн. Вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Со 2 мая 1910 по 30 мая 1911 года совершила конный пробег Харбин- Петербург на скакуне Монголике. 26 октября прибыла в Омск и продолжила путешествие по станциям 2-го военного отдела. В северной столице империи была принята императором Николаем Вторым и представлена Семье.

В память о встрече подарила скакуна Монголика наследнику престола Цесаревичу Алексею. В то время газеты восторженно писали о смелой наезднице (в период Первой мировой войны русским послом в Пекине был князь Кудашев, какое отношение наша героиня имеет к нему неизвестно. Возможно, она была однофамилицей князя – прим.С.В). К сожалению, автору пока не удалось проследить ее жизненный путь.

** О генерале И.Я. Нарбуте* вспоминала казачка Томская-Зенебрецова (записано автором в 1991 году): «В то время когда в станице ожидали прихода красных, моего деда, Матвея Авксентьевича Зенебрецова вызвали в станичное правление, где ему сказали, что наш дом навестит генерал Нарбут. Вечером к дому подъехал богатый экипаж. Из него вылез старик и два денщика, которые занесли в дом какой-то кованый железом сундук. Дед долго выпивал с генералом и даже вспомнил, как много лет назад, во время службы на границе с Китаем, Нарбут заставил его бежать пять верст в полном снаряжении, а сам скакал рядом. Генерал уехал, а сундук остался. Мы, маленькие дети, когда мыли пол вокруг него, подняли крышку и увидели, что в нем много желтых вещей, наверное, золотых. Красные взяли станицу, а потом их выбили, и сундук у нас забрали. Жили мы бедно, поэтому нас красные не тронули с обыском».

К сожалению, мною не найдены данные о жене И.Я.Нарбута. Он действительно мог присутствовать на похоронах дочери Г.А.Колпаковского Александре, умершей, видимо позднее 1910 года. По крайней мере, в списках жертвователей потерпевшим после Верненского землетрясения она есть и записана как Базилевская (Колпаковская). Ее муж был известным в городе архитектором.

Есть версия, что она умерла при родах и была похоронена вместе с сыном в Сосновом парке города Верный (ныне Алматы) еще при жизни отца и матери (Н.А.Букетова). Там по сей день лежат огромные могильные плиты на месте их упокоения. Был ли Иван Яковлевич на похоронах как член семьи Колпаковских или в качестве командира 2-го Сибирского казачьего полка, обязанного по должности проводить в последний путь дочь генерал-губернатора, кто теперь знает?

Возможно, Нарбут был женат на дочери брата Г.А.Колпаковского, обер-прокурора Ивана Алексеевича. Где она скончалась и похоронена ли в Пресногорьковской – неизвестно. На фотографии 1908 года, снятой перед уходом в отставку с должности командира 2-го Сибирского казачьего полка, рядом с Нарбутом стоит женщина. Кто она? Вопрос остается без ответа

И.Я.Нарбут принадлежал к старинному русскому православному дворянскому роду литовского происхождения из Витебской губернии, где он родился 4 мая 1851 года.

В Пресногорьковской отставной генерал проживал в доме из трех комнат, одну из которых занимал денщик. Он активно занимался столярным делом – делал ухватники, сковородники, деревянные походные кровати. На день рождения А.Х.Преображенской подарил ей три дубовые складные турецкие табуретки, с мягким сиденьем их персидской ковровой полоски. И.Я.Нарбут предположительно ушел на восток с отступающими колчаковскими войсками, след его затерялся... Его сын окончил Омский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, участник Первой мировой войны в составе Сибирской казачьей дивизии. Попал в германский плен в феврале 1915 года в районе Августова. Принял активное участие в попытке полковника Волкова свергнуть Сибирскую областную думу в сентябре 1918 года. Есть предположение, что во время колчаковского переворота он застрелил А.Е.Новоселова, министра внутренних дел Временного Сибирского правительства. Неизвестна судьба пятерых детей отставного генерала.

**О ветеринарном враче А.П.Шехтере*

Родился Александр Петрович в Одессе в 1862 году. Учился в медицинском училище в Киеве, переехал в Харьков и стал студентом ветеринарного института. Еще в Одессе сблизился с народовольцами, стал активно участвовать в революционном движении. На формирование его мировоззрения оказало влияние дружба с известным народовольцем Б.Д.Оржихом и сестрами Софьей и Анастасией Шехтер, дочерьми родного дяди Наума. Эти имена неоднократно упоминаются в энциклопедическом словаре Гранат «Деятели СССР и революционного движения России». Софья Наумовна с 1880 года отбывала срок каторги в

Забайкалье. В Харькове Шехтер попал под надзор полиции за создание нелегальной группы народовольцев и работу в подпольной типографии. Летом 1885 года он был исключен из института и сослан в Полтаву, где женился и добился разрешения полиции уехать с молодой женой в Курск. Приехавший туда в феврале 1886 года Б.Д.Оржих пишет: «Саша Шехтер продолжал сидеть в тюрьме и с каждым днем все больше нервничал и болел, а жена его, молодая, красивая женщина, едва видевшая супружеское счастье, изнывала от безделья и тоски». В конце концов, она оставила Александра, и это потрясло его так, что он стал страдать приступами эпилепсии. Оржих пишет об этом: «Дело его закончилось высылкой в Вологодскую губернию... У него была в конце жизни какая-то своя особая вера, с совершенно специальной психикой». В 1888 году А.П.Шехтер был направлен на поселение в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) сроком на пять лет. После окончания ссылки в течение трех лет он был лишен права поступать в высшие учебные заведения и жить в университетских городах. В 1896 году А.П.Шехтер получил разрешение закончить высшее образование и по 1901 год учился в ветеринарном институте города Казани. В Пресногорьковской Шехтер сменил на должности ветврача титулярного советника Евгения Козьмича Грацианова. Александр Петрович находился под надзором полиции вплоть до 1917 года. Здесь он женился на Анне Павловне Кубриной, (1872 г. р) дворянке, дочери войскового старшины Павла Кубрина и его жены Лидии Семеновны. Кроме Анны у них было двое детей – Николай(1876г. р) и Елизавета (1875 г.р). Венчание состоялось в Песчанской церкви тайно от семьи, так как брат Николай был категорически против брака дворянки Анны с «каторжанином». Родители Кубриных умерли в 80-х годах, оставив маленьких детей сиротами. Всякие родственные отношения между сестрой и братом были прерваны на долгие годы, хотя дочери Николая часто бывали в гостях у тети Анны Павловны. Елизавета Петровна Кубрина (Мошкова) жила с семьей Анны Павловны и Александра Петровича. До 1917 года все они жили в родительском доме, но затем он был конфискован и отдан под общественную организацию (народный суд). Анна Павловна окончила четырехклассное училище,

занималась ведением домашнего хозяйства и воспитанием своих четверых детей: Мариамны (1902-1952, Донской монастырь), Николая (1904-1984, Углич), Павла (1905-1971, Москва) и Лидии (1908-1992, Москва). Все дети были крещены в храме Пресногорьковки. По свидетельству очевидцев Анна Павловна была «доброжелательной и умной женщиной, пользовалась уважением у односельчан». Умерла и похоронена в Пресногорьковке в 1920 году. Александр Петрович вел большую просветительскую работу, лечил людей и животных, работал учителем. Он организовал при церкви воскресную школу, в которой все учителя работали бесплатно. Здесь же устраивали любительские спектакли и концерты, средства от которых шли на приобретение учебного материала и помощь учащимся. В 1912-14 годах А.П.Шехтер убедил население Пресногорьковской станицы в необходимости постройки высшего начального училища и возглавил группу по его строительству (см. воспоминания С.Преображенского). Двухэтажное здание простояло до 1959 года. Последние двадцать лет директором проработала воспитанница Шехтера Татьяна Дмитриевна Меринова. С 1919 года Александр Петрович работал в школе учителем математики и русского языка. Война 1914 года помешала А.П.Шехтеру организовать строительство «народного дома». В период гражданской войны в доме Шехтера неоднократно проводились обыски. Зимой 1919-1920 года в Пресногорьковской волости свирепствовала эпидемия тифа и Александр Петрович с утра до поздней ночи оказывал помощь больным, посещая их на дому. В 1920 году ему предложили стать руководителем ветеринарного института в Омске. Смерть жены и нечеловеческое напряжение последних лет пошатнули и без того слабое здоровье Александра Петровича. Он умер в 1922 году в Пресногорьковке, похоронен, как и его жена, Анна Павловна с исполнением церковного обряда.

Татьяна Дмитриевна Меринова пишет в письме к его внуку, Владимиру Павловичу Шехтеру, в феврале 1978 года: « Он добросовестно, безупречно выполнял свою работу, пользовался большим авторитетом у граждан станицы. Помимо работы ветеринара Александр Петрович часто помогал больным людям, т.к. кроме фельдшера, никаких медицинских работников в станице

не было, да и место фельдшера иногда было свободным... Все, что делал этот энергичный, добрый человек, было направлено на улучшение жизни простого народа. Умер он скоропостижно ночью от стенокардии сердца. Днем еще занимался в школе, учил детей арифметике. Он был и хорошим учителем. Дети его любили. Светлая память о чутком, сердечном человеке и до сих пор хранится в сердцах старшего поколения. Осталось четверо детей, из которых твоей тете Лиде было только 11 лет. Трудно было начинать жизненный путь без родителей, в тяжелое для страны время, но благодаря настойчивости, энергии, трудолюбию, воспринятых от родителей, все получили высшее образование. Доброта, чуткость к людям, трудолюбие, чувство долга - неотъемлемые качества всего поколения Шехтер».

Одна из дочерей расстрелянного генерала Николая Павловича Кубрина Мария (в замужестве Артюхина), проживавшая в Омске писала: «Мы в деревне жили мало, а в 1919 году уехали совсем в город Омск, где и до этого жили с 1914 по 1919 год. В деревне его очень уважали. Он лечил людей и животных, никому не отказывал, хоть и за 50 км. Его жена, тетя Анна Павловна, занималась хозяйством. У них была прислуга. Мы, дети, тоже любили дядю Сашу. Он был очень ласков и добр. С ними жила тетя Лиза...». Елизавета Павловна в 1932 году была арестована как сестра расстрелянного белого генерала и около 8 лет находилась в заключении. Умерла в Омске.

Дети: Мариамна – после окончания Курганской семилетней гимназии с 15 ноября 1919 года четыре года работала в Пресногорьковской школе, в 1930 году окончила педагогический институт им. Герцена в Ленинграде, учила детей русскому языку и литературе в г.Гжатске.

Николай – выпускник Омского ветеринарного института, воевал, испытал ужасы концлагерей.

Павел – инженер, окончил МВТУ, все тепло души отдал детям и любимой работе.

Лидия (Лагутина) – окончила Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, во время войны была в оккупации, всю жизнь посвятила работе над селекцией растений.

Внучка Александра Петровича и Анны Павловны Шехтер Элина Павловна Фазуллина пишет: «Александр Петрович принадлежит к поколению людей, пожертвовавших своей молодостью и жизнью для процветания своего народа».

О семье Токаревых

В центре Пресногорьковки до сих пор стоят два больших дома, построенных в начале прошлого века. Принадлежали они казакам Токаревым – Федору и Якову. У вахмистра Федора Ивановича было четверо сыновей: Петр, Николай, Александр и Евгений. В 1910 году в новом двухэтажном доме родилась дочь Мария. Братья жили дружно, вместе обрабатывали земельные наделы, сеяли пшеницу, рожь, овес, гречку. Летом сажали и арбузы. На пашне были вырыты колодцы, в них до конца лета хранили в холоде продукты и молоко. Федор часто выезжал в степь, закупал скот и шерсть. Скопив нелегким трудом необходимую сумму денег, братья решили построить дома. Федор Иванович возил красный кирпич на верблюдах из Кустаная. Построили два дома сибирского типа и бросили монету – кому и где жить. Станичники были удивлены, что братья решили так. Шли годы. Сыновья учились в гимназии, Маша ходила в церковно-приходскую школу. Дети рано лишились матери. В 1915 году на сенокосе Лидия Алексеевна напилась ледяной воды и через неделю скончалась от воспаления легких. Маша сорок дней ходила в Божий храм молиться за душу усопшей. Через год отец привел в дом мачеху, молодую незамужнюю женщину. В гражданскую войну Петр и Николай были призваны в белую армию, а Евгений и Александр, которым в ту пору было 16 и 18 лет, оказались мобилизованы в РККА. Николай и Александр погибли в первых боях, Евгений умер от тифа в госпитале недалеко от Кустаная. Много лет спустя Мария получила письмо от подруги: "я ходила в ту больницу, где он скончался, я могла ему передать хлебную передачу, он был в буйном состоянии, он никого не узнавал». Федор Иванович, лишившись троих сыновей, продолжал заниматься сельским хозяйством. По воспоминаниям, он был глубоко верующим человеком, не обижал работников, помня свое горькое детство. В 1929 году началась коллективизация, которую проводили местные молодые люди. Особенно лютовал

бывший офицер Борис Бедрин. Семью Токаревых вывезли на подводах к соленым озерам и выгрузили, запретив появляться в Пресногорьковке. Секретарь райкома Засыпкина погубила весь скот. Коров загнали в загон за «каменным» магазином (ныне «Березка»), там когда-то стояли склады с трехгодовым запасом семенного зерна. Коров не кормили, не доили, они мычали, будали друг друга, гибли. Лес Ракиты был завален трупами животных. Засыпкина носила красный платок, мужского телосложения, коротко подстрижена.

Федор Иванович Токарев был посажен в тюрьму в 1930 году, его сын Петр уехал в Пермский край. Оттуда призвался на Великую Отечественную, дошел до Чехословакии. Федор был увезен куда-то на Север и пропал там в лагерях. Дома братьев стали совучреждениями.

(использованы материалы семейного архива семьи В.И.Островского).

Воспоминания Федора Николаевича Церахто о жизни на линии в начале двадцатого столетия

«В 1910 году несколько семей из Приазовья решили переселиться в Северный Казахстан. Предварительно отец ездил за Урал и купил у купца Ардакова земельный участок в 200 десятин земли неподалеку от станицы Пресногорьковской. До Кургана ехали около месяца на поезде, везли багаж. От станции Лебяжье по столбовому тракту поехали на юг по территории Курганского уезда Тобольской губернии. Здесь переселенцев почти не видно. Все население коренное, так называемые старожилы – чалдоны. Чулошное было последним, самым дальним селом этого уезда. Отсюда начиналась территория Петропавловского уезда Акмолинской области. Остановились на отдых у небольшого хутора. К нам стали подходить жители. Завязался разговор. Мы узнали, что хутор заселен пять лет назад выходцами из Харьковской губернии.. приятно было услышать в сибирской глуши хорошо знакомый украинский разговор. До места нашего проживания оставалось 15 верст.

Солнце было еще довольно высоко, когда мы въехали в первую казачью станицу Пресноредут. Подъехали к дому старшего урядника Якова Поликарповича Воропаева, который стоял в

центре станицы на площади. Нас обступила большая толпа казаков и казачек. Мужчины тепло поздоровались за руку со станичниками, казачки подходили к женщинам, приветствовали их и целовались как с родными. Нас, детей, интересовали мужики, которые все от мальчишек до стариков были одеты в казачью форму – брюки с красными лампасами, фуражки с кокардами. Тут же гарцевало несколько всадников... Около часа длилась наша стоянка в станице, потом поспешили в путь, чтобы быть на месте до заката солнца. Ехать нужно было пять верст. Дорога проходила по очень красивой местности. В то же время девственные леса, ковыльная степь и озера, изобилующие дичью и рыбой, ясно говорили о диком, малообжитом крае.

Солнце уже коснулось горизонта, когда перед нами открылась широкая равнина ковыльной целины в своем первобытном состоянии. Направо от нас равнина уходила за горизонт, прямо впереди упиралась далеко в виднеющийся темный лес. Влево раскинулось небольшое, заросшее камышом озеро, за которым тоже виднелся лес длиной около версты и шириной не более 200 метров.

Обоз остановился. Все вышли вперед и отец, указав рукой на озеро, лесок и прилегающую к ним степь, громко сказал: «Вот это наша земля». Все сняли головные уборы. Женщины крестились, крестились и мы, дети. Всех охватила торжественная радость. Долго стояли на пригорке и рассматривали участок в 220 десятин. Осмотреть его с возвышенности не представляло большого труда. Все было как на ладони. Длина участка около двух верст, самая широкая его часть – около версты. Земельный участок был в виде ромба. Начали постройку шалашей 26 июня. Год это выдался засушливым. Засуха охватила всю тогдашнюю огромную Акмолинскую область, поэтому шалаша строили из камыша. Чтобы печь хлеб и варить еду в первую очередь сложили под открытым небом русскую печь, для которой из Пресноредуты привезли кирпич. Мужчины привезли целую бричку муки в мешках. Дичи на месте оказалось уйма – на озере раздавались голоса уток и лебедей, в лугах паслись стаями журавли, над степью летали кроншнепы, в лесах выводками взлетали тетерева и белые куропатки. А зайцев было так много, что они то и дело

выскакивали в лесу из-под ног. Хаты строили всем миром – приехали строители из Пресногорьковской, оттуда же привезли материал и строительный лес. Материал для постройки оказался на месте. Почва, никем не тронутая веками, так густо была переплетена корнями растений, что образовалась упругая толстая корка, толщиной в 10 – 15 сантиметров, так что при распахивании ее однолемешным плугом эта корка отваливалась вдоль борозды ровной и бесконечной лентой. Пласт не рассыпался и не рвался. Его разрезали на нужные куски железной лопатой. В первых числах августа мы вселились в три теплые, светлые, просторные хаты. Новоселье справляли на Покров, были гости из Казанки, Пресногорьковки, из Пресноредути приехали братья Воропаевы с женами – станичный атаман Максим Прокофьевич и Яков Поликарпович. Детям особенно нравились серебряные погоны атамана и висевшая на боку шашка. Был поведен молебен по поводу основания хутора. Из станицы народ с иконами и хоругвями в сопровождении церковного хора пешком направился к хутору. В это время там, в огромных котлах под открытым небом готовили праздничный обед. Забили немало скота. Привезли большую бочку вина, несколько четвертей водки. Отслужили молебен. Гуляли больше суток».

Через год хуторяне праздновали годовщину своего прибытия. «Рано утром 26 июня 1911 года начали съезжаться приглашенные. Первыми приехали Кусаин, Ваис и Кимбай из Нурумбета. Они забили скот на мясо. Старики Ефрем, Данила и Харлампий следили за приготовлением пищи. Три огромных котла установили под открытым небом и варили в них мясо. В четвертом готовили плов. Приехали гости из Казанки – Богуш и Иван Блидарев, Камышловки – Егор Лавринов, Макарьевки – Михаил Назначило и Иван Жвалов, Семиозерного, Песчанки – Бобров и Подобины, Фрол Бибиков. Приехали все наши аульные друзья – казахи и станичники из Пресноредутской Яков и Максим Воропаевы. Они сообщили, что крестный ход приближается. К часу дня все приготовления подошли к концу. Были поставлены длинные столы и скамьи. В это время со стороны станицы показалась толпа, и когда она подошла к хутору, наши женщины вынесли иконы. Едва только обе стороны сошлись около столов,

как священник тут же стал служить молебен в честь нашего поселения и освящения хутора. К молебну присоединился священник Сергей Полевой, приехавший из монастыря с несколькими монашками и игуменьей Евпраксией. Церковный хор торжественно пел и все присутствующие усердно молились. К концу молебна принесли несколько ведер воды и оба священника окропили хаты, сараи и хуторское стадо. До вечера продолжалось гуляние».

В середине 70-х годов Федор Николаевич Церахто вместе с племянником Юрием Федоровичем Ермолаевым попытались найти на месте бывшего хутора спрятанное после гражданской войны оружие. Удалось найти только заржавевшую пашку, наган найден не был. Пашку долго чистили кирпичом и отдали в Петропавловский краеведческий музей. В настоящее время от хуторских построек остались лишь невысокие бугры (прим.-С.В.).

Предприимчивые переселенцы и казаки, державшие большие стада скота, строили маслодельни. Стандартный заводик представлял собою трехкомнатное деревянное помещение, льдохранилище и оборудование – 600 литровый сепаратор, маслобойка, маслообработка, водогрейный котел, фляги ушаты. Стоимость инвентаря составляла 150 – 160 рублей.

Сибирская компания в Кургане закупала масло по цене 12 руб., за пуд. 2 – 3 раза в месяц владельцы маслозаводов везли туда масло на продажу. «По дороге непрерывным потоком шли подводы. Расстояние в 120 верст проходили за два дня. Ночевали у озер, где собирались десятки подвод. В одиночку ночевать было опасно, по дорогам шныряли грабители...» (очевидец).

Гражданская война. Исход.

*Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Полстраны в пожарах, в дыму, в огне...*

Павел Васильев

Ясными осенними днями, когда воздух чист и прозрачен, а береза роняет тронутый позолотой лист, я люблю поездить по пустынным проселочным дорогам, побывать на озерах, где ветер гонит темно-синюю волну и хлопают крыльями о воду поднимающиеся в небо лебеди. Ничего здесь не напоминает о событиях вековой давности, сухо изложенных в оперативных сводках воинских частей и мемуарах красных и белых бойцов, написанных в разных концах света. А ведь были времена, когда здесь стреляли из-за каждого дерева, а люди со страхом ждали сумерек, мечтая дожить до рассвета...

О гражданской войне в наших краях долгое время вспоминать было не принято и даже опасно. Старики упорно обходили вопросы о прошлом стороной, при расспросах отделялись общими фразами. Это казалось странным – героика войны в печати и на телеэкране, и ...молчание очевидцев. Много позже я прочитал у известного поэта Наума Коржавина, эмигрировавшего на запад в 1973 году: «Тотальное выпадение памяти походило на какой-то пассивный заговор. Уже через много лет мне с двумя журналистами пришлось разъезжать по целине, в том числе по землям Сибирского казачьего войска, составлявшим теперь северные районы Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. Люди разговаривали с нами охотно, помнили многое, но все - от сидящего на завалинке в синей казачьей фуражке очень старого казака Петровича в станице Пресноредуть до пожилой учительницы из Пресногорьковки, тоже местной уроженки, ничего - ну, совершенно НИЧЕГО! - не помнили о Гражданской войне. Петрович помнил войну Германскую, помнил, как попал в плен в Мазурских болотах, помнил, как решал: "Или себя прекратить, или как?" Был слух, что германцы казаков в плен не берут и всячески издеваются над ними. Учительница помнила, как Казачьим обществом в Пресногорьковке была открыта гимназия и как она в ней училась. А вот, как дело доходило до событий Гражданской, оба они, да и все остальные, обрывали любой сердеч-

ный разговор: «Не помню. Ничего не помню». Не помнили, а внуки уже и впрямь не знали» («В соблазнах кровавой эпохи»). Ничего рассказывать старики не хотели, помнили участь Федора Ермолаева, Петра Стерехова, Бориса Бедрина, расстрелянных в 1938 году, но фуражки казачьи носили и лампы тоже.

Возможно, ответ на вопрос содержится в «Циркулярном письме ЦК об отношении к казакам», подписанном В.Ульяновым (Лениным), Я.Свердловым, Л.Троцким 24 января 1919 года.

«...признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного его истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы...

1. Провести *массовый террор* против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный *массовый террор* по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью...

2. Конфисковать хлеб и ссыпать все излишки в указанные пункты.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришедшей бедноте.

4. Уравнивать пришедших «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания».

«Красное колесо» террора, после вступления в силу этого письма, стало наращивать обороты, нанеся смертельный удар по основанию казачьего мира, уничтожая православный уклад жизни и память о славном прошлом. Демон революции Лейба Троцкий-Бронштейн писал: «Кзаки - это своего рода зоологическая

среда, и не более того...». Даже сегодня при прочтении этого документа сжимается сердце от того ужаса, который веет от его строчек.

Если бы старики заговорили, несомненно, картина гражданской войны получились бы полной и яркой. Кое-что, однако, удалось записать в 70-80 годы. Существует большой документальный материал о боевых действиях в районе Пресногорьковской линии. Его можно разделить на пять частей – исследования советских историков, мемуары участников Белого движения, изданные в эмиграции, работы историков постсоветского периода, архивные материалы и воспоминания очевидцев. Автор не ставил перед собой непосильную задачу показать полную картину боев между Тоболом и Ишимом, но постарался по возможности соединить все пять видов источников и *частично* представить читателю ход событий. Огромную работу в этом направлении провели кандидат исторических наук В.А.Шулдяков (г.Омск) и историк-поисковик О.А.Винокуров (г.Москва), который создал в результате многолетних исследований хронологию событий лета-осени 1919 года. Олег дважды прошел пешком от Тобола до Ишима дорогами боевых бригад и конных дивизий, стремясь восстановить мельчайшие детали событий, которые названы Петропавловской операцией. Перу Владимира Александровича Шулдякова принадлежит фундаментальный труд «Гибель Сибирского казачьего войска».

Мемуарная литература, изданная в эмиграции, позволила в определенной мере преодолеть однобокую трактовку событий, данную историками в советский период.

В конце мая 1918 года по станицам Пресногорьковской линии поползли тревожные слухи. Их принесли пришедшие с развалившегося фронта солдаты Великой войны. Очевидцы утверждали, что по железной дороге от Челябинска к Петропавловску движутся друг за другом поезда с чехословацкими солдатами, вооруженными до зубов. Слухи оказались верными – командиры частей чехословацкого корпуса 20 мая в Челябинске приняли решение о неподчинении Советской власти. Совдепы на местах разгонялись, небольшие отряды красногвардейцев и активистов из гольгѣбы не могли противостоять чехам. На станции Курган

находилось 2700 солдат под командованием поручика Грабчика*, которые 2 июня свергли власть Советов в городе и провели террор против Совдепа.

На всей территории Сибири и северного Казахстана пришедшее к власти Временное Сибирское правительство отменило декреты советской власти.

В начале июня из Кургана в Пресногорьковку выехала на подводах группа чехословаков. Они привезли атаману Шешминцеву приказ о создании на территории волости новой структуры управления и введении должности выборного комиссара. Атаман отверг эти предложения и выставил непрошенных «гостей». По рассказам, чехи до Кургана не доехали, были уничтожены группой казаков, высланных атаманом вслед непрошеным гостям.

Временное Войсковое правительство под председательством войскового старшины Г.И.Иванова, уроженца станицы Кокчетавской, приняло решение сформировать сотни конных полков в разных местах: 1-ый Сибирский казачий полк в Кокчетаве (4 сотни) и Пресновской (2 сотни), комполка есаул А.А.Асанов, 2-ой Сибирский казачий полк в Петропавловске (4 сотни) и Омске (2 сотни), комполка войсковой старшина Н.П.Кубрин, уроженец Пресногорьковской, 3-й Сибирский казачий полк в Семипалатинске (4 сотни) и в Павлодаре (2 сотни), комполка войсковой старшина П.П.Копейкин. Мобилизация проходила тяжело. В Пресновской, казаки, назначенные в штаб дивизии и артдивизион, отказались отправляться в Омск, разошлись самовольно по домам.

Об этом событии вспоминал Степан Ефимович Федосенко, призванный из Пресногорьковки (записано в 70-е годы автором книги. На этом сборе были казаки станицы Пресноредутской Иван Шилов, Петр Воропаев, пресногорьковчанин Михаил Донцов и многие другие):

«Сборы были назначены в станице Пресновской, в казармах летнего лагеря, где обычно проводились месячные учебные сборы (построек, служивших для проведения лагерных сборов весной 1918 года уже не существовало – после решения войскового круга о ликвидации сборов местное население воспользовалось

моментом и постройки были разобраны – прим.С.В). Каждого призванного казака провожал кто-то из родных. Ехали на тарантасах, телегах, скакали на оседланных конях. Настроение у мобилизованных было не боевое. Только старики-казаки оставались непримиримыми врагами революции и готовы были, кого угодно утопить в крови ради восстановления своего дореволюционного престижа. Лагерь располагался в версте от станицы возле леса. Когда мы подъехали к нему, взору предстало зрелище, похожее на конную ярмарку. На огромной площади вокруг озера стояли тысячи подвод, среди которых расположилось множество палаток. Над лагерем стояла туча дыма от бесчисленных костров. Тысячи спутанных лошадей разбрелись по лагерю, столько же стояло у коновязей. У костров и подвод сушили женщины. Везде группами стояли, лежали, сидели казаки, шумно обсуждая положение. Мнения казаков сходились в одном – дальше Пресновки не выступать. Явились офицеры. На трибуну поднялся небольшой коренастый войсковой старшина Глебов*. Он говорил, что большевики продали Россию немцам, и надо помочь чехам в деле освобождения многострадальной земли. Казаки его внимательно слушали. Затем выступил есаул Евсеев. Говорил о порядке формирования полков, их задачах. Полки должны были направиться в Омск. Стали выступать казаки. Собрание переросло в митинг.

Посыпались вопросы:

- Против кого нас посылают воевать?
- Нас хотят обмануть и натравить на народ!
- Нам война не нужна, мы никуда не пойдём!

Офицера, видя такой оборот, уехали в станицу. Казаки долго бושевали. Появился самогон, всю ночь пили, пели песни, ругались и дрались.

На следующий день после обеда офицеры приказали сотням построиться четырехугольником. Глебов начал читать обращение правительства казакам.

Казаки загалдели. Послышались выкрики: «Кто послал обращение? Где это правительство?». Собрание превратилось в толпу бесновавшихся людей. Несколько казаков, пользовавшихся авторитетом, начали успокаивать народ. Это им удалось неско-

ро. Выступили два казака из Камышловской - фронтовики Пономарев и Сухов. Говорили спокойно, разумно толково строили свою речь. Против их слов даже офицеры ничего не смогли возразить. Они внесли предложение – кто хочет воевать, тот отправляется в Омск, кто не хочет – по домам. Казаки бросились седлать коней, женщины забегали по лагерю, собирая вещи и укладывая их на повозки. В течение получаса вся людская масса стала растекаться в разные стороны. На огромной площади осталось лишь с полсотни казаков и офицеры.

Но недолго было молодым бунтовщикам жить спокойно. Не успели они добраться домой, как облетела станицы весть об их измене. Всполошилось старое казачество. Позор, угрозы и проклятия посыпались на головы молодежи. Старики требовали немедленно повесить зачинщиков бунта, а остальных публично наказать шомполами. Это могло привести к кровавой схватке между молодыми и старыми казаками, но благоразумные люди среди них этого не допустили, а заставили всех вернуться назад и отправиться в Омск.

* Федор Львович Глебов (1887 – 1945, Шанхай), генерал-лейтенант, род. в пос. Казанском Пресновской станицы. По словам сотника Е.Красноусова «небольшого роста, плотный и коренастый, генерал Глебов был истинным отцом – командиром, которого не только побаивались, но и уважали и любили. Строгий взгляд, квадратный, волевой подбородок свидетельствовали о неизмеримой силе его воли».

Настроение казачьей массы летом 1918 года даже через девяносто лет можно понять – многолетнее пребывание в окопах, прибытие домой практически разоруженными, отравленными большевистскими идеями, казаки поначалу растерялись, разрываясь между семьей и долгом, к выполнению которого призывало офицерство и старые казаки.

В марте 1919 года начальник Сибирской дивизии Н.П.Кубрин вспоминал об очень важном для дальнейшего развития событий эпизоде войны: «...После июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих частей, формирование казачьих полков требовало большого, ис-

ключительного напряжения энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики - станичники, выставившие полки». 28 июня в Петропавловске был созван круг из делегатов станиц Пресновской, Пресногорьковской и казачьих поселков, приписанных к ним – всего 21 станица. На нем вынесли резолюцию: «Казак, не исполнивший боевого приказа и ушедших в станицы, вернуть на сборный пункт, составить из них отдельные команды и не вливать в сотню до тех пор, пока они своим поведением не докажут готовности выполнить свой долг перед родиной».

В станицах были проведены казачьи круги. Пятьдесят казаков поселка Починовский приняли решение: «Выслушав сообщение о самовольной отлучке казаков из Пресновского лагерного сбора и приняв во внимание, что призванные казаки нарядов 1916-18 гг. – возрастов действительной службы, поэтому никаких льгот казакам этих нарядов не должно быть, тем более что необходимо поддержать теперь же Временное Сибирское правительство, а потому собрание постановило теперь вернуться на сборный пункт для службы». Поселок Починовка ныне расположен неподалеку от таможенного поста «Акбалшык» - Воскресенское на границе Курганской и Костанайской областей.

4-й казачий полк, сформированный в мае в Пресновской, разместили в Омске, неподалеку от кадетского корпуса. Казаки не поддались агитации, проводимой подпольем, и приняли активное участие в подавлении Омского восстания против нового режима 21-22 декабря 1918 года. Первый Ермака Тимофеева полк считался самым надежным соединением у белых во время пребывания в Омске. Казаки охраняли ставку адмирала Колчака.

В августе была проведена мобилизация среди крестьянского населения. Молодежь призывного возраста конвоировали в Омск, селили в казармах и наспех готовили к боям. Ребята из деревень, примыкавших к Горькой линии (Песчанки, Макарьевки, Исаевки, Филиппово, Привольного и др.), были зачислены в 1-й Сибирский стрелковый полк. Их батальон поместили на улице Тобольской, в двухэтажном здании высшеначального училища. Бойцам батальона выдали японские винтовки, и одели в русскую и английскую форму.

В ноябре 1918 года Верховным правителем России был объявлен адмирал Колчак. В Пресногорьковской, Макарьевской, Всесвятской (Сарыколь) волостях действовали отряды полковников В.И.Волкова и И.Красильникова. Они выявляли лиц, входивших в Советы, сочувствующих большевикам.

Председатель Макарьевского Совдепа Федосей Голоус, арестованный колчаковцами, застрелился. Рамазан Даушанов, председатель Анастасьевской казахской волости из аула Нурумбет, имевший за спиной опыт партизанской борьбы в отрядах Амангельды Иманова, увел в дальние аулы русских друзей и активистов-казахов. Незавидна была участь тех, кто попал в руки карателей. Расстрелы, поголовная порка населения, казнь через повешение – все это входило в арсенал устрашения. Жестокость белых порождала ответные действия.

Зимой 1919 года в лесах южнее казачьей линии, под Анновкой, действовал отряд Дмитрия Алексеевича Ковалева, бывшего фельдфебеля. «Внешностью и поведением напоминал Чапаева, среднего роста, энергичный, смелый», кареглазый и русоволосый, крепко и ладно сложенный (очевидцы). Еще осенью 23-летний Ковалев собрал группу молодых ребят, не пожелавших вступить в Сибирскую армию и уклонившихся от мобилизации. Яков Рыбкин вспоминал: «Первыми в отряд вступили Василий Сова, Афанасий Кнуров, Петр Спивак, Василий Зименко, Ефим Мирошниченко, Никифор Комаха и я». После нового года договорились собраться в Воскресеновке у Василия Шапошникова и решить, как действовать дальше.

Комиссаром отряда был избран Иван Ковалев. В отряд вошли жители окрестных поселков Чеховки, Ново-Семеновки, Королевки, Ананьевки, Воскресеновки, Подольска, Новопокровки - всего 65 человек и 80 казахов. Раздобыв оружие и лошадей у окрестной милиции, отряд стал мобильной боевой единицей Весело-Подольской волости с апреля 1919 года. Позже, в июле, отряд пробрался в район Звериноголовской станицы, где в селе Озерном отряд обмундировали и вооружили бойцы Красной армии. Ковалев получил приказ развернуть боевые действия в тылу колчаковских войск. К моменту начала Кустанайского восстания в партизанском отряде насчитывалось около 140 человек.

В него входили крестьяне из переселенцев, казахские джигиты – Севгузов, Давлетов, Шалабаев, Макышев, отлично знавшие местные условия, казаки из бедноты. В марте 1919 года в Кустанайском уезде началось восстание против колчаковского режима. Барон А.Будберг, сподвижник Верховного, писал в дневнике: «В тылах тоже неблагополучно, серьезное восстание разползается в Кустанайском уезде, туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью, сегодня он уже доносит, что две главные банды им достигнуты и истреблены...».

На подавление восстания в селе Мариинском Атбасарского уезда из Курганского военного округа генералом Константиновым был направлен особый карательный отряд во главе со штабс-капитаном 4-го Тюменского полка Ванягиным. Отряд состоял из двух полурот, численностью 117 человек, усиленный двумя пулеметами. 12 апреля каратели вошли в Пресногорьковскую. Поручик Спиридонов повел вторую полуроту на уничтожение ковалевцев, а первая полурота Богоявленского направилась к Ксеньевке и Федоровке. Там было расстреляно 12 человек. На кладбище в Федоровке стоит высокий краснозвездный обелиск, где в братской могиле покоится прах убитых. Здесь похоронены Бужинский И.И., Пеньтюхов В.Ф., Глатенко М.Т., Шниткин В.Е., Тястов И.В., Тырнов А.Ф.

Сарыкольский краевед В.В.Стародуб приводит свидетельство М.И.Карпеты, тогда 14-летнего паренька, о Ванягине: «Одетый в черный костюм, а не в армейскую форму, высокий, красивый мужчина со сросшимися бровями, великолепный кавалерист и хороший оратор». 17 апреля рано утром карательный отряд вошел во Всесвятское

Здесь с помощью купца Н.Климова, М.Палауса и А.Ефименко был составлен список недовольных новой властью. На другой день жителей села согнали к церкви. Штабс-капитан произнес речь с паперти, назвав Всесвятское «большевистским кублом». Речь была завершена пулеметной очередью над головами жителей, сделанной со звонницы. «Каратели разбрелись по поселку, мародерствовали, творили беззаконие, пили и гуляли», - пишет В.В.Стародуб. Вечером 19 апреля за околицей села проводились массовые расстрелы, которыми руководил поручик Попов. Пья-

ный караул всю ночь добивал штыками раненых. Спаслись трое (М.Г.Сиренко отполз в залитый водой кладбищенский ров). По свидетельству очевидцев событий, во Всесвятском убиты 123 жителя. «Карательный отряд капитана Ванягина, проходивший после подавления восстания, реквизировал хлеб, масло, поросят, мясо, брички, скот и прочее, не платя ни за что денег. Насиловал женщин и даже выпорол священника о.Лобановского, признавал начальник Петропавловской уездной колчаковской милиции» (по М.К.Козыбаеву). 20 апреля каратели выступили в ближайшие поселки.

В Анновке нещадно секли нагайками все население – не пожалели даже священника Рожкова. Были расстреляны Комарницкий П., Зименко П., Ванжа А.Е., Дьяченко Е.М., Шмегельский М., Зименко П.А., Мамонов Ф., Рыбкин К.Р. Раненых добивали штыками. Родственников расстрелянных высекли нагайками. Штабс-капитан пригрозил: «Если кто еще выступит против власти, то семья будет уничтожена, а дома сожжены». В окрестных аулах и хуторах ваянцы расстреляли более 70 человек.

По пути к Мариинскому ваянцы убили в Сорочинке семь человек, в Ермаковке семь, в том числе руководителя повстанцев Александра Миронова, в Севастополе – 16, в Златоусте около 40.

Автору удалось разыскать в архивах телеграмму подполковника Иванова, начштаба Курганского военного округа на имя начальника Западной армии. Привожу ее текст полностью. «Челябинск. 22 апреля. Начальник Всесвятского карательного отряда доносит, что: 17 апреля военная организация Всесвятского уничтожена в корне. Главный руководитель Миронов пойман и расстрелян. Из Всесвятского послан отряд в Сорочинское и Ермаково. В первом было отделение штаба Всесвятской организации, каковое уничтожено, расстреляно 8 человек. Второе оказалось меньшевистским, здесь расстреляно 2 сбежавших из Кустаная комиссара, много отобрано оружия. С отрядом расположился по квартирам в Ермакове, где провел несколько дней Пасхи, так как, благодаря распутице, движение дальше невозможно. Отсюда могу только послать небольшой конный отряд в ближайшие селения, таковой вышлю ночью 20 апреля в Сева-

стопольское, где жители отказывались выдать зачинщиков. Как только можно будет двинуться – двинусь в дальние окрестности Всесвятского для восстановления твердого порядка и правильной работы местной администрации. Моя решительная расправа так подействовала на окрестность, что жители сами арестовывали большевиков и дезертиров и под конвоем привозили ко мне. Земская управа и милиция не пользовались никаким авторитетом. Теперь же им население оказывает полное подчинение и, все распоряжения выполняются беспрекословно. Настроение отряда не заставляет желать лучшего. Слух, что в 150 верстах от нас к западу, большевики опять зашевелились, требует проверки. Подпись: капитан Ванягин». В конце апреля каратели двинулись на юг, на подавление мариинского восстания.

13 мая четыре пехотные роты отряда приняли активное участие в наступление на село Мариинское Атбасарского уезда. Две роты наступали в «лоб» повстанцам, две роты под командованием поручика Гаврилова совершали обход. Общее руководство взятием мятежного села осуществлял генерал Волков. Он отдал приказ большевиков расстреливать, имущество конфисковать в казну, а дома их сжигать... Ворвавшись в Маринку, солдаты капитана Ванягина сами определяли виновных, расстреливали, бросали бомбы в дома, выбрасывали семьи расстрелянных на улицу, отбирали одежду. Сгорело свыше 60 домов.

В письменном рапорте командиру 4-го Тюменского полка из с. Мариинское Ванягин докладывал, что его отрядом расстреляно не менее 1500 человек и вместе с сотником Шайтановым восстание потоплено в крови. За участие в атаке на Мариинское ваягинцы получили 15 Георгиевских крестов и 10 медалей (как известно, на Южном фронте А.И.Деникин не награждал отличившихся в боевых действиях бойцов Георгиевскими крестами, считая, что на гражданской войне вручение этого знака отличия не совсем правильно – прим.С.В).

Разгромив Мариинское, белогвардейцы устремились по окрестным селам Акмолинской области, расправляясь по пути с непокорными, вылавливая дезертиров. 25 мая карательный отряд Ванягина прибыл в Знаменку. За невыдачу дезертиров избили шомполами старосту села Павлова. Один из местных жителей,

Бузулука, показал дома дезертиров, которые каратели подожгли. В это время хозяева домов прятались в скирдах соломы, в поле за Ишимом. Каратели узнали об этом. Но у скрывавшихся было оружие, которое они прихватили с германской войны, что помогло им отбиться. Ванягинцы ушли на север.

«Основные силы карателей были настигнуты отрядом Ковалева в поселке Ставрополка. Утром мы ударили по селу, занятому карателями. Они начали отстреливаться. Но, не выдержав натиска, отступили, и вплавь стали перебираться через реку Ишим. Здесь было уничтожено (по подсчету оружия) 75 колчаковцев. Остатки белогвардейцев отошли к Федоровке Кокчетавского уезда. Нашелся местный житель, указавший ковалевцам брод через реку» (очевидец). После переправы Ковалев дал приказание первому и второму взводам под командованием Якова Рыбкина и Спивака обойти ванягинцев с тыла, сам с основными силами наступал в лобовой атаке. Каратели ушли на Белогородку Кокчетавского уезда, где, по словам Якова Кирилловича Рыбкина «мы одержали победу, которую в те годы, да еще в условиях партизанской войны, можно считать крупной. Взяли Белогородку, захватив тачанки с пулеметами. Был убит Ванягин* - одним палачом стало меньше на нашей родной земле». Один из колчаковских отрядов оставил свой след в станице Звериноголовской Оренбургского казачьего войска (в 60 верстах западнее Пресногорьковской) – там стоит обелиск с фамилиями 25-ти расстрелянных... Молоху гражданской войны приносились все новые жертвы.

Даже после подавления восстания в этом районе приходилось держать значительные силы. Ванягин в мае телеграфировал, что «присутствие карательного отряда необходимо, чтобы восстановить твердую власть правительства».

В начале мая во Всесвятское вошли бойцы красного партизана Жилиева, расстрелявшие на берегу озера Сарыколь тех, кто назвал белым недовольных. 11 мая латышский отряд капитана Бресмана, подождав когда жилиевцы покинули Всесвятское, ограбил жителей в очередной раз, не пощадив даже церковь.

Ковалевцы появлялись то у Звериноголовки, то в Новопокровке, Федоровке, Аксеновке, Крутоярке. Партизаны нападали

на колчаковцев, совершали набеги на небольшие гарнизоны. Основной задачей было не удержание освобожденного села, а уничтожение живой силы противника, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Большую помощь в этом оказали захваченные в Белогородке тачанки с пулеметами. Вообще, ландшафт нашей местности удобен для ведения партизанской войны. Ковалев искусно использовал при движении отряда дефиле озер, огромные гривы, распадки, лога, березовые колки, которые в изобилии встречаются в нашей местности, особенно в непосредственной близости от реки Ишим. Кроме ковалевцев в указанных районах действовали несколько подобных отрядов (под командованием Мочалкина, Скрипкина).

Вспоминает партизан Яков Рыбкин: «В конце июля Ковалев отправил меня на реку Убаган искать месторасположение белогвардейцев. Впятером проскакали около 30 верст и внезапно обнаружили у себя в тылу отряд белых. У аула Карагай встретили бойцов отряда Алексея Мочалкина и присоединились к ним. Через несколько дней мы приняли участие во взятии села Сундуки (ныне Свердловка). Бой был кровопролитный, мы забрали много оружия и боеприпасов».

Летом 1919 года события на Восточном фронте складывались не в пользу Сибирской армии. Взяв Челябинск, дивизии 5-ой армии под командованием М.Н.Тухачевского в августе вышли на водный рубеж реки Тобол от Звериноголовской до Кургана. 13-го августа сводный кавалерийский отряд Н.Д. Томина взял Курган. Севернее расположилась 3-я армия под командованием В.К.Блюхера. Колчаковское командование планировало, прикрываясь водной преградой - рекой Тобол, провести перегруппировку войск и перейти в контрнаступление с целью оказания помощи А.И.Деникину.

После поражения под Челябинском в Сибири шла поголовная мобилизация в колчаковскую армию под угрозой расстрела. Часть мобилизованных отправляли сразу в воинские части, расположенные на территории Зауралья. Вовсю свирепствовал тиф, станции были переполнены поездами с больными, огромное трехэтажное здание госпиталя в Кургане было забито больными

и умирающими. Их ложили во дворе под навесом и практически не лечили.

На этом направлении командарм - 5 Михаил Тухачевский имел 35 тыс.штыков, 2,5 тыс.сабель. Этим силам противостояла 3-я армия генерала Константина Сахарова, в составе которой воевал Сибирский казачий корпус, сформированный из 7-15 полков Горькой линии. К.В.Сахаров писал: «Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и, вышли от вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевезти их эшелонами за 250 верст в тыл, в район г.Петропавловска».

На первом этапе Петропавловской операции старый казачий тракт Звериноголовская-Пресногорьковская-Петропавловск, по версии В.А.Шулдякова, прикрывал отходящий из района Звериноголовской Сводный казачий отряд, под командованием полковника В.М.Панова. Пять сотен, находившиеся в станице Сибирской, выполняли приказ Войскового штаба о защите территории войска вошли в состав Сводного отряда (1 сотня 7-го полка третьей казачьей дивизии, 1-я сотня 10-го полка, 1-я и 2-я сотни 13-го полка, 1-я сотня Сибирского казачьего отдельного дивизиона) и были сведены в дивизион подьесаула Иванова (450 шашек). Панову приказали «боем задерживать противника». 20 августа Сводный отряд был преобразован в Партизанскую группу, командовал которой казак поселка Магнитного 2-го отдела Оренбургского казачьего войска, генерал-майор Лев Николаевич Доможиров. Начальником штаба был капитан Загребин. В группе было всего 1024 шашки, 1374 штыка. «Казачи-пластуны, пожилые люди, в уже изорванной домашней одежде и обуви, были утомлены физически, плохо организованны и неустойчивы в боевом отношении» (В.А.Шулдяков). Пулеметов и пушек в заслоне не было.

Впоследствии, в сентябре, из 9-ти сотен Отдельной Сибирской казачьей бригады лишь Пресновская сотня участвовала в наступлении и, после отхода красных за Тобол, была переведена в Пресновскую для пополнения личного состава и боевой учебы.

По мнению О.А.Винокурова, сибирских казаков в Сводном казачьем отряде в начальный период наступления 5-й армии не было вообще. Обосновывает он эту версию тем, что приказ по СКВ о создании подразделений из сибирских казаков №560 от 23 августа запоздал, так как район рассредоточения сотен был к этому времени прочно занят красными. Второй весомый аргумент – сибирские казаки в этот период не упоминаются в донесениях ни красных, ни белых, лишь под Новорыбинкой в плен к красным попал казак Пресногорьковской станицы Кусков. Сводный казачий отряд, по Винокурову, состоял из казаков Оренбургского казачьего войска (список приведен в конце главы). План колчаковского командования состоял в том, чтобы связать встречными боями дивизии 5-й армии по Транссибирской магистрали, а в это время нанести удар южнее железной дороги по Казачьему тракту на Звериноголовскую. Для этого предполагалось использовать пехоту Уральской группы генерала В.Д.Косьмина и конницу генерала Л.Н.Доможирова. Силы вновь сформированного Сибирского казачьего корпуса должны были совершить рейд от реки Ишим на северо-запад и взять Курган. Исполнению плана сильно помешали действия Особой кавбригады красного оренбургского казака И.Д.Каширина, который 23-го августа внезапным налетом захватил станцию Лебяжье на Транссибе. Каширинцы таким образом вклинились между 3-й и 2-й колчаковскими армиями и нарушили связь между их частями.

Войсковой старшина Г.Е.Енборисов побывал в станицах Пресногорьковской линии в начале августа 1919 года. Вспоминая об этом времени, он писал: «Когда я ехал по станицам сибирских казаков, я везде старался выступать на сходах, уговаривая не сдаваться большевикам, ссылаясь на чинимые ими беззакония и расстрелы жителей, вроде Ивана Каширина над куропаткинскими казаками, коих он пристрелил 11 человек своими руками. Не могу похвалиться тем, что сибиряки везде соглашались со мной, говоря «пускай, кто как хочет, а мы посмотрим сами». Сабит Муканов, ехавший летом 1919 года по линии в Петропавловск, вспоминал: «Хозяева домов, где мы останавливались на ночевку, были настроены против большевиков. Но, несмотря на

воинственные их выкрики «мы красных побьем!», в глазах и жестах сквозили тревога и страх. «Если придут красные, удерем в Китай!»- говорили многие, а у некоторых на этот случай уже были связаны узлы и приготовлены сундуки». В Пресновской богатый казак, имевший двухэтажный дом, Опанас Боярский, был уверен в победе белых – «нам помогают Анганта, Америка. А у них хватит и ружей, и пушек, и патронов, и снарядов...». По воспоминаниям жительницы пос.Зубаревка (Звериноголовский район) Коляды «в деревне часто появлялись то белые, то красные, но сами маскировались, и спрашивали у народа: «Вы за кого, за белых или красных?», а люди боялись истязаний и отвечали: «За кого Бог, за того и мы».

В своем дневнике барон Будберг 6-го сентября записал: «В некоторых станицах идут секретные совещания о том, что не следовало отпускать строевых казаков на службу, так как все равно красные придут, а тогда будет трудно с ними сговориться: не думаю, что это измышлено, так как очень подходит к казачьей психологии и специально сибирской расчетливости, чуждой идейного сентиментализма».

20 августа 1919 года началось движение 26-ой стрелковой дивизии (начдив. С.М.Белицкий) на восток от реки Тобол по тракту Звериноголовская-Петропавловск. Тракт представлял собой насыпную почтовую дорогу с верстовыми столбами и широкую (до 100м) скотопрогонную полосу рядом. Тракт петлял между множеством пресных и горьких озер до уездного города Петропавловска на протяжении около 300 верст. Вдоль дороги – большое количество березовых колков на холмистой местности. На торговом тракте по пути на уездный Петропавловск особое стратегическое значение имели населенные пункты Звериноголовское, Пресногорьковская, Пресноредут, Кабанья, Екатериновка, Пресновская, Сенжарка.

Олег Винокуров, составивший хронологию событий Петропавловской операции, которой в дальнейшем буду придерживаться, как наиболее основательной, так описывает начало движения красных полков на восток, по землям сибирских казаков: « Впереди на коне, в окружении ординарцев ехал командир 227-го полка Бойко. По старинному казачьему тракту, ощетинив-

пись штыками, шагали колонны бойцов. Слышались короткие команды, скрежетало оружие, звякали котелки. За колонной легко катились два трехдюймовых орудия. Пройдя пять верст, шедший в авангарде батальон заметил в степи всадников. Это был казачий разъезд. Кружа в отдалении, казаки дали нестройный залп. Изредка отвечая, колонна двигалась вперед. Несмотря на ожидания, серьезного сопротивления не было». Генерал Л.Н.Доможиров отвел сводный казачий отряд от Алабуги к лесам под Богоявленку. Красноармейцы заняли Сибирку и Песчанку поздней ночью.

Отдохнуть в Песчанке бойцам полка не пришлось – с рассветом они выступили по тракту на Богоявленку и на перешейке между озерами Большим и Здорным наткнулись на плотный пулеметный огонь казаков 2-го Оренбургского казачьего полка. Красноармейские цепи с ходу атаковали окопы и вошли в Богоявленку. Попытки доможировцев отбить позиции успехом не увенчались – березовые колки помогли им отойти на Крутоярку под сильнейшим натиском красных. В Богоявленке сдался в плен песчановский казак Петр Таранов, отпущенный в отпуск из 10-го Сибирского казачьего полка.

На северной окраине Крутоярки красных встретили плотным ружейно - пулеметным огнем казаки-пластуны, при поддержке одного орудия. Пластуны были уже немолоды, устали, и их штыковая атака не удалась. В этот момент от опушки леса на Владимирский полк понеслась казачья лава и, сея панику, опрокинула левый фланг наступающих. Положение спас красноармеец Виктор Буткевич. В отличие от запаниковавших товарищей, он не оставил свой «Максим», расстреливая почти в упор летящую навстречу смерти конницу. Казачья лава отхлынула назад, к лесу. Красные командиры спешно прикрыли фланги и с успехом отразили несколько опасных атак, используя огонь двух трехдюймовок. После выхода из строя единственной пушки белых, красные подняли цепи в атаку и ворвались в Крутоярскую. Преследование было столь плотным, что прямо на улице, на повозке с пулеметом системы «кольт», был взят в плен казак 2-го Оренбургского полка. Кроме того, были захвачены восемь гранат, по четыре ящика патронов и картечи. Полк потерял убиты-

ми 15 человек, похоронены они возле деревянной школы в братской могиле. В Богоявленке и Крутоярке местного населения не оказалось – попрятались в окрестных лесах.

В этот день, значительно восточнее, Маловишерский полк занял казачий поселок Починный, где был пленен казак Шеметов из сотни Отдельного дивизиона подъесаула Иванова.

К вечеру 21-го августа с северного направления от озера Песчаниково к Пресногорьковской подошел 232-й стрелковый полк под командованием смоленского рабочего-текстильщика Арсения Николаевича Баткунова. Он насчитывал 1345 солдат и командиров, имел 17 пулеметов. Штаб Сводного казачьего отряда, охраняемый сотней казаков и обоз оренбуржцев, застигнутые врасплох, отошли на Камышловку и деревню Пилкино. Красные вошли в Пресногорьковскую, захватив склад с сапогами. Не останавливаясь на отдых, передовые отряды полка выдвинулись за лес Маяк, развивая наступление на казачий поселок Камышловку.

Казаки 2-й Оренбургской бригады генерала Л.Н.Доможирова оказались между двумя красными частями - Новгородским полком, сменившим Владимирский полк у Крутоярки после ее взятия, и бойцами Баткунова в Пресногорьковской. Казаки сводного отряда и оренбуржцы, всего 650 пеших, 3 сотни конных при одном оружии, попали под огонь красных на западной окраине Пресногорьковской у Татарского леса и, под укрытием темноты и начавшегося дождя, ушли на поселок Пилкино и далее на Марьевку.

Почти в полной темноте, под дождем, передовые цепи новгородцев обошли Татарский лес с севера. Дождь закончился, посветлело, и бойцы, окопавшиеся у станицы, увидели пехотные цепи, по которым открыли ружейно-пулеметный огонь. Вскоре с обеих сторон в бой вступила артиллерия, стреляя на вспышки выстрелов. Комполка Никольский решил ударить по станице с опушки леса Салотопника по кладбищу, где проходила линия обороны. Спустившись в «Пьяный лог», новгородцы внезапно вышли из него у самого кладбища, и пошли в рукопашную. Лишь в разгар боя бойцы поняли, что совершили непоправимую

ошибку. Погибли 17 человек, ранены были 65 красноармейцев. Похоронены убитые, предположительно, на местном кладбище.

Воспоминания о бое были живы в памяти старожилов даже в середине 80-х годов, они говорили о кровопролитном бое между двумя красными частями.

После боя у Пресногорьковской сводный отряд Доможирова ушел на Исаевку, Кабанью и Усердное, а его штаб расположился в Екатериновке. У генерала не было никакой связи с соседними частями армии Сахарова, действовавших на территории Курганской области.

Перед красными полками стояла сложная задача - выйти к 25 августа на линию: казачий поселок Екатериновка – Лопатки и взять Пресновскую. Для прикрытия движущихся севернее тракта частей, 1-й бригаде Турегулова была поставлена задача растянуться вдоль тракта от Пресногорьковской на восток. Удар мог быть нанесен в тыл правому флангу дивизии с южного направления. Сюда же ожидался подход 2-й бригады 35-й стрелковой дивизии из Кустаная и 3-й отдельной кавалерийской бригады из Троицка. Пресногорьковская стала в этот период важным стратегическим пунктом – по ее улицам с утра до вечера 23 августа двигались полки пехоты и конницы. «Станица то пустела, то закипала пехотой, запруживалась повозками, зарядными ящиками и пулеметными тройками» (Винокуров О.А.). Один за другим менялись проходившие полки – Сводный, Старорусский, Петроградский, Владимирский, Карельский.

Ранним утром 22 августа на восток двинулся 232-й полк под командованием Баткунова*. К вечеру его разведка вошла в Пресноредутский, а из Пресногорьковской на юг выступил батальон 2-й бригады Васильева и около часа ночи вошел без боя в поселок Пилкино. Так был создан заслон бригады с правого фланга наступающих. На другой день, к 11 часам утра, красноармейцы батальона уже шагали по улицам крупного украинского села Макарьевки, в 30 км восточнее Пилкино. Две сотни 2-й Оренбургской бригады без боя отошли к Исаевке (ныне Чапаевка). Старорусцы заняли поселок к 15 часам, заставив казаков уйти на Екатериновку. Основные силы бригады (229-й Новгородский полк, 232-й им.Облискомзапа, 231-й сводный и баталь-

он 230-го Старорусского) натолкнулись на сопротивление оренбургских казаков у поселка Кабаний. Не имевшие артиллерийской поддержки казаки, вынуждены были отойти. Доможиров выдвинул на помощь бригаде, в которой были ранены два командира сотни, пластунские батальоны от поселка Усердный. В это время на Екатериновку со стороны Макарьевки наступали красные. Отсутствие артиллерии делало невозможной оборону для пластунских батальонов, и белые оказались отброшенными к Островке.

Вечером 24-го августа командир бригады Торегулов получил приказ выдвинуться из Пресногорьковской и быстрым маршем уйти в район деревень Яровое, Батырево, Носково и Казенная. По всем дворам станицы были спешно мобилизованы подводы и 25-го августа полки Торегулова выступили в поход. Под Пресноредутью разведкой был захвачен гурт скота в 2000 голов. В самом поселке комиссар 26-й дивизии провел смотр полков. В Пресногорьковской оставался штаб комбрига Васильева - на этот момент лишь его бригада оставалась на тракте, все остальные соединения ушли на север. Так, 24 августа, стоявшие в Кабаньем смоленцы, выдвинулись на деревню Привольное Курганского уезда.

К 8 часам утра 231-й сводный полк занял Усердное, взяв в плен казака из пластунской сотни. К вечеру, тесня казачью кавалерию, красные заняли Казанку. Оренбургские пластуны отошли с единственным неисправным орудием к Лопушкам и окопались на западной окраине поселка. С севера им на помощь подошла конница 34-го Оренбургского казачьего полка. Как пишет Винокуров: «ряды его сотен обильно белели седыми бородами, сивыми усами, да белыми чубами. В строю были давно отслужившие свой срок казаки, младшим из которых было за 40 лет».

Утром этого же дня из Кабаньей на Екатериновскую двинулись пешие колонны Новгородского полка, имевшего артиллерийскую батарею из двух орудий. В 11 часов утра после короткого боя полк взял Екатериновскую, пленив трех солдат из обоза. Лес за поселком полк прошел с ходу и вышел на широкую равнину с большим озером и поселком Островкой на берегу. С окраины началась стрельба, трое красноармейцев были ранены.

Артиллерийские залпы вновь решили исход боя в пользу атакующей пехоты. К вечеру Островка была оставлена белыми.

Следующей на тракте была крупная казачья станица Пресновская, в которую отошли на ночлег 2-я Оренбургская казачья бригада и пластуны-оренбуржцы. Генерал Лев Доможиров со штабом остановился в казачьем поселке Новорыбинском. Южнее батальон Старорусского полка совершил переход от Макарьевки и с боем взял село Святодуховку, оттеснив две сотни казаков к Новотроицкому.

На следующий день части 5-й армии получили директиву командарма М.Н.Тухачевского. О.А.Винокуров считает, что ее выполнение привело в ближайшем будущем к трагическим последствиям для всей наступающей армии. 26-я дивизия к 1 сентября должна была выйти на линию от станицы Становой до села Беловское, оставив резерв в тылу, в районе Пресновской. Начдив – 35 Верман отдал приказ 2-й бригаде уйти из Кустаная и расположиться в районе Звериноголовской, казачьего поселка Песчаного и озера Тюрюкуль, выставив постоянное наблюдение к озеру Канды-койа и поселку Воскресенскому. Таким образом, части 2-й бригады, по плану командования, должны были охранять правый фланг армии. Ошибка красных состояла в том, что боеспособные части остались в глубоком тылу и своевременно не были подтянуты к линии фронта. Эти действия выглядят тем более странно, что еще в первые дни наступления было известно из показаний пленных, что в районе Ишима идет формирование крупной ударной группировки. Даже тот факт, что во взятых станицах не было казаков - мужчины говорил о многом. Между тем, на Казачьем тракте к 30 августа оставались лишь три пехотных полка 2-й бригады, которые не имели конницы. Кавалерия была переброшена в Курган для формирования там конной дивизии.

Правый фланг армии был лишен прикрытия. Вместо небольшого по численности батальона Старорусского полка, осуществляющего охранение южнее тракта, «скуда следовало направить все три полка 35-й дивизии и имевшуюся конницу. Передвигаясь по линии лежащих южнее тракта переселенческих сел, они могли бы вести разведку уходящих на юго-восток степных дорог

и надежно обеспечить это направление. Именно этот крупный просчет будущего маршала Тухачевского, а не мифические промахи комфронта Ольдерогге и предопределили будущий разгром правого фланга. Прозрачность фронта доходила до того, что когда части 26-й дивизии уже вышли к станице Пресновке, в их глубоком тылу, в селе Анновка, отряд оренбургских казаков и местной милиции, еще проводил мобилизацию местного населения. Об этом, в стоявший в Пресногорьковке штаб 1-й бригады 26-й дивизии, сообщил прискакавший 26 августа староста из села Пилкино. Он просил срочно выслать отряд для защиты крестьян. К сожалению, помочь ему было нечем. Накануне все полки бригады ушли из станицы на север». (О.А.В).

Утром 26 августа красные открыли огонь из шести орудий по окраинам станицы Пресновской. Было выпущено более 80 снарядов, три из которых взорвались в самой станице – у церкви и пожарной вышки. Обороны станицы не было – красные взяли ее без боя. Было пленено 18 белогвардейцев и несколько дезертиров, скрывавшихся от мобилизации в окрестных лесах. После падения станицы был избран Совет - его возглавили казаки Е.Няшин и Ф.Каргаполов. Староруссы продолжали наступать южнее старого тракта и к вечеру взяли поселок Петровку и село Рождественское.

В районе Пресновской действовал партизанский отряд Лидберга, в состав которого входило более 500 крестьян окрестных сел и хуторов. В последних числах августа отряд в сопровождении огромного обоза из тысячи голов овец и большого количества телег с бабами и детьми ночевал в Пресновской. Крестьяне обнаружили в станице казака И.Г.Минкина, который был известен своими карательными акциями. Его немедленно арестовали и расстреляли в пяти верстах от Новорыбинки утром 1 сентября (см: 1919 год на Горькой линии).

26-го августа 2-я Оренбургская казачья бригада прикрывала тракт в шести километрах восточнее Пресновской. Севернее, у казачьего поселка Железное обороняли дорогу из Пресновки ветераны 34-го Оренбургского казачьего полка. Оренбургские пластунские батальоны держали оборону у казачьего поселка Лапушки. У деревни Моховик стоял оренбургский казачий ди-

визион подьесаула Иванова. Штаб отряда и 2-й пластунский батальон находился на тракте, в Сенжарке.

Вечером во время разведки красным сдались солдаты Иван Падалко и Савелий Иващенко. Они несли секретный пакет в штаб Южной армии в г.Орск. Эскадрон Петроградского полка вошел в село Архангельское, где председатель Благовеценского совета Коваленко передал красноармейцам шестерых казаков из поселка Песчанка, разоруженных местными крестьянами.

В течение следующего дня красные части стремительно развивали успех, используя преимущество в артиллерии. Были взяты казачьи поселки Новорыбинка, Миролубово, Кладбинка, Лапушки, Богатое и село Малопривотное. В Новорыбинке был взят в плен казак из 1-го Сибирского полка Кусков.

К началу сентября красные захватили уже 23 станицы и поселка Пресногорьковской линии, в том числе Пресногорьковку, Казанку, Пресноредут, хутор Троебратский. Станичная самоохрانا и часть мирного населения отступили вместе со Сводным казачьим отрядом. Советский историк Спирын пишет об этом периоде: «В первые дни наступление развивалось успешно, но уже в начале второй недели сопротивление противника стало возрастать. Темп продвижения Красной армии замедлился. Несмотря на это, к концу августа полки 5-й армии местами продвинулись до 180 км от Тобола. 2-го сентября противник нанес ряд контрударов. Инициатива временно перешла к белогвардейцам».

Генерал П.П.Петров вспоминает : «В белом лагере в последних числах августа лихорадочно велась подготовка к будущему наступлению, от которого ожидали многого – главное, захвата инициативы надолго. Части армии пополнялись, тренировались, приводились в порядок, вооружались, снабжались и отдыхали. Южнее 3-й армии должна была собраться Степная группа с казачьим корпусом генерала Иванова - Ринова, на казачьей массе, направленной вовремя для действий в тылу противника, строились расчеты разгрома. Одно было плохо: возглавление».

28-го августа наступающим красным частям пришлось столкнуться с одной из сильнейших формирований колчаковской армии – Ижевской дивизией, состоящей из рабочих. Ко-

мандовал синепогонниками 33-летний генерал Викторин Михайлович Молчанов. Ижевцы, шедшие от станции Макушино на Малоприютное, не знали о том, что район занят 2-й бригадой 26-й дивизии. Утром староруссы взяли с боем Сенжарку, не зная о движении ижевцев к Малоприютному. Двигаясь совместно с Новгородским полком от поселка Богатое, староруссы вступили в бой и начисто проиграли его. После панического отхода, множество раненых красноармейцев были брошены на поле боя. Ижевцы развили успех и вошли в Кладбинку, совершенно неожиданно для тыловых частей 2-й бригады. Часть красноармейцев кавалерийского эскадрона были изрублены на улицах станции (Киселев, Михайлов, Акатьев, Завражин), но остальным удалось вырваться из поселка. Генерал Молчанов совершил маневр, который позволил дивизии выйти из окружения к поселку Дубровное и закрепиться там. Появление на этом участке Ижевской дивизии прервало победное шествие красных полков на Петропавловск.

Командир 1-го Ижевского полка капитан Михайлов вспоминает о бое на рассвете 29-го августа у станции Дубровной:

«Утром рано, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком «ура» бросились в штыки. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забыли про винтовки. Катались в обнимку на земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-ой роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и зажал под мышки. Он отличался большой физической силой и красные, как не старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусили щеки, одно ухо было почти отгрызено, другое сильно искусано. Фельдфебель закричал о помощи. Подоспели двое наших и красных закололи...». Красный комдив Эйхе пишет об этих боях: «Штаб 2-ой бригады располагался в казачьем поселке Богатый. Под утро 4-го сентября поселок подвергся внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены. Сотрудники штаба во главе с командиром бригады, уже под огнем белых, проскочили по единственной свобод-

ной дороге в сторону фронта на деревню Прикутово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и прочим снаряжением остался в руках белых. Разгром ими штаббрига 2-й завершился тем, что полки бригады, оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавшие, прорвались в район Степной. Это был первый крупный успех белых». По воспоминаниям ижевца Ефимова, паника была так сильна, что «один красный герой, побоявшись плена, сорвал с себя орден Красного Знамени. Его случайно нашли возле дороги и доставили генералу Молчанову. Мы видели его в первый раз. Красотой он не отличался – золотая бляха с красным ромбом. Сделан плохо – видимо, продукция еще не налажена».

За бой 1-го сентября под Дубровным комфронта генерал Дитерихс наградил Георгиевскими крестами в каждой роте по пять человек. Три братские могилы появились у поселка. В 230-м красном полку был выбит весь личный состав, а цифра потерь во 2-й бригаде 26-й дивизии колеблется от 131 до 250 человек. За день к красным у Сенжарки перешли 13 казаков из 5-го Сибирского казачьего полка, 18 солдат давно оставили свои части, и 8 казаков, только что мобилизованных из окрестных станиц и скрывшихся по дороге на службу. По сведениям штаба 3-й армии потери Ижевской дивизии по 2 сентября составили: убитыми – 12 казаков, ранеными - 1 офицер, 36 казаков, больными – 1 офицер и 13 казаков, пропавшими без вести – 36 казаков. На кладбищах Кладбинки и Сенжарки похоронены погибшие в бою казаки 4-го Оренбургского казачьего полка девятнадцатилетний Григорий Пятков, уроженец Троицкого уезда Александр Еремьев, уроженец поселка Ключевской Георгий Попов.

Разгромленная правофланговая 2-я бригада 26-ой стрелковой дивизии уже не представляла серьезной боевой силы и, под ударами обошедшей ее позиции группы Косьмина, 3 сентября пятилась на запад. Красные были отброшены от линии Матасы – станция Становая на сто верст по тракту.

Севернее, 1-го сентября, Уфимская группа генерала Войцеховского встретила стойкое сопротивление красноармейцев 27-й дивизии. Бои продолжались несколько дней.

Об этих боях командарм –3 К.В.Сахаров написал позже в Берлине: «3 сентября красные кинулись назад, чтобы не попасть в окружение. Два дня шли тяжелые бои. Здесь были лучшие коммунистические дивизии: 26-я и 27-я, ...эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 года очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в императорской армии награждались Георгиевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, в разные стороны, проявляя высокий дух и доблесть, и частью прорывались почти из полностью замкнутого кольца».

Командование белых возлагало на третью армию задачу нанесения главного удара на запад, по тракту Петропавловск – Троицк. Волжская группа генерала В.О.Каппеля и арьергард Уфимской (генерал Войцеховский) должны были сдерживать напор красных 27-й и 26-й дивизий севернее и южнее Сибирской железнодорожной магистрали, прикрывая Петропавловск с северо-запада.

В начале сентября белое командование сосредоточило южнее Петропавловска крупную группировку. Основу ее составляли части Уральской группы под командованием генерал – майора В.Д. Косьмина, две дивизии которой были скрытно переброшены вверх по Ишиму на крайний левый фланг армии. Группа должна была обойти лесостепью правый фланг наступающей 5-й красной армии и выйти в ее тыл в районе станции Макушино. Навстречу ей, обходя фланг противника с севера, должны были двигаться части Уфимской группы. Действуя совместно, белые рассчитывали окружить армию Тухачевского. Штаб Косьмина располагался в Новоявленном. Южнее сосредоточились части бывшего Сводного казачьего отряда Доможирова, именовавшегося теперь Партизанской группой. В группу вошла батарея из четырех трехдюймовых орудий. Перед ней стояла задача - выйти на Петропавловский тракт и наступать знакомым путем вдоль линии казачьих станиц на запад. Южнее, вдоль линии переселенческих сел, предполагалось наступление Степной группы под командованием генерал-майора Д.А.Лебедева. Севернее уральцев, в полосе от железной дороги до Петропавловского тракта, были сосредоточены части Волжской группы под командовани-

ем генерала В.О.Каппеля. Его штаб расположился 30-го августа в станице Становой. У степного села Новомихайловка сосредоточилась Волжская кавалерийская бригада под командованием полковника К.П.Нечаева.

Основной удар должен был быть нанесен силами Сибирского казачьего корпуса под командованием генерал Иванова-Ринова. На него белые возлагали особые надежды. Конные дивизии корпуса должны были опрокинуть красные полки и неожиданно для противника совершить рейд, конечной целью которого было взятие Кургана.

Лишь 1-го сентября командование 5-й армии решило перебросить находящиеся в тылу полки 35-й дивизии. Стоявший под Кустанаем 309-й полк перебрасывался на станцию Петухово к 8 сентября и, оттуда ему надлежало следовать в район Дубровного и Становой. По тракту, двигаясь походным порядком, туда должен был подойти 307-й полк. Остальные части должны были быть оставлены в районе Звериноголовской (310, 312 полки, 1 кавдивизион) и переданы в Троицкий укрепрайон (308-й и 311 полки с легкой батареей). Винокуров восклицает: «Этим приказом дивизия оказывалось разорванной на целых три части! Несмотря на то, что в двух-трех переходах в тылу, у станицы Звериноголовской, стояла без дела целая стрелковая бригада, Михаил Николаевич решил укрепить фронт частями, прибытие которых было возможно лишь через неделю. И это в то время, когда был дорог каждый день, когда фронт трещал по швам и обескровленные боями бригады буквально взывали о помощи».

К моменту поступления приказа о переброске 35-й дивизии полки были разбросаны на значительном расстоянии. Пять рот из состава 312-го полка стояли в казачьем поселке Отряд-Алабуга, одна рота в деревне Воскресенское и еще три роты находились в станице Звериноголовской. Пять рот 310-го полка со 2-й легкой батареей двигались из казачьего поселка Песчанка в село Федоровское, где, по словам местных жителей, якобы появились казаки. Не обнаружив белых, отряд вернулся в Пресногорьковскую. Остальные подразделения двигались походным порядком из Усть-Уйской в станицу Звериноголовскую возле озера Лоба... Дожидавшиеся переброски части 5-й дивизии

«чтобы не тратить напрасно время, были брошены на уборку урожая. Ехать от такого урожая с пустыми обозами в центральные районы России, где каждый пуд зерна на строгом учете, нерасчетливо. Поэтому красноармейцы во главе с командирами, вышли на поля и в охотку, с азартом, принялись за дело... горы зерна росли и росли на гумнах. Мы запасали хлеб не только для своих полков, но и для других частей красной армии» (В.И.Чуйков). Вечером 3 сентября комдив Карпов отдал приказ – частям дивизии подойти 5 сентября к поселку Кабаний. Для установления связи с 2-й бригадой 35-й дивизии выдвинуть конную разведку в 30 сабель. К вечеру, 6 сентября, все полки должны были сосредоточиться в районе поселка Богдановский и казачьего поселка Островка.

Обеспокоенные переброской красных частей в район боевых действий, белые предприняли решительные действия для окружения наступавших частей. «Движение их было очень быстрое, надвигалась на нас опасность не только потерять все результаты первого успеха, но снова попасть в прежнее положение обороны, прикрытия своего тыла и вечной опасности» (К.Сахаров). Командарм-3 принял решение развернуть Уральскую группу генерала Косьмина и нанести удар во фланг четырем бригадам, усилив группу Ижевской стрелковой дивизией.

Пока части ударной группы двигались форсированным маршем в назначенные для них районы, главной задачей для 26-й дивизии стало удержание своих позиций.

В течение всего 3-го сентября в районе станиц Богатое, Сенжарка, Миролобово, поселка Малопривютное красные и белые полки вели тяжелейшие бои, проходящие с переменным успехом. В боях принимает участие пехота, конница, артиллерия, в том числе и тяжелая. В Дубровном красноармейцы 230-го Старорусского полка устроили погром. Было разграблено много домов, растащены вещи. Трое стариков, которые пытались защитить свои вещи, были расстреляны. Уходя, красноармейцы увели с собой в Сенжарку особо приглянувшихся им женщин-казачек.

В результате действий белых соединений, красная ударная группа была окружена к 8 сентября в районе Пресновской и Островки.

Попытаемся в общих чертах воссоздать действия Сибирского казачьего корпуса в начале сентября, предшествовавшие бою в Пресновской и под Островкой.

7-го сентября корпус располагался южнее Петропавловска в районе ишимских станиц Боголюбовской, Новоникольской и села Явленного. На следующий день конные сотни корпуса выдвинулись к поселку Кладбинский на тракте Звериноголовская-Петропавловск. Моросил осенний дождь, дорога превратилась в болото. «Настроение хмурое, не слышно песни...Порядок движения в колонне поддерживается образцовый». Основные силы корпуса ночевали в Новорыбинской (127 верст западнее Петропавловска). Здесь, в ночь на 9 сентября, произошла первая стычка с красными. Г.К.Гинс пишет: «Иванов-Ринов ночевал со штабом в одной деревне, как вдруг туда подошла красная часть. Обе стороны были удивлены и напуганы. Казаки отступили, красные боялись преследовать, не понимая, что происходит. Днем 9 сентября Иванов приказал атаковать». Скорее всего, один из передовых полков (310-й?) 35-й стрелковой дивизии наткнулся на авангард Сибирского казачьего корпуса между Пресновской и Новорыбинской. «9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласованный удар: с севера уральцами, с юга – сибирскими казаками. Большевики, не ожидавшие этого удара, побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы...» (К.В.Сахаров). В этом районе командир 5-й красной дивизии В.Ф.Карпов усилил группировку красных так, что 9 сентября у Пресновской и Островской (в 12 км) оказалась половина всей ударной группы: бригада 5-й дивизии и 2-я бригада 35-й дивизии. Иванов-Ринов бросил на Пресновскую 5-ю Сибирскую казачью дивизию, а сам с основными силами корпуса обошел станицу с юга и перерезал тракт западнее - у Островного. Сюда же должна была подойти с севера Уральская группа генерала Косьмина. Войсковой атаман имел в 3-й и 4-й дивизиях и атаманской сотне более четырех тысяч сабель и около 50 пулеметов.

Станица Пресновская окружена озерами – Питным и Мочище. Красноармейцы укрепили окраины станицы, выкопав три линии окопов с протянутой колючей проволокой. Подступы к

станции простреливались от крайних домов. К 9 сентября станция была окружена казаками со всех сторон. В начале конной атаки по позициям 310-го полка ударила артиллерия. С северо-востока на станцию пошла пехота Кустанайского и Троицкого полков. За ними разворачивалась казачья лава. От Новомихайловки блестя шашками, помчались на укрепления красных 13-й и 14-й Сибирские казачьи полки. Вятские крестьяне 310-го полка впервые столкнулись в открытом бою с казачьей конницей, запаниковали, бросили позиции и побежали в станцию. Командир полка, бывший штабс-капитан Николай Васильевич Рякин, вместе с командиром батареи Романом пытались остановить атакующих залпами из орудий. Но конница уже неслась по улицам, рубя всех попадавших на пути. Красноармеец В.С.Рыжиков, будущий генерал, вспоминал как «казаки с обнаженными шашками и солдаты со штыками наперевес гонялись за убегающими или в паническом страхе ищущими убежища красноармейцами». Везде валялись бесформенные, изрубленные казаками трупы. Казаки поймали комиссара 310-го полка, бывшего прапорщика Кирилла Осиповича Раевского, который всеми силами пытался приостановить панику, сорвали с него верхнюю одежду, били нагайками, обрезали уши и нос и живым зарыли в землю (см: 1919 год на Горькой линии). Пленный комиссар Ржавин, выданный одним из красноармейцев, был расстрелян на глазах у пленных и изрублен шашками. Небольшие группы красноармейцев пытались организовать сопротивление на улицах, но эти очаги быстро уничтожались. Был зарублен Мочалкин, помощник командира полка, погибли в схватке командир 4-й роты Черников и командир 312-го полка Трехсвятский. Из 120 членов партии и сочувствующих осталось 40-50 человек. Обозные упряжки в дикой панике металась по Пресновской, лишь малой их части удалось вырваться из станции. Так А.А.Попов вывез на пяти повозках 53000 патронов, которые очень пригодились бойцам при дальнейшем отходе. Батарея Французова, стоявшая в северо-западной части Пресновской, успела сняться с позиции, но все четыре орудия были захвачены уральцами уже без замков, выброшенных в озеро. Артиллеристы, спасаясь, побежали по дороге в Островку.

О гибели 2-й легкой батареи пишет О.Винокуров: «Командовавший батареей Самуил Роман, уроженец Псковской губернии, Холмского уезда, села Алексеевского, приказал опустить стволы орудий на прямую наводку и открыть огонь картечью прямо вдоль улицы. Никто не отступал. Замоквые номера, работая как автоматы, открывали замки и выбрасывали стреляные гильзы. В некоторых из них еще догорал бездымный порох, а замок, уже принимал следующий снаряд. Однако вскоре, из всех переулков, перемахивая через плетни, на площадь вылились конные и пешие казаки. Они бросились рубить прислугу. Самуил Роман получил удар штыком в левый бок и упал. Он успел крикнуть «порти орудия!» и тут же был доколот на земле штыками. Впоследствии был награжден орденом Красного Знамени». Комполка Н.В.Рякин был взят в плен здесь же, получив удар прикладом по голове. Раздев до нижнего белья, казаки повели его на расстрел к Новомихайловскому кладбищу, но по дороге командира выручила группа бойцов, отбив у казаков. Рякин, до полусмерти избитый, в нижнем белье, вместе с комиссаром бригады Топыркиным и начальником штаба Датюком сумели остановить бегущих бойцов и повернуть их против уральцев. Разгорелся бой, исход которого решили появившиеся казаки. На окраине станицы комполка решил прорываться к лесу и собрал группу конных, числом около 120 (воспоминания очевидца Федора Церахто приведены ниже). Отряд получил приказ прикрыть левый фланг и ускакал. Остатки полка, отбиваясь от наседавшего противника, выходили из станицы в степь. Рякин командовал ими, пытаясь организовать отход остатков полка, прикрыть бегущих к лесу.

За озером Мочище комбат Преображенский с группой бойцов столкнулся с казаками. Рякин с отрядом пришел на помощь — открыв шквальный ружейно-пулеметный огонь, казаков отбили. Комполка решил пробиваться на запад на Усердный, и повел в штыковую атаку остатки своего полка. Надо было отчаянным рывком сбить казаков с опушки леса и скрыться в нем. Во время атаки ранили Преображенского, он руководил прорывом лежа на телеге. Не выдержав решительной атаки, казаки дрогнули, и красноармейцы ушли в лесные колки на Усердное, где оказался 307-й полк. Пообедав там, остатки полка ушли в Кабаний, где

находился штаб 2-й бригады во главе с комбригом Ямышевым. Из всего полка с Рякиным вышли 182 человека. Весь обоз, штаб полка, почта, 10 пулеметов, 754 бойца и командира были пленены или погибли. В 312 полку пропали без вести 229 человек. Целиком погибла 2-я легкая батарея, потерявшая 185 человек. Командир 2-й бригады 35-й дивизии, бывший полковник царской армии В.В.Котомин со штабом бригады сдался в плен.

Несколько десятков человек сумели вырваться к Островке. По данным белых, уральцы захватили четыре орудия, взяли знамя 310-го полка, документы штабов, отряд с санитарями и врачами, до 400 пленных. Несмотря на такой разгром Н.С.Датюк был награжден золотыми часами за то, что, собрав остатки полка, пробился на Кабаний. 80 командиров и комиссаров были отведены на окраину Новомихайловки, где вырыли себе могилу и, были расстреляны в присутствии жителей Пресновской (свидетелем казни был будущий писатель И.П.Шухов).

По свидетельству спасшихся большевиков, они такого боя, как под Пресновской, в ту войну еще не видели: «Снаряды рвались везде и всюду, жужжание пуль было вроде пролетевшего роя пчел, казаки везде и всюду появлялись группами с обнаженными шашками. Роты красных воинов бросались на казаков в яростные атаки и контратаки. Жертв была масса с обеих сторон...»

Операцию по захвату Пресновской проводил генерал П.Иванов-Ринов, наблюдали за боем из автомобиля лично адмирал А.В.Колчак, глава Британской военной миссии в Сибири адмирал А.Нокс, атаман А.И.Дутов.

8-го сентября 3-я бригада 5-й дивизии была окружена в станции Лапушной и деревне Моховинской частями 11-й Уральской стрелковой дивизии генерал-майора А.В.Круглевского и 4-й Сибирской казачьей дивизией полковника А.В.Катанаева. 45-й красный полк в Лапушной разгромили полностью. Его командир М.А.Матвеев был убит. Рассеянные остатки бригады прорвались на Усердную, а часть 43-го полка к Островской. 307-й резервный полк был блокирован в Екатерининской 3-й Сибирской казачьей дивизией генерал-майора А.И.Белова.

В ночь на 9-е сентября полки 5-й дивизии выступили из Пресновской на запад к Островке. Это была попытка вывести из кольца остатки полков. Вел их командир 43-го полка, будущий маршал, В.И.Чуйков, веривший в успех ночного марша. В Островке завязался бой. «После десятка выстрелов поселок запылал. Казаки под огнем картечи отошли, и наша пехота ворвалась в поселок. Центральная улица была завалена трупами людей и лошадей» (В.И.Чуйков). Бойцы заняли позиции между озерами Питное и Зорькое. К полудню из Пресновской прибежали обозники 310-го полка и рассказали о страшной трагедии, разыгравшейся там. Шанс выйти из окружения давал тракт на Екатерिनровку и Усердный. Чуйков предложил комбригу Строгонову прорываться ночью, но тот решил сделать это немедленно. Полки вышли на Екатерининский тракт, на открытую равнину. Тогда никто в этой колонне не знал, что впереди, у озера Горького, их ждали основные силы конного корпуса – 3-я и 4-я Сибирские казачьи дивизии во главе с атаманом Ивановым-Риновым. На опушке леса залегла белая пехота. Чуйков собрал сотню сабель и повел их на позиции белых, стремясь расчистить путь для колонны, которая уже вышла на равнину к западу от Островки. «Я возглавил атаку, и когда до белых оставалось около километра, мы обнажили сабли. Белые солдаты начали соскакивать с подвод, кто отстреливался, кто бежал. Ударили пулеметы, левее меня комиссар бригады Горячкин(3 бригада, 5 дивизия), сраженный пулей в голову, рухнул на землю. Его конь продолжал бежать рядом со мной. Конные разведчики врубались в конную колонну белых, которые бросали оружие и сдавались. Офицеры попрятались в пшенице» (В.И.Чуйков).

Этот момент был наиболее удачным для кавалерийского удара. Развернутый в лаву корпус атаковал беззащитную пехоту в километре от Островки.

Противник встретил плотным орудийным, пулемётным и ружейным огнем атаманскую сотню подьесаула С.А.Огаркова, шедшую во главе корпуса. Казаки начали рубить красноармейцев. Красные стреляли из четырех орудий по казакам 3-й дивизии генерала А.И.Белова до последнего снаряда и были изрублены прямо на позиции. Начальник 4-й дивизии полковник

А.В.Катанаев с чинами штаба взял два пулемета, при этом погиб его ординарец прапорщик Боярский. Бой длился менее часа и закончился полным разгромом красных. Этой атакой корпус разгромил две стрелковые бригады, уничтожив около 500 человек и взяв в плен 1800 человек. Добыча была взята значительная – 6 орудий, 20 пулеметов, 2000 винтовок, обозы обеих бригад.

«Через полчаса все было кончено: красная колонна было разгромлена дотла. Станичники, разъезжая по полю, оглядывались на страшно разрубленные трупы. Комкор (Иванов-Ринов) объезжал поле боя шагом, глядя на равнину, усеянную павшими людьми и лошадьми. Еще кое-где дымилась земля, и стонали неподобранные раненные. Всюду в глаза бросались следы жестокого рукопашного боя – виднелись побуревшие пятна крови, валялись гильзы и патроны... Рядом со многими валялись винтовки со штыками» (О.А.В.).

После этих боев, 9 сентября ударная группа 5-й армии перестала существовать. Остатки разгромленных полков собирались в Кабаньем. Еще более суток добирались туда измученные и израненные красные бойцы. Под Островкой в те дни появились братские могилы. В лесу белые расстреляли более 400 пленных. Сахаров лично присутствовал при карательных акциях. Там он написал: «Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 году повсюду был на редкость обильный. Теплая, мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий».

Северо-западнее Сибирского казачьего корпуса действовала Партизанская группа генерала Доможирова, состоявшая из 2000 оренбургских белоказаков. Оренбуржцы имели возможность добить остатки 2-й бригады 35-й советской дивизии, бежавшие на север от поселка Островного.

Окруженных красных спас командир 1-й бригады 27 сд 22-летний К.А.Нейман, по оценке Тухачевского, самый храбрый и энергичный комбриг. Нейман, бывший вне кольца, собрал из

обозников отряд, пробился с ним к окруженным частям бригады, сплотил их и вывел из белого окружения.

Очевидец тех трагических событий, житель поселка Песчанки (что в 2 верстах от женского Казинского монастыря) Федор Николаевич Церахто (1900-1992 гг.) подробно описал в своих воспоминаниях боевые действия красных полков в сентябре 1919 года. Рукопись он напечатал в 1968 году.

В конце августа 19-летний Федор с товарищами захватили в районе Пресногорьковской обоз коннозаводчика Ушакова с семьей и скарбом, который уходил с отступающими белыми частями на восток. Пробольшевистски настроенная молодежь спрятала добычу в лесу, на территории нынешнего Борковского лесничества, предположительно у озера Коняево или Большого Горького и зорко охраняла семью Ушакова и табун племенных рысаков, дожидаясь подхода красных дивизий. 26-я стрелковая дивизия в начале сентября ушла по тракту на Пресновскую и завязла в боях. Церахто с друзьями решили сдать заложников в штаб 2-й бригады. Дальнейшие события описаны автором ярким, живым языком (орфография, по возможности сохранена – прим. С.В.)

«В Крутоярской находились только обозы красных. В Пресногорьковской тоже никаких штабов мы не застали и отправились в станицу Пресноредутскую. Там нашли штаб одной бригады 26-й стрелковой дивизии. С начальником штаба, комиссаром, договорились, что Ушакова со всем обозом и лошадьми мы доставим в штаб бригады, а скот надо отправить в Курган, в штаб пятой армии. Выдали нам документ и вместе с нами поехали два солдата, чтобы убедиться, правду ли мы говорим. Из станицы сначала поехали домой, в Песчанку. Встретили нас радушно, вся Песчанка сбегалась повидаться. Хорошо пообедав дома, крепко выпив, мы устроили на рысаках бега. Таких рысаков и такого бега люди в деревне никогда не видели. Один из рысаков был по кличке «Алмаз», у него было много наград за победы в бегах в Москве и Петербурге, Нижнем Новгороде и даже за границей, другой – «Рыцарь», молодой, пяти – шести лет, сын Алмаза. Погарцевав по улицам Песчанки, отправились в лагерь. Здесь я распорядился готовиться к отъезду, а задержанным солдатам и

офицеру предложил отправляться, куда глаза глядят. Но они отказались уходить и стали проситься в Красную армию. Все они были местные из-под Омска. Представители бригады обещали взять их с собой. В Пресноредутской штаб не застали. Здесь было много военных обозов и отдельных групп конных и пеших красноармейцев, направляющихся на фронт.

Штаб бригады ушел вперед, не то в Кабановскую, не то в Екатерининскую станицы. Вечерело, и мы остались на ночлег в Пресноредутской. В ночной охране активное участие приняли поручик и семеро его солдат, теперь мы называли их красноармейцами и относились друг к другу как равные.

На следующий день решили отправиться на поиски штаба бригады. Женщин и детей, две кареты и домашние вещи оставили на квартире в станице, а подлежащие конфискации предметы и товары были разложены на двенадцать подвод, куда впрягли по паре лошадей. Перед обедом мы выехали из станицы с другими обозами, всего более пятидесяти подвод. Было это, насколько помню, 9 сентября. На каждой подводе сидело по два красноармейца. Тут же ехало около двадцати конных бойцов. Часа через два въехали в Семиозерную и сделали остановку. Все жители поселка были мне знакомы. Двинулись дальше по тракту на Кабановскую. Вокруг лежала чистая равнина, и станицу можно было видеть как на ладони. Только в километре от столбовой дороги, по обеим ее сторонам, возвышались лесистые холмы. Проехав половину пути, десяток конных отделились от обоза и поскакали вперед. У самой станицы они попали под обстрел. Мы схватись за винтовки. Вскоре увидели наших всадников, скачущих обратно. От них мы узнали, что в станице казаки и приняли решение их выбить. Нас было около тридцати конных и около ста красноармейцев на подводах, все вооруженные винтовками. Мы заметили скачущих к лескам всадников, на ходу стреляющих в нас. Перестрелка прекратилась, когда закончился лес.

Возвратившись в Семиозерную, начали выяснять обстановку. Обозов с красноармейцами здесь прибавилось. Никто из нас не верил, что впереди регулярные белогвардейские части. Все считали, что это группа белоказачков, скрывающихся в лесах для организации паники в тылу Красной армии. Мы хорошо знали, что

26 и 27 стрелковые дивизии находятся восточнее, в 50-60 верстах от Петропавловска. Правда, в последнее время связь была нарушена, и сведения приходили с большим опозданием. Необходимо было ликвидировать банду, стали формировать опергруппу. Вскоре на дороге появились всадники с развевающимся красным знаменем. Наконец они подъехали к нам. Группа конников в 50-60 человек оказалась конной разведкой 35-й стрелковой дивизии. Вслед за ними показались тысячи подвод дивизии. К нам подъехал командир 310-го стрелкового полка. По его приказу около ста всадников поскакали на Кабанью, Ваня Блидарев и я не отставали. У станицы рассыпались крылом и понеслись вперед, несмотря на стрельбу. Вскоре заметили удирающих по улицам казаков, среди них были даже в одном белье. Они скрылись в лесу, за станицей. Их было около тридцати человек, но о том кто они, ни казачки, ни старики ничего на наши расспросы не ответили. Из леса затрещали пулеметы, и преследование прекратили. Убитых не было, но три лошади были ранены.

Солнце было на закате, командование решило остаться на ночевку. Полк был приведен в порядок, кругом выставили заставы. Прибыла артиллерия, и продолжали подходить другие полки: 311 и 312, а 307, 308, 309 пошли южнее, по деревням Макарьевка, Исаевка. Они на десятки верст растянулись по дорогам. По рассказам бойцов, дивизия перебрасывалась сюда из Кустаная после небольшого отдыха и пополнения. Станица была полна народа - более полутора тысяч бойцов, а сколько подводчиков к лошадям и телегам! Как только стемнело, началась перестрелка с трех сторон, ружейная и пулеметная. За ночь перестрелка возобновлялась несколько раз. На рассвете часть пока пошла в наступление на лес и выбила оттуда казаков. Их оказалось более 200 человек. Остановки больше не было до Екатериновской, но у самой станицы завязался бой, здесь казаков оказалось еще больше. Со стороны противника загрела артиллерия, видимо, одна батарея, тут подкатили наши трехдюймовые орудия и тоже открыли огонь. Полк снова перешел в наступление, и противник был разбит. Белых было более полка. Мы недоумевали, в чем дело, как могло случиться, что столько белогвардейцев осталось в тылу? Наконец подошли 311 и 312 полки, и белых погнали без

остановки. Они было закрепились в Островской, но 310-й полк погнал их дальше. На закате солнца мы вошли в Станицу Пресновскую, что в 12 верстах от Островки и приняли решение здесь заночевать. Сюда вместе с полком прибыл только наш обоз, а остальные остались где-то позади. Штаб бригады тоже куда-то исчез. Мы не знали, что предпринять. Ночевали беспокойно, всю ночь стреляли. А едва только 11-го сентября стало светать, как разгорелся жестокий бой. Белоказаки повели в атаку на станицу отряды конницы и пехоты, состоящей из офицеров, татар, чувашей и башкир. Поначалу полк успешно отражал атаки. Наша батарея беспрерывно вела огонь, но скоро стало заметно, что казачьи полки стали обтекать полк, угрожая сомкнуть кольцо и окружить станицу. В ходе боя от захваченных пленных удалось установить, что под станицей сосредоточено более пяти тысяч штыков и сабель и такое же количество белых ведут бой в тылу, в станице Островской с 312 стрелковым полком. Командование пока решило отойти с боем для соединения с 311 и 312 полками. Для этого всех конных бойцов собрали в одну группу в 120 человек, в их числе были и мы с Ваней, и бросили для прикрытия левого фланга отступающего полка. Пресновская расположена между трех озер площадью не более квадратного километра каждое. Два из них расположены на юго-западе. Их отделял узкий перешеек, а третье озеро расположено на восточной стороне. За озерами рассыпались березовые леса. Полк должен был, выходя из станицы, пройти по чистой равнине около трех верст. Полк поспешно начал отходить и вести уличный бой с ворвавшимися в станицу белогвардейцами. Батарея до последнего снаряда била по противнику прямой наводкой. Потом, испортив орудия, целевшие бойцы присоединились к нам. Командир батареи, по рассказам артиллеристов, уже окруженный, застрелился. Едва полк отбил от нападавшего врага и вышел на поляну, как с востока из леса за озером вырвалась огромная лавина казачьей конницы в несколько тысяч всадников и, рассыпавшись широким фронтом, сверкая на солнце клинками, с остервенелыми криками понеслась на полк. В это время на нашей стороне за озерами прорвалась такая же лавина – в первую очередь она угрожала нам, ведь отрезав путь отхода, она могла в один миг

смять и уничтожить нас, так как превосходила нас по силе в десятки раз. Теперь нас мог спасти только быстрый бросок назад к лесу. Оторвавшись от противника, мы устремились к виднеющейся в лесу узкой просеке. В это время нам видно было, как казацьи сотни с восточной стороны ворвались в расположение рассыпавшегося по равнине полка, и разгорелась невообразимая и неравная рукопашная схватка. Сюда же бежала занявшая станцию белогвардейская пехота. По нам из станицы белые вели ружейный и пулеметный огонь, изредка на полном ходу падали наши бойцы.

С правой стороны быстро наперехват нам неслась вторая казачья лавина. Причем она приближалась, растянувшись длинной змеей и, головная часть ее была жидковата, основная же часть осталась далеко позади. Чтобы задержать нападение этой лавины на 310-й полк, нам нужно было остановить ее. Но, этого сделать не удалось, так как у нас не было ни сабель, ни пик, а только винтовки. Пришлось скакать к лесу и оттуда открыть огонь по белым. Десятки всадников покатились кубарем вместе с лошадьми. Противник не ожидал от нас такого поступка. В головной части произошло замешательство, многие отхлынули от леса подальше. Но вскоре обнаружилось, что нас обходят, и мы бросились просекой дальше в лес. В конце ее столкнулись с казачьей сотней, численностью человек 50, они были в один миг нами смяты и рассеяны по лесу. В этот момент мы попали под оружейно-пулеметный огонь белой пехоты, которая оказалась тоже в этом лесу. Подо мною убили коня, я едва успел вынуть ногу из стремени, как он рухнул на землю. Ко мне подскакал Ваня, и я запрыгнул к нему. Лесом пробирались более трех верст, выехали на равнину. Кругом ни души. Только слышно было, как позади клекотал бой 310-го полка. Впереди грохотали орудия. Это в Островской 312 полк бился с белыми. Слышен был орудийный гром и правее от нас. Это, как потом узнали, части 5-й дивизии вели бой под станицей Лапушинской. Я был ранен в руку и залил кровью Ванину шинель. Раненых оказалось более десятка, а около тридцати товарищей погибли в этой схватке. Мы приняли решение вернуться к гуртам, и вечером уже были в родной Песчанке. Здесь мы узнали, что в Макарьев-

ке, Исаевке и Ольгинке 307,308,309 полки ведут ожесточенные бои с колчаковцами».

Анализируя причину поражения, Церахто приходит к выводу, что быстрое продвижение 26-й и 27-й дивизий Красной армии привело к нарушению связи с тылом и «огромным разрывом фронта». Названные дивизии начали отход из-под Петропавловска по железной дороге на Курган, а на линию казачьих станиц ни одна красная часть не отошла, поэтому она осталась не прикрытой, и Сибирский казачий корпус беспрепятственно вышел к Пресновской. Прибывшая со станции Лебяжье 35-я дивизия в составе двух бригад, шести полков, не зная о создавшемся положении с ходу головной своей частью попала в окружение. В первый же день жестоких боев полки понесли тяжелые потери. Особенно пострадал 310-й полк, шедший во главе дивизии и первым попавший в Пресновскую.

После поражения группировка красных под Кабаньим составляла более 2000 бойцов и командиров (307-й полк и остатки пяти разбитых полков). К ним на помощь шел со стороны Пресногорьковской батальон 312-го полка. Ждали в Кабаньем и 311-й полк, шедший из Кустаная (около 1500 человек). Командир 5-й дивизии Карпов получил приказ имеющимися силами удерживать поселки Кабаний, Пресноредут, Камышловку.

****В боях под Пресновкой участвовали пресногорьковчане братья Степановы – Федор(1901 г. р), Петр(1898 г р) и Константин. Федор ранней весной перешел с сотней казаков на сторону красных, а с братьями повстречался на линии осенью 1919 года. Жена Федора Екатерина Григорьевна вспоминала, что по ночам во время боев братья приходили домой, погреться, поесть. «Зыркают друг на друга глазами, но молчат. Только, когда расходились, Костя говорил – попадешься, Федька, в бою – не пощажу...». Урядник Константин служил в Атаманской сотне Огаркова, Петро – в одном из казачьих полков. Федору удалось уцелеть, уйти живым из-под Пресновской. Подвергался репрессиям. Добровольцем ушел на фронт, поначалу воевал в кавалерии, за Сталинград получил медаль «За Отвагу». Геройски погиб в 1943 году под украинской деревушкой Перемога Харьковской области, был раздавлен немецким танком у своего*

орудия. Костя вернулся из отступа, болел тяжелой легочной болезнью и умер в 1921 году. Похоронен в Пресногорьковке (не исключено, что на самом деле был расстрелян как участник восстания 1921года). Петр чудом избежал репрессий, воевал с 1942 по 1945 год, скончался в Пресногорьковской в 1971 году. Вся жизнь носил казачью фуражку и лампасы. Старшие братья принимали участие в 1-й мировой войне. Сын Федора Александр ушел на фронт со школьной скамьи мстить за отца. Воевал под Кенигсбергом. Стал полковником. Внук Федора Сергей Степанов профессиональный военный, полковник.

Дальнейшие планы белого командования состояли в том, чтобы повернуть конный корпус на север и с ходу взять Курган. Воспоминания участников событий точно характеризуют сложившуюся обстановку на фронте.

11 сентября барон Будберг записал в дневнике: «Обнаружился, наконец, конный корпус Иванова-Ринова, имевший крупный успех и разгромивший красную бригаду, подходившую с юго-запада на усиление красного правого фланга. Сейчас Иванов-Ринов близок к исторической славе: трудно представить себе более благоприятного для конной массы чем то, в котором он теперь находится. У него 7,5 тысяч шашек на свежих конях, большинство личного состава старые, опытные казаки, уже бывшие на войне, его корпус находится на обнаженном фланге красных войск, уже совершенно расшатанному двухнедельными боями и нанесенными ему ударами: корпусу открыт весь лежащий перед ним тыл красной армии, местность ровная, идеальная для действий конных масс и богатая местными средствами. Омск ликует...». Однако оптимизм барона оказался недолгим. Уже на следующий день «конница как-то замялась, по вчерашней сводке, ей следовало быть уже у Кургана и громить красные тылы, а об этом нет донесений».

Генерал Сахаров вспоминал: «Масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того, чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезав их силы от переправ на Тоболе...

Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных». Погода и нехватка фуража внесла коррективы в последние надежды белых.

По мнению Г.К.Гинса: «Дальше Иванов-Ринов уже не был виноват. Шли небывалые дожди. Дороги так развезло, что продвигаться можно было только с чрезвычайной медлительностью. Вопреки ожиданиям, овса оказалось не так много, как на это рассчитывали. Может быть, крестьяне и намеренно его припрятавали, но, во всяком случае, дальнейшее наступление приостановилось...». Если в конце августа, как говорилось ранее, погода была очень хорошая, то в начале сентября она стала портиться. Заморосили осенние дожди. Е.М.Красноусов, в 1919 году хорунжий 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона, вспоминал, как шла его батарея с Войсковым корпусом к фронту по «грязным, скользким дорогам», порой напоминавшим собой «сплошное болото».

О сентябрьских дождях и вызванной ими грязи вспоминали многие участники событий. Генерал К.В.Сахаров писал о погоде уже другое, чем неделю назад: «Серый сентябрьский день, дождик, мелкий и назойливый, сеял уже вторые сутки и развел ужасную грязь». Сотник Е.М.Красноусов: «...Проливной дождь и непролазная грязь на улицах станиц». Генерал П.П. Петров, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии: «Пошли дожди, растворили почву, и дороги стали тяжелыми для движения», «...почва распустилась, грязь была невероятная. Продвижение как-то застопорилось; даже сведения о красных были недостаточно выясненными...», «широкая дорога с сибирским черноземом была превращена дождями в сплошную грязь, по которой можно было тащиться с большим трудом. Пешеходы еле вытаскивали ноги; двигаться ночью по лесу вне дорог было невозможно».

В.А. Шулдяков отмечает: «Скорость передвижения военных отрядов резко упала. Передвижение по грязи быстро изматывало лошадей, для восполнения сил которых требовались обильный и хороший фураж и более длительный отдых. Да и людям приходилось под дождем не сладко. Промокшее обмундирование не способствовало поднятию духа. Можно представить, во что пре-

вращались шинели и сапоги после вытаскивания из грязи застрявших повозок или пушек.

В Гражданскую войну именно населенные пункты становились для противоборствующих отрядов центрами притяжения. И основные бои разворачивались вокруг них. Войска стремились выбить врага из села или станицы, чтобы заночевать под крышами, в тепле и сытыми, а не под открытым небом, в лесу или в поле, быть может натошак».

Утром 10 сентября казаки взяли Семиозерку, Исаевку и Макарьевку, а их передовые разъезды замаячили южнее Пресногорьковской. Это означало, что группировка красных в Кабаньем попала в кольцо окружения. Бойцам было приказано держать оборону на всех направлениях. Белая конница повернула на север, стремясь атаковать от Усердного бригаду 5-й дивизии, но была остановлена красноармейцами 307-го полка, неожиданно оказавшиеся в тылу наступавших. Белому командованию стало ясно, что наступление на север невозможно, пока в своем тылу они имеют окруженную, но достаточно сильную группировку в Кабаньей. Окруженцы действовали активно, пытались атаковать Усердный и Екатериновку. 11 сентября с внешней стороны кольца силами подошедшего из Пресногорьковской 311-го полка была сделана попытка разорвать кольцо окружения. Был взят Пресноредут и неудачно атакована Макарьевка. Полк отошел к деревне Песчанка и окопался в 4-5 километрах от нее.

12 сентября начался штурм Кабаньего силами Сибирского казачьего корпуса. Взрывы снарядов в центре поселка вызвали панику в обозах. Комбриг Ямышев приказал вывести обоз на дорогу в Семиозерное, где он попал под жестокий обстрел артиллерии. Десяткам подвод удалось доскакать до Чулошного и там перевести дух. Им удалось уйти от преследования через деревню Филиппово в Камышловку, где находились красные. В Кабаньем тем временем началось кровавое избиение красноармейцев. В бою приняли участие и местные казаки – старики, стрелявшие из дворов и окон. Начснаб 35-й дивизии Спирин был зарезан казачкой прямо в доме. Попали в плен комбриг Д.П.Ямышев и помначаштаба Загорский. 307-й полк прошел на Камышловку путем

обоза и понес в пути потери личного состава. Кабаньевская группировка красных войск была ликвидирована.

Несмотря на это, путь на север был по-прежнему перекрыт частями 5-й дивизии в районе Воздвиженки, Привольное, Степное.

Партизанская группа Доможирова 5 сентября заняла село Курейнское, расположенного восточнее Половинного. 2-я бригада 26-й дивизии оказалась отрезанной от своих. Ею командовал Витовт Казимирович Путна, впоследствии, 12 июня 1937 года, расстрелянный вместе с Тухачевским. Вечером 5 сентября бригада красных вышла к селу Мартино. Один из здешних крестьян указал Путне дорогу на Курейное и предупредил, что здесь остановились белые. Бригада скрытно подобралась к волостному центру. Часовых сняли без шума, нашли дорогу на село Лисье, где проходила линия фронта. Покидая село, бригада открыла беспорядочную стрельбу. Казаки воображали, что красные весь день прятались в храме. И тут же принялись чинить скорую расправу. Сейчас в селе живет Зинаида Тимофеевна Верхотурова, которой довелось пережить страшное время: «Мы с мамой и бабушкой спали у соседей в саманнике и ни о чем не подозревали. Вдруг соседка распахнула дверь: - Чего лежите? У вас дом горит! Оказывается, казаки пошли по селу и стали поджигать подряд все избы. В нашем Зырянском краю пощадил только пятистенник Петра Захаровича Кизьярова, потому что его дочь была замужем за казаком на хуторе Железном. Мой отец, Тимофей Филофьевич Осеев, в ту ночь находился в деревне Пеган, недалеко от Курейного, он был мобилизован белыми в обоз. Увидев, что наша улица занялась, он прискакал на лошади домой. Нашел нас в саманнике. Они с мамой побежали к нашей усадьбе, надеялись спасти хотя бы скот. На улице их встретили казаки и исхлестали плетью. Утром отец, мама, мы, четверо их детей, и бабушка, собрали то немногое, что осталось, попросили у Кизьяровых молока, налили его в чайник, и спустились огородами к озеру Курейное. Отец с мамой решили уйти к родственникам в деревню Малое Курейное. На берегу озера нам попались навстречу двое конных в военной форме. Один из них полоснул маму плеткой по спине. Край платка тут же упал на землю. По-

том он увидел у моего брата Валериана подушечку, вырвал ее у него из рук и положил на седло. Второй всадник не был агрессивным. Он замешкался и уронил плетку. Сказал Валериану: «Мальчик, подай мне плетку». И тут я узнала его. Это был фельдфебель, который тем летом стоял у нас на квартире. Всадник тоже узнал нас. Он спросил отца: «Ты, хозяин, далеко пошел?». Отец указал на деревню, которая была видна вдалеке. Фельдфебель говорит: «Не ходите туда. Спрячьтесь где-нибудь подальше. Сейчас такое начнется – никому не поздоровится». Отец сразу же свернул в хлеба, мы шли долго под жарким солнцем, выпили все молоко. Добрались до маленькой деревушки Тучковки, где жили столыпинские переселенцы. Там у отца был хороший знакомый, Мирон Щербаков. У него мы пробыли два месяца, пока война не улеглась». Казаки всю свою досаду выместили на жителях села Курейного. Большая часть деревни была сожжена. Пятидесятилетнего священника о. Николая Молчанова, его жену Анну Ивановну и восемнадцатилетнюю воспитанницу Марину Мокиеву вывели на окраину села, заставили вырыть могилу и расстреляли. Были убиты еще несколько человек. Лопаревы спаслись чудом: они спрятались на берегу под перевернутой лодкой. В тот день всем было не до рыбалки. Усадьба Лопаревых сгорела дотла, а вот кирпичный магазин Федора не пострадал. После ухода казаков Игнатий Михайлович и Ирина Даниловна сняли деревянный дом у крестьянина, в нем и доживали.

В эмиграции ижевец Ефимов напишет об этих событиях в своих воспоминаниях: «11 сентября перешли в село Курейинское, занятое накануне 11-й Уральской дивизией. На площади и на улице разбросаны разные домашние вещи, земля покрыта пухом от подушек, часть домов сожжена. Здесь ночью спрятавшиеся красноармейцы и местные большевики порубили топорами 60 спящих уральцев. В организации и избиении участвовал священник, который подговорил нападавших не выпустить начальника дивизии генерала Круглевского. Последнему удалось вовремя выскочить и спастись. Священник был расстрелян по приказу генерала. Дома большевиков, участвовавших в ночном нападении, были разгромлены и некоторые сожжены». На другой

день был взят Лопатинский. Во время атаки на автомобиле подъехал английский генерал Нокс. Он ехал за цепями, не обращая внимания на огонь артиллерии и пулеметов. Упорные бои велись в течение недели в районе Худяково, Бородино, Сухмень.

Штаб красной дивизии Карпова расположился в Пресноредуте.

Бой за эту станицу, лежавшую по тракту почти в 40 верстах западнее Екатерининской, был долгим и упорным. Со стороны войскового корпуса в нем участвовали 5-я дивизия и 2-я батарея. Особо отличились в этом деле казаки-артиллеристы.

Е. Красноусов: «Сначала бой тянулся нудно-медленно. Большевики занимали Редут большими силами и жестоким пулеметным огнем «пришили» к земле спешенные сотни. Шла перестрелка. Красная батарея, расположившись прямо в станице, поочередно, то вела огонь по залегшим казачьим цепям, то вслепую бросала снаряды в их тыл, надеясь угодить по белым орудиям. Местность вокруг Пресногорьковского Редута безлесная, всхолмленная. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего ардивизиона стояла на закрытой позиции: в логу. Красные никак не могли ее нащупать. Но и казаки-артиллеристы обстреливали только окраины станицы, т.к. хорошо замаскированный противник не давал возможности обнаружить позицию вражеской батареи. Бой оживился, когда на помощь 5-й дивизии подошла свежая пехотная часть, переброшенная из Омска: егерский батальон Ставки Верховного Главнокомандующего под командой подполковника П.Е.Глудкина. Егеря перебежками стали выдвигаться на линию огня. Стрельба усилилась. Красные, видя наращивание сил противника, занервничали.

Тем временем командующему 2-й батареей сотнику Н.М.Красноперову и офицеру-наблюдателю хорунжему А.А.Васильеву наконец-то, после того как они переменили наблюдательный пункт, удалось засечь батарею врага. Теперь надо было как можно быстрее заставить ее замолчать. Красноперов отдал своим артиллеристам приказ немедленно сменить позицию. А сам принялся производить необходимые замеры и расчеты, чтобы перемещенные орудия сразу же смогли открыть огонь. Новая выбранная им позиция была более удобна для

стрельбы. Но находилась почти на линии белых пехотных цепей и была только полузакрыта со стороны красных, притом лишь небольшим кустарником. Кроме того, между старой и новой позицией лежало открытое пространство. Казакам-артиллеристам предстояло обмануть бдительность противника, быстро и незаметно перейти в указанное командиром батареи место и, не медля, открыть огонь. 2-я батарея снялась быстро. Ее личный состав был предупрежден о необходимости скорейшего и скрытного выполнения передислокации. Хорунжий Е.М.Красноусов, исполнявший обязанности старшего офицера, и юнкер Н.Вологодский, его помощник, повели батарею. Выскочив из лога, карьером она прошла наблюдаемый противником участок и встала на новую позицию. Егеря батальона Глудкина, перебежками упорно продвигаясь вперед, отвлекали на себя внимание красных, в том числе их артиллеристов и пулеметчиков.

По заранее подготовленным данным 2-я батарея быстро произвела пристрелку и покрыла своим огнем вражескую батарею. Казачьи снаряды легли очень удачно. Один из них попал в зарядный ящик. В Редуте раздался сильный взрыв. В результате два орудия были выведены из строя. На красной батарее вспыхнула паника. Казаки-артиллеристы продолжили интенсивную стрельбу, не давая батарее противника оправиться от потрясения. А белые цепи - егеря и казаки - с криком «Ура!» поднялись в общую атаку. Красная пехота дрогнула и, не приняв удара, стала отходить. Остатки батареи коммунистов снялись и ускакали с позиции, провожаемые арт-огнем казаков. Колчаковцы вошли в станицу. Противник отступил из Пресногорьковского Редута, понеся значительные потери в матчасти и в людях. Победа была одержана белыми во многом благодаря удачному маневру и отличной стрельбе 2-й батареи 1-го артдивизиона, взрыв красного зарядного ящика, по сути, стал переломным моментом. Поэтому начальник 5-й Сибирской дивизии войсковой старшина П.П.Копейкин за этот бой представил командующего батареей сотника Н.М.Красноперова к награждению Георгиевским оружием.

Станица Камышловская лежала в 12-ти верстах к юго-западу от Пресногорьковского Редута. Сибирские казаки взяли ее под

вечер после горячего боя. Причем 2-й батарее 1-го Сибирского казачьего артдивизиона пришлось много стрелять: и по самой станции, и по отходившему на Пресногорьковскую противнику. Красные отступили с потерями, но соблюдая порядок. Поэтому преследовавшие их казачьи сотни не смогли довести дело до применения холодного оружия. Ночь прекратила боевые действия.

307-й полк отходил с боями через село Песчанку (у Казинского монастыря) и оставил ее в ночь на 11 сентября. Илья Церахто, житель села, присоединился к небольшой конной группе, которая сдерживала натиск белых со стороны монастыря. К вечеру пришел приказ отойти на Пресногорьковскую. Илья остался в группе прикрытия. На рассвете белые возобновили наступление. Отбив яростные атаки, бойцы прикрытия в полном порядке отошли за Пресноредутскую и стали уходить по степной равнине к Камышловке. Белоказаки надели с обоих флангов у озера Ульева. Несколько десятков конных красноармейцев решились пробиться из окружения. Наметив слабые места, бросились в рукопашную, но конница белоказачков успела прикрыть эту брешь и «в этой неравной и ожесточенной схватке почти все красные пали смертью храбрых, только трое из них прорвались и спаслись, в том числе Илья. Добежав до Камышловки, они встретили отряд конницы Соболева. Эти две сотни бойцов не замедлили поспешить оставшейся в окружении пехоте, которая мужественно отбивалась от нескольких тысяч беляков. Соболевцы пробрались лесом на близкое расстояние, разделились на две группы и внезапно ударили с двух сторон. Красные, освободив пехотинцев, отошли на Пресногорьковскую. В этом бою пали смертью храбрых 37 героев. Они похоронены на месте боя у самой столбовой дороги, где и поныне на братской могиле стоит памятник» (Ф.Н.Ц). Житель Пресноредуты вспоминал в 1979 году, как он и группа подростков собирали разбросанные по всему полю трупы красноармейцев и белых, грузили их на телеги и опускали в могилу, особенно ему запомнился убитый белый офицер, на пальце которого был надет огромный перстень. Очевидец точно описал этот бой – в нем были порублены 1-й и 3-й

батальоны 311-го полка. Эскадрон Соболева, пришедший на выручку, насчитывал 45 кавалеристов.

После боя за Камышловку 311-й полк в Пресногорьковской подсчитывал потери – 11 убитых, 59 раненых, 156 пропавших без вести. В строю осталось 340 штыков. В 310-м полку осталось 75 штыков и 120 невооруженных бойцов. В 312-м полку осталось 269 человек. Все части были деморализованы последними боями и панически боялись неожиданно появившихся конных казаков.

По мере продвижения колчаковцев к Тоболу сопротивление красных, за счет подтягивания ими к фронту резервов и маршевых пополнений, возрастало, особенно на важнейших дорогах, таких, например, как Звериноголовский тракт. Поэтому перед тем, как завязать бой за станцию Пресногорьковскую, белые вынуждены были произвести перегруппировку сил: полки Войскового корпуса стягивались в станцию Камышловскую, сюда же перебросили пехотные части и взвод 1-й батареи 1-го Сибирского казачьего арtdивизиона под командованием есаула Н.Г.Яковлева (2 орудия). Камышловская была забита войсками до отказа – так, что «в избах негде повернуться». Расстояние между ней и следующей по Звериноголовскому тракту станцией Пресногорьковской всего 12 верст.

Рейд конного корпуса на север, на Курган, в середине сентября осложнили воинские части, прибывшие на станцию Варгаши. 14 сентября они вошли в Половинное, закрыв образовавшуюся брешь. Наступление белых по тракту на Тобол было продолжено. Перед наступлением основные силы корпуса располагались в районе деревни Филиппово, обоз находился в Кабаньем, а штаб Иванова-Ринова в Екатериновке. 14 сентября в Пресногорьковской комбриг-2 Рякин, назначенный вместо плененного Ямьшева, объединил остатки четырех полков, численностью до 600 человек, которые при поддержке двух орудий и эскадрона Соболева заняли позиции у Пресногорьковской. Комдива Карпова насторожили пассивные действия белых. Высланный разведка доложила, что Камышловка и Пресноредут пусты и лишь у Семиозерки обнаружены конные казаки, преследовавшие разведку до самой Пресногорьковки. Ранним утром 15 сентября на вос-

точной окраине Пресногорьковской появилась конная разведка. В 11 часов по тракту от Камышловки было отмечено движение колонн Сибирского казачьего корпуса. Начдив Карпов понимал, что сдача станицы станет трагедией для всего фронта и отдал приказ стоять насмерть, дав командирам полномочия расстреливать бегущих бойцов. Белые не стали атаковать в «лоб» позиции на восточной окраине станицы, на перешейке между озерами Пресным и Горьким. Они обошли станицу севернее и перерезали тракт в районе леса Татарского. Страх окружения заставил бойцов 2-й бригады снести этот заслон и организованно уйти на Крутоярку. Но здесь они были стремительно окружены казачьей конницей, взявшей поселок в клещи с северной и южной стороны тракта. Дорога до Богоявленки могла стать смертельной для бригады, но внезапная метель (редчайшее явление для наших мест в середине сентября – прим. С.В.) загнала конницу в лес и позволила красноармейцам оторваться от погони и вечером войти в Песчанку. Бригада заняла круговую оборону у озер, эскадрон Соболева остался в Богоявленке, с задачей вести наблюдение за передвижениями белых. Штаб второй бригады ушел в Отряд-Алабугу, а штаб дивизии в станицу Звериноголовскую Оренбургского казачьего войска.

Перед тем как отправиться из станицы Камышловской в Омск для дачи объяснений о причинах неудач, Иванов-Ринов приказал 10-му Сибирскому казачьему полку войскового старшины Ф.Л.Глебова предпринять попытку прорыва в тыл противника в районе поселка Песчаного Пресногорьковской станицы. Глебову придали «сборный» артвзвод (2 орудия) от 1-го Сибирского казачьего артдивизиона: по орудию от 2-й батареи и от взвода 1-й батареи. Командовал этими двумя пушками есаул Н.Г.Яковлев. Артиллеристы отобрали для операции лучших лошадей, так как их кони уже заметно сдали. Отряд Глебова сконцентрировался в Камышловской. Ему предстояло обойти с юга станицу Пресногорьковскую и выйти на тракт в 25-30 верстах в ее тылу, у Песчаного. Неизвестно, какова была конечная цель Глебова. Маловероятно, чтобы ему поставили широкую задачу: глубокий рейд по тылам противника. Для этого 600 - 700 шашек, нескольких пулеметов 10-го полка да трехдюймовок артвзвода

было явно недостаточно. Скорее всего, Глебов должен захватом Песчаного перерезать на время Петропавловско-Звериноголовский тракт, внести хаос в тылы красной группировки, противостоящей Войсковому корпусу, и этим способствовать взятию станицы Пресногорьковской.

Рано на рассвете 15-го сентября 10-й и 11-й казачьи полки с приданным «сборным» артвзводом выступил из Камышловки. Генерал Иванов-Ринов пропустил колонну полка мимо себя и пожелал казакам успеха. Глебов повел отряд в юго-западном направлении. Двигались без дорог, прямо целиной, с небольшим привалом в полдень. Под вечер подошли к Песчаному с запада, со стороны Сибирки. Вперед, как водится, были посланы разъезды. Войсковой старшина Глебов и Яковлев установили наблюдательный пункт на окраине леса перед поселком. Первый снаряд попал в склад боеприпасов, второй залп поджег мельницу. Следующий снаряд, оказался бракованным: в гильзе было мало пороху. Снаряд не долетел до цели и упал недалеко от казачьего наблюдательного пункта. Он произвел впечатление артиллерийской стрельбы с тыла и вызвал замешательство в рядах сибирцев. Как говорится, «обходящий всегда сам является обойденным». Пришли в себя, выяснили, в чем дело, а затем, выяснив, ругались, чередуя ругань со смехом. Песчанка опустела.

После взрыва боеприпасов, в которые попал снаряд, и прямого попадания в мельницу красные в панике отошли к обрывистым берегам речки Алабуга. Карпов расположил восточнее Звериноголовской пулеметчиков, приказав расстреливать отступающих от Алабуги бойцов. Вечером 15 сентября все станицы Пресногорьковской линии были очищены от красных частей.

В Пресногорьковской частям Сводно-партизанского стрелкового и четырем казачьим полкам объявили, что здесь у них будет долгожданная дневка. Однако на следующий день, это было воскресенье, 16-е сентября, красные большими силами перешли в контрнаступление с севера от деревни Воскресенской. Красные части были переброшены в район боевых действий от железной дороги. Три стрелковых (309,186,187-й) и кавалерийский полки двинулись на Пресногорьковскую.

Сотня сторожевого охранения в 3 - 4 верстах от станицы, у опушки леса, вступила в бой с противником. Поднятые по тревоге конные сотни одна за другой подходили к месту действия, спешивались и вступали в бой. Ружейно-пулеметная стрельба стояла непрерывная. Красные теснили казачьи цепи. Белая пехота получила приказ окопаться на окраине станицы. Пресногорьковская окружена небольшими возвышенностями, и, заняв часть из них, красные начали простреливать всю станицу. Они ввели в дело две артбатареи (8-12 орудий). У колчаковцев было полторы батареи 1-го Сибирского казачьего арtdивизиона (6 орудий). Сначала красная артиллерия сосредоточила весь огонь по окапывающейся белой пехоте. Цепи красных спускались с возвышенности и перебежками приближались к Пресногорьковской. Явный перевес сил был на стороне врага, и вскоре белые вынуждены были отходить. Первыми ушли конные сотни. За ними снялись и двинулись на Камышловскую цепи пехоты. Их отход прикрывали шесть орудий казачьей артиллерии, стоявших на возвышенности к востоку от Пресногорьковской.

2-я батарея и взвод 1-й батареи распоряжения об отступлении своевременно не получили. Казаков-артиллеристов очень нервировала мысль о том, что между ними и красными никаких конных или стрелковых подразделений уже нет. Чтобы не угодить в плен, оставалось полагаться только на себя да на два кольца взвода прикрытия 2-й батареи. Казакам пришлось сниматься с позиции под орудийным, пулеметным и ружейным огнем. Без всякой очереди, на карьере, передки подскакивали к своим орудиям и зарядным ящикам и на карьере же отходили, не соблюдая никакого порядка. Был момент паники. Одно из орудий, у которого впопыхах был неправильно вставлен шкворень, сорвалось с передка, и передок ускакал, оставив орудие. Хорунжий А.А.Васильев, с наганом в руке, заставил ездовых упряжки вернуться и взять пушку. Чуть позже была убита лошадь в одном из зарядных ящиков. Ящик сорвался со шкворня, перевернулся вместе с сидевшим на нем казаком, стрела его сломалась пополам. Вывести ящик из-под огня не было никакой возможности, пришлось его бросить. Казака же посадили на другой передок и увезли. Впрочем, красные не успели забрать брошенный сибир-

цами зарядный ящик. Через несколько часов, при втором наступлении белых на Пресногорьковскую, 2-я батарея специально выслала упряжку и подобрала его.

Потери красных составили 16 раненых. Среди казаков были ранены Поротиков из Новоникольской, Сальков из поселка Надежка, Перов из поселка Большеатмасский.

Отошедшие к станице Камышловской белые части были приведены в порядок и немедленно двинуты на запад. Уже ночью они во второй раз отбили Пресногорьковскую. Но артиллеристы в это наступление не ходили. «Наши лошади, - вспоминал Е.М.Красноусов, - были не в состоянии проделать вторичный переход без достаточного отдыха». В ночном бою белые смогли обойтись и без артиллерийской поддержки. Насколько короткими были дневки после боев, свидетельствует факт, приведенный сотником Е.М.Красноусовым. Отдыхая в Пресногорьковской после ее взятия, офицеры артбатареи собирались выпить бутылку ямайского рома и полбутылки спирта, и тем самым отметить получение сотником Н.М.Красноперовым Георгиевского оружия за взятие Пресноредуты. У станичной учительницы затопили баню, зажарили гуся, но был получен приказ о выдвигении на позиции у леса Татарского и артдивизион вынужден был оставить место дневки.

Даже во время контрнаступления белых в штабах настроение было нерадостным. Барон Будберг записал 16 сентября в дневнике: «Наступление выдохлось и замерло, кое-где продолжают небольшие стычки и мы еще сохраняем свое положение, боясь, что это продолжится недолго, тогда вымотанные в конце части покатятся вновь назад. Остановить и поддерживать их будет уже нечем

Начдив Верман, узнав, что основные силы казачьего корпуса находятся в Песчанке, приказал немедленно отходить на запад. Утром, 17 сентября, 309-й полк ушел на Нижнеалабугское, зажатый с двух сторон конными казачьими полками и егерями капитана Глудкина. На другой день полк пришел в Ялым. Вместо него в район озер Прохорово, Татарское 2-ое, деревни Воскресенское, были выдвинуты Владимирский, имени Володарского и

Петроградский полки. Все пути от Пресногорьковской на север для белых частей были закрыты.

Утром 18 сентября в части пришел приказ: наступать на линию: озеро Тычек-поселок Сибирский - поселок Богоявленка-озеро Прохорово – озеро Гренадерское – озеро Орлово. Здесь необходимо было соприкоснуться с 21-й дивизией Лазарева, наступающей на линию: озеро Яминное – деревня Воскресенское – Починовка-село Половинное.

К вечеру практически без боя были взяты населенные пункты – Богоявленка, Песчанка, Сибирка, Федоровка и Ксеньевка. 3-я и 5-я казачьи дивизии после взятия Пресногорьковской, двинулись на север, в район Орловки и Воскресенского. Справа, у Половинного, стоял 34-й Оренбургский казачий полк, а в Башкирском и Пищальном – части 21-й дивизии. 19 сентября, выступив из Воскресенской, казаки атаковали у Пищального владимирцев, которые сумели отбросить их и, контратаковав, занять Воскресенское утром следующего дня. В Башкирской володарцы весь день отбивались от казаков, потеряв 11 человек убитыми и 67 ранеными.

В эти дни в район боевых действий прибыли части из Сводной Партизанской кавдивизии Анненкова – конные полки «Черных гусар» и «Голубых улан» под командованием полковников Белавенца и Андрушкевича.

Опасаясь появления белоказаков с южного направления, Рякин выслал в степь несколько отрядов, прикрывших правый фланг дивизии у озер Попово, Каракуль, Куренное. Эскадрон Соболева ушел на Федоровку. Южнее Горькой линии было неспокойно, поговаривали, что в Анновке 21 сентября появился отряд штабс-капитана Ванягина, занимавшийся мобилизацией населения в колчаковскую армию. Забрав вновь призванных, ваныгинцы ушли на Дмитровское. Отряд Преображенского численностью в 75 штыков занял Крутоярку, а части комбрига С.Д.Павлова выступили из Орлово на Пресногорьковскую и заночевал у озера Камышное, в 5 верстах севернее станицы. Утром 22-го сентября Пресногорьковская была атакована от озер Песчаниково и Татарское. Бой длился около часа, казаки Сибирского казачьего корпуса отошли на восток за лес Маяк и окопались.

Наступающие красные батальоны повернули на юг и захватили Пилкино и Казанку глубокой ночью.

Красные оправились, отдохнули, получили подкрепления и утром двинулись из Пресногорьковской на Камышловскую. Местность между двумя станицами холмистая, с березовыми колками. Поэтому почтово-земский тракт вилял между холмами, и с возвышенностей вокруг станицы Камышловской просматривались только отдельные его участки. Красные имели возможность двигаться колоннами почти до самой Камышловской, отодвигая передовыми частями казачье охранение. К полудню первая их колонна подошла к станице и на просматривавшемся участке тракта попала под сосредоточенный огонь 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона. Понеся потери, большая часть колонны отошла немного назад, за колки и холмы, однако головные ее подразделения сделали рывок, оказались в лесочках под самой станицей и завязали бой с казаками. Также успела проскочить открытое пространство и скрыться за колками конная батарея красных. Быстро встав на позицию, она открыла стрельбу по станице. Тем временем, вышедшая из-под арт-огня колонна развернулась в цепи, и коммунисты возобновили наступление. Вскоре они вошли в соприкосновение со спешными казачьими сотнями. Бой принял ожесточенный характер, свидетельством чего стала сильнейшая пулеметная и ружейная стрельба. Красные подтягивали все новые силы: их плотные колонны шли по тракту, вступила в бой вторая батарея, уже восемь орудий засыпали снарядами Камышловскую и ее окрестности. Казаки отступили к самой станице и в течение некоторого времени сдерживали здесь противника. Красные цепи выходили из ближайшего лесочка, белоказаки ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем отбрасывали их назад.

2-я батарея сибирцев стреляла непрерывно: то по вражеским цепям, то по колоннам на тракте, то по батареям. Вся ее позиция была завалена стреляными гильзами. Казаки-батареяйцы расстреляли первую смену зарядных ящиков и заканчивали вторую. Им также досталось от противника.

День выдался на редкость теплым: дождя не было, изрядно пригревавшее осеннее солнце высушило поверхность земли. От

взрывов стала подниматься пыль. Местность в сторону станицы Пресногорьковской повышается, и красные с любой возвышенности могли хорошо просматривать Камышловскую. Повидимому, по пыли они стали догадываться, где стоят казачьи орудия, хотя те и стреляли с закрытой позиции. Неприятельские снаряды все чаще падали в расположении 2-й батареи.

Красные на этот раз оказались явно сильнее. К концу дня их цепи ворвались на западную окраину Камышловской. В станице вооруженная борьба не получила развития, так как казачьим частям был дан приказ отступать на монастырь, и они стали выходить из боя. Одной из последних ушла из станицы 2-я батарея, при этом ее взвод прикрытия «попридержал» красных огнем своих «кольтов». Некоторое время противник провожал отходивших в порядке колчаковцев артиллерийским огнем. Белоказки пошли на ночевку в район монастыря с тем, чтобы на следующий день, после очередной перегруппировки частей Войскового корпуса, снова брать станицу Камышловскую с боем.

Весь левый фланг 3-й армии генерала Сахарова отступал на восток. Сибирский казачий корпус отходил к Кабаньему, а Сводная партизанская кавдивизия Анненкова и Партизанская группа расположились у деревни Успенка. Штаб командира группы генерала Доможирова ушел к Усердному. Южнее тракта полки 35-й дивизии пытались перехватить инициативу в этом районе, у поселка Макарьевка. Отдельные сотни казаков появлялись у Казанки и Пилкино, тревожа красную разведку. 23 сентября был взят поселок Пресноредут, куда переместился штаб Павлова. Мощная ударная группировка (4-я Сибирская казачья дивизия полковника Катанаева, 2-й Сибирский казачий батальон, полк «Черных гусар», 3-й Сводный партизанский пехотный полк, Партизанская конная батарея) выступила из Усердного на Макарьевку. У женского монастыря разгорелся жестокий бой. Лишь к вечеру 309-й полк отошел за Макарьевку и занял новую позицию в 4-х верстах от села. С юга, от озера Неклюдова на Жана Жол, продвигался 312-й полк. У озера Карабалык 311-й полк выравнивал линию фронта. Белая группировка, не добившись успеха, вернула на прежнее место дислокации, в поселок Усердное.

24 сентября две казачьи дивизии с 4-мя орудиями неожиданно исчезли с позиций, чем очень встревожили красных. Полк Горского выбил казаков из Семиозерки, был остановлен у Кабаньего и окопался на тракте. Посланная в монастырь рота бойцов взяла его без боя, белых там не было.

Во время боев в районе Казинского монастыря и деревни Исаевки, (ныне Чапаевка) красноармейцы пробрались в тыл 5-й сибирской казачьей дивизии и сконцентрировались в прибрежных камышах одного из озер. У них кроме винтовок и гранат имелся один пулемет. Когда сотни дивизии выступили на овладение Исаевкой, красные в камышах пропустили их. А когда сотни ушли далеко, да еще втянулись в бой, красные начали действовать – ворвались в оставленную сибирцами деревню, почти без выстрелов захватили казачьи обозы 2-ого разряда и устроили на окраине деревни засаду. В тот день казакам не удалось взять Исаевку, и поздно вечером они отправились к местам прежних ночевок. В засаду угодила головная сотня 14 Сибирского казачьего полка. Красные встретили сотню гранатами и пулеметом. Казаки откатились назад. Ввиду темноты значительных потерь они не понесли, но сотня из-за неожиданности случившегося отступала в полном беспорядке. Лишь в версте от деревни она была остановлена прискакавшим командиром 14-го полка. Полковник А.Н.Шевырев спешил сотню и повел к деревне. Однако казачья цепь натолкнулась на сильное сопротивление и под огнем залегла. Тогда Шевырев решил подтянуть другие сотни своего полка и взять деревню «охватом». Это ему удалось, но только под утро. При этом основная часть красных, по видимому, ускользнула. Таким образом, небольшая группа красноармейцев своими действиями дезорганизовала тылы 5-й дивизии, нанесла ей определенный урон, сковала уже уставший за день 14-й Сибирский казачий полк и совершенно измотала его ночным боем. Вообще, у красных при их превосходстве в штыках и технике имелось еще одно преимущество: они могли более или менее оптимально сочетать действия пехоты и конницы. Упорство первой подкреплялось подвижностью второй.

25 сентября при очередной атаке на Кабаний был убит командир полка Горский (похоронен в Ялыме). Полк отошел на

Пресноредут. Неожиданно в глубоком тылу красных объявился исчезнувший Сводный отряд из 4-х казачьих полков и 4-х орудий. Отряд прошел через аулы у озера Карагач, и, сделав за два дня переход в 110 верст, вышел на Крутоярку. В этот же день казаки взяли Федоровку. Красные части вновь оказались в окружении. Петроградский кавполк выступил из Филиппово на Пресногорьковскую с целью ликвидации прорвавшейся группы. 311-й полк получил приказ Павлова также прибыть в этот район. Руководство прорывом возложили на Рякина. Началось движение полков на запад. 26 сентября прорвавшиеся с юга казаки захватили Песчанку и Сибирку. Возникла реальная угроза захвата белыми станицы Звериноголовской Оренбургского казачьего войска. Новый начальник 35-й дивизии К.А.Нейман наскоро сколотил в Звериноголовской сводный отряд из штабистов, обозников и находившихся на излечении бойцов и поставил командовать Н.И.Татаринцева. Отряд немедленно начал наступать к Песчанке, где принял бой с казаками. Поняв, что красных не просто сбить с тракта, казаки обошли пехоту с фланга и заняли Сибирку. От поселка конница развернулась в лаву, заставив разбежаться красноармейцев вместе с молодым начдивом. Сводный отряд все же взял Песчанку и Богоявленку, которую тут же оставили. Красные начали готовить Песчанку к круговой обороне.

В этот критический для красных частей момент, в Пресногорьковской оставался лишь обоз батальона связи с телеграфно-телефонной станцией. С ним были комбат Н.К.Савинов и комиссар В.А.Гривин. Им пришлось приложить немало усилий, чтобы пресечь панику в обозе и отправить подводы на Нижнеалабугский мимо озера Песчаное. Путь на Крутоярку уже был отрезан казачьими сотнями.

Ночь прошла в ожидании атаки с западной окраины станицы. В окопах (в районе нынешнего заготзерно) немногочисленный отряд телеграфистов ожидал нападения. На рассвете 26-го сентября на опушке Татарского леса появился разъезд казаков из восьми всадников. Казачья лава ринулась от леса на позиции красных, но до рубки дело не дошло. Савинов и Гривин, оставив прикрытие, ушли в Камышловку, спасая драгоценную станцию и телефонное оборудование. В Пресногорьковке пропали без вес-

ти 17 телефонистов. На юго-востоке весь день 309-й полк оборонялся от наседавшего противника в Макарьевке и лишь к вечеру отошел к монастырю.

27 сентября Сводный отряд Татаринцева удачным маневром взял Крутоярку. Здесь был пленен казак 8-го полка, взято 3 пулемета, 10 лошадей, 40 винтовок. Прибывший с севера из Филиппово Петроградский кавполк без боя от озера Сливного вошел в Пресногорьковскую, заставив уйти сотню 11-го Сибирского казачьего полка. В район Пресногорьковской станицы стягивались крупные силы красных. Опасность нападения казаков на Звериноголовскую все еще существовала.

28-го сентября 35-я дивизия продолжала вести наступательные бои на нескольких направлениях. Петроградцы ушли из Пресногорьковской на юг, взяли Казанку и Пилкино, двинулись на Макарьевку. Разъезды полка появились и западнее, у Федоровки. 311 полк квартировал в Камышловке, Татаринцев дал отдохнуть сводному отряду в Крутоярке, Боголюбов находился в Богоявленке.

Для прикрытия правого фланга армии с юга, сформированные на базе партизанских отрядов части, спешно ушли на Федоровку и Ксеньевку.

29 сентября командарм Тухачевский отдал приказ об отступлении всех частей 5-й армии за реку Тобол. Лишь вечером командиры получили этот приказ, весь день вели наступательные действия. Петроградский кавполк шел по пятам 3-й и 4-й Сибирских казачьих дивизий, отходящих на Евгеньевку. Застав казаков врасплох на ночлеге, удалось захватить патроны и повозки. В Казанке комполка получил приказ об отходе на Федоровку. 310-й полк взял Макарьевку, захватив полсотни пленных из 13-го Сибирского казачьего полка. Здесь был получен приказ об отходе на Пресногорьковскую, которая была подготовлена к обороне. 310-й полк совместно с 9-м отрядом особого назначения и 1-й Особой батареей провел линию окопов от озера Кривого (в 6 км от станицы) до тракта в 4 км восточнее Пресногорьковской. Севернее от тракта, в 4 км восточнее станицы до озера Сливное, заняли оборону отошедшие от Камышловки части: 311-й полк, 4-й отряд особого назначения, 2-я конная батарея и

эскадрон Соболева. Они окопались по гребню и на опушке леса северо-восточнее станицы. Саперная рота спешно строила защитительные сооружения.

Весь день 30 сентября через Пресногорьковскую шли отступающие красные части. Отходя из Пресногорьковской, красные разграбили имущество станицы и забрали в заложники 18 стариков и детей.

Преследования белых не было. Лишь 3-го октября в Пресногорьковскую пришли казачьи полки, а Отряд-Алабуга был занят белыми только 5-го октября.

Казачье население поселков состояло из женщин, стариков и детей. Все станичники работоспособного возраста в августе были мобилизованы в белую армию или отступили вместе с войсковым заслоном. Многие из них в сентябре участвовали в боях по освобождению родных станиц и поселков. Казачье население встречало чинов Войскового корпуса как освободителей – «очень радушно». Гостеприимные станичницы щедро угощали казаков хлебом, молоком, яйцами и пр. «Были, конечно, и слезы, когда рассказывали про разрушения и убытки, причиненные их хозяйству нашим огнем, - вспоминал Е.М. Красноусов, - но горького чувства против нас не было, так как все они понимали, что «лес рубят – щепки летят». Надо сказать, что сибирские казаки, особенно артиллеристы, старались без особой нужды по станицам не стрелять. Это была линия поведения и начальства, и всего личного состава Сибирского казачьего корпуса. В рядах частей воевало много местных казаков. Они не могли не щадить своих семейств, домов, хозяйств. Однако полностью избежать разрушений было не возможно. Ведь красные иногда продолжали оказывать сопротивление и в населенном пункте, тогда бой превращался, по сути, в уличный. Часто они ставили свои батареи на позиции в станице или поселке. Им щадить было некого: пусть казаки долбят по казачкам и казачатам (на стенах деревянного здания школы в Пресногорьковке остались следы «красного» артобстрела).

На Пресногорьковской линии белые вели себя более или менее корректно. Например, платили мирным обывателям за фураж и продукты, если в кассах частей имелись наличные

деньги. А это было далеко не всегда. К крестьянам отношение было иное. Те встречали части Войскового корпуса или откровенно равнодушно, или с плохо скрываемой неприязнью.

Некоторые села Курганского, Ишимского и Петропавловского уездов, в августе 1919 г. встречали красную армию колокольным звоном и крестным ходом. А когда в сентябре началось белое контрнаступление, многие крестьяне таких сел, часто с семьями, ушли на запад вместе с красными. В таких селениях белоказаки не могли сдерживать своего раздражения и нередко вели себя так, как описал Г.К.Гинс: «Если казак видит в огороде арбузы, он сорвет все, чтобы перепробовать; если он ночует в хате, то на прощание поломает скамью или швырнет в колодезь ведро. Какое-то непонятное озорство, - возмущался мемуарист – неуважение к чужому труду и праву, презрение к крестьянам, которые якобы не воюют. Все, мол, должны выносить на своей спине казаки».

Население станиц и поселков Пресногорьковской линии «жаловалось на бесчинства красных, которые брали все бесплатно и угнали довольно много лошадей скот». Отступая, коммунисты реквизировали в казачьих станицах и поселках почти весь наличный хлеб и овес. Жители понесли хозяйственный урон не только от красных реквизиций, от арт-огня обеих сторон и вызванных им пожаров. Из-за боевых действий полевые хлеба остались необработанными, и войска потравили нескошенные травы. Кроме того, и красные, и белые переобременяли жителей перевозкой воинских грузов. Значительный урон нанесли станицам и поселкам и казаки – оренбуржцы, которые считали, что сибиряки воевать не хотят, а их станицы ограблены большевиками, поэтому казаков-сибиряков можно грабить.

Войсковой управе Сибирского казачьего войска пришлось срочно продумывать и предпринимать меры финансовой, материальной и иной помощи пострадавшим станицам. В частности, поднимался вопрос о формировании посылки на Пресновскую линию рабочего отряда из военнопленных, беженцев или казахов для ускоренного проведения уборочной страды. (В.А.Шулдяков).

Один из участников событий оставил воспоминания о том, как он встретил во время боевых действий между Пресногорьковской и Крутоярской в лесу Борок почти всех жителей Крутоярской, которые в ужасе прятались от красных вместе со своим скарбом и домашней живностью. «Нас окружили женщины. У них было несколько телег, нагруженных сундуками. Пока мы убеждали их, что красные никакого вреда не причинят, подъехали два старика, они сообщили, что красные уже в станице и никого не трогают. Мы поехали с ними и были приглашены в дом богатого казака Михаила Ефимовича Попова. Хозяйка дома Палагея Михайловна пожаловалась нам на белогвардейцев и рассказала, что в большом крестовом доме Попова квартировало 12 офицеров. В последний вечер они решили устроить вечеринку и пригласили сестер милосердия. Денщики их забили во дворе десяток гусей. Хозяйка бросилась защищать свое добро и, только благодаря вмешательству медсестер не была расстреляна. В этот момент началась стрельба, и красные вошли в станицу, а белые отступили, прихватив гусей с собой» (что в этом рассказе правде, а что - нет, узнать невозможно, но как похоже на воспоминания Красноусова, приведенные выше, разнятся только место и вместо сестер милосердия – учительница).

Пребывание в станицах красноармейцев нанесло тяжелый урон народному образованию 1-го военного отдела. Об этом П.И.Ходаков 7 октября 1919 года писал в Омск: «При обследовании мною станиц и поселков, которые были заняты красными, почти во всех из них разорены школы. Уничтожены учебники, учебные пособия и библиотеки в школах следующих станиц: Михайловской, Кладбинской, Новорыбинской, Пресновской, Ново-Михайловской, Кабановской, Пресно-редутской, Пресно-Камышловской, Пресногорьковской, Усердненской, Богатинской и Миролбовской. Были также уничтожены учебники и учебные пособия в библиотеках в высших начальных училищах Новорыбинской, Пресновской и Пресногорьковской станиц».

Сентябрьские бои в междуречье Тобола и Ишима отличались ожесточением и упорством. Отдельные пункты переходили из рук в руки по 8 – 10 раз. Бои с участием конницы были, как правило, скоротечны. Основное время и силы уходили не на сам

огневой бой, а на переходы и маневрирование. Лишь отдельные бои за Пресновскую, Екатерининскую или Пресноредут продолжались целыми днями.

Сотник Красноусов вспоминал: «Бои в районе наших станиц Камышловки, Пресногорьковского редута, монастыря, и станиц Пресновской и Пресногорьковской представляли собой какое-то топтание на месте, мы брали очередную станицу и, если нас из нее не выгоняли немедленно, и мы двигались к новой цели, то назавтра оставшаяся позади нас станица снова занималась красными, и мы снова должны были брать ее с боем. У красных при их численном превосходстве было много кавалерии, и они широко пользовались ею для обходных движений. У нас же была лишь одна кавалерия, то есть наши казачьи полки 3, 4 и 5 й Сибирских казачьих дивизий, которые не любили долгих пехотных боев и задерживались на обороняемой позиции только лишь из «приличия», предпочитая отойти при сильном нажиме красных, а потом с «хода» взять эту позицию новым боем. Все мы очень сожалели, что у нас не было пехоты, этой «не только царица полей сражений», но и рода оружия, которая, не отличаясь большой подвижностью, очень упорна в обороне» (Брисбен. 1958).

**Множество различных историй связано с периодом Петропавловской операции. Так, в 60-е годы председателю Пресногорьковского сельсовета С.Михайличенко пришло письмо от бывшего красноармейца, участника описываемых событий. В письме говорилось, что после взятия Пресногорьковки, в большом крестовом доме (против нынешнего акимата) ночевали красноармейцы. Двое находились в доме, а третий охранял их. Перед сном бойцы плотно перекусили теплыми шаньгами и легли. Здесь же, в дальней комнате спала хозяйка дома, жена белого офицера. Поздно ночью в доме неожиданно появились белые во главе с хозяином дома, который два часа о чем – то разговаривал с женой. Красных все это время держали под прицелом. Позже белые тихо покинули дом.*

В Ставке адмирала надеялись на перелом в боевых действиях. Читаем в дневнике генерал-квартирмейстера штаба Колчака: «Удар был очень удачен: весь правый фланг красных был со-

вершено разбит и отброшен. На всем фронте они спешно отходили за реку Тобол, бросая большую военную добычу...».

Во время почти двухнедельной оперативной паузы на Тоболе Пресновскую линию прикрывала Степная группа генерала Лебедева (5-я Сибирская казачья дивизия войскового старшины Копейкина, Партизанская группа Доможирова, 1-я дивизия атамана Анненкова, под командованием генерала Церетели, егерский батальон Ставки и 2-й пластунский батальон). Всего в группировке белых было 2000 штыков, 3000 сабель, 40 пулеметов, 50 орудий.

Степной группе противостояла 35-я стрелковая дивизия РККА, удерживавшая станицу Звериноголовскую Оренбургского казачьего войска. В тылу белых частей были поселки станицы Пресногорьковской и деревня Федоровка. Красное командование опасалось активности сибирских и оренбургских казаков на своем правом, степном, фланге и усилило его так называемой Крепостной бригадой, которая противостояла оренбуржцам Доможирова. Серьезной угрозы правому флангу противника белая конница создать не могла, потому что состав ее был очень слаб. Сибирская казачья дивизия и Партизанская группа сильно устали и оказались к тому же привязанными к назначенным им участкам фронта.

Озабоченный положением на этом участке Восточного фронта, В.И. Ленин предложил командованию обдумать и провести перегруппировку войск так, чтобы «усилить все дивизии процентов на 15-30 и тем довести всю армию до прежнего состава» (ПСС.т.51.с.53). Расположенные на берегу Тобола дивизии спешно пополнялись добровольцами, формировались полки и бригады. Спирин пишет: «5-я и 3-я армии Восточного фронта, закрепившись на Тоболе, немедленно приступили к укреплению своих рядов. На помощь пришли партийные, советские и военные организации Урала. Местные военные комиссариаты направили в дивизии фронта тысячи новых пополнений. Только Челябинская губерния дала 24 тыс. человек для 5-й армии». У белых положение с пополнением воинских частей резервами было очень тяжелым. По словам П.П.Петрова: «На большое увеличение красных сил наша 3-я армия, не менее уставшая, чем про-

тивник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась почти одним только возвращением в строй выздоровевших раненных и больных». Командирами делались попытки насильственной мобилизации. По воспоминаниям жителей села Привольное, ныне Половинский район РФ: «Белые угнали работающих в поле крестьян в казачий поселок Усердное. Тех, кто отказался вступить в армию, расстреляли и бросили в колодец. Убитого Трифона Есина жена опознала и привезла на подводе в Привольное. На Привольное налетов не было, житель села Михалев Андрей был женат на дочери атамана Казанской станицы Никиты Симонова, а его сват Михалев Леон был в родстве с пресновским атаманом Бекетовым, это обстоятельство сыграло определенную роль» (Тараторкина М.Н.). Ночные нападения в деревнях на гарнизоны белых были явлением обычным. Командующий Уральской группы генерал Косьмин 12 сентября отдал приказ при занятии населенных пунктов «вызывать представителей сельской власти и по одному жителю от каждой улицы и объявлять им, что если в деревне окажутся скрытые красные, то вся деревня будет немедленно сожжена дотла, все население перебито беспощадно, а оставшееся от огня имущество и скот будут конфискованы...Одна, две сожженные деревни – и местные большевики перестанут укрывать красных». Излишне говорить о том отношении, которое испытывали крестьяне к белым, проводившим насильственную мобилизацию в деревнях. Особенно запомнились местному населению анненковцы. По сообщению осведомительного отдела при войсковом атамане Сибирского казачьего войска: « на всем пути от Петропавловска до Кокчетавы, эти отряды ведут себя как дикари в стране покоренного врага, никогда не случается, чтобы они заплатили за что-либо взятое у населения. Хватают, что нравится - лошадей, повозки, сбрую, продукты, фураж, насилуют девушек, затаскивают их в те избы, где ночуют. Жители, узнав о приближении шаяк Анненкова, угоняют в степь лошадей, прячут ценное имущество и разбегаются сами. Еще более анненковцы разбойничают в казахских аулах. Жители смешивают анненковские банды с сибирскими и оренбургскими казаками. Таким образом, слезы,

проклятия и жгучая ненависть, которую оставляют за собой эти части, падают на казаков. Белое командование пыталось бороться с этим явлением. По приговорам военно-полевых судов были расстреляны 16 человек (см: 1919 год на Горькой линии).

В боях участвовали даже бойцы конвоя генерала Сахарова и Верховного правителя Сибири адмирала Колчака. В боях за станицу Пресноредут отличился егерский батальон Ставки под командованием подполковника П.Е.Глудкина. Егеря взяли станицу при поддержке 14-го Сибирского казачьего полка и 2-й батареи 1-го казачьего артдивизиона. Боевой дух в красных частях поддерживался с помощью жестких методов. В мемуарах генерала Петрова читаем об особых чекистских отрядах, вооруженных пулеметами, которые действовали « для вразумления дезертиров и не желающих двигаться вперед ». Барон Будберг пишет о том же: « У красных мало охотников воевать, но там это нежелание парализуется расстрелами и применением сзади коммунистических револьверов и пулеметов ». Красноречиво о сложных взаимоотношениях в красноармейской среде свидетельствует следующий факт - после отступления в сентябре, комдив -35 Константин Августович Нейман вступил в конфликт с одним из командиров полка. Ординарец Неймана искал дом для постоя комдива в деревне Глядянке. Вошел в дом, где уже остановился штаб одного из полков его дивизии. Комполка послал его по дальше, за что Нейман арестовал весь штаб полка. Полк восстал, заявили, что если не отпустят полковых командиров, то перейдут к белым. Нейману пришлось подчиниться требованиям, так как угроза была вполне реальной. Надо отметить, что у белых дезертирство приняло массовый характер. В прифронтовом районе действовал отряд из 36 сабель уроженца поселка Сибирка прапорщика Жукова, который занимался поимкой дезертиров. Жуков расстрелял даже четырех казаков из родной станицы.

4-го октября полки 3-й и 4-й Сибирских казачьих дивизий были распределены по бригадно между армейскими группами, а митинговавший 11-й полк был раскидан посотенно по дивизиям. Их отвели к станции Лебязьей, а 7-й и 8-й полки - в Петропавловск. Скрытое нежелание воевать, по словам перешедших к красным казаков Пресноредутской Константина Воропаева и

Григория Грязнова, обнаруживалось уже при формировании полков Сибирского казачьего корпуса.

Ранним утром 14 октября 5-я красная армия начала форсировать Тобол. Несмотря на огонь белых и крошево изо льда, красные на плотках смогли преодолеть реку и закрепиться на правом берегу. Здесь, на плацдармах, двое суток продолжались ожесточенные бои. По свидетельству начальника 26-й дивизии РККА Г.Х.Эйхе: «противник проявлял большое упорство, часто переходил в контратаки». По воспоминаниям белого генерала П.П.Петрова «наиболее жаркие бои происходили на нашем левом фланге, где красные наносили основной удар в районе дер. Ялымское, где оставался неразрушенным мост через Тобол и на участке ижевцев у д.Глядянское».

Из воспоминаний красноармейца Федора Церахто: «240-й Тверской стрелковый полк, которому была придана наша батарея, занял оборону левее Кургана, примерно в 4 – 5 верстах. Дни стояли солнечные, сухие, а по утрам слабые заморозки. Наш берег был покрыт дремучим сосновым бором на многие десятки верст. Полки получали пополнение. Во время отхода красных дивизий из временно оставленных территорий от белых бежали тысячи крестьян, и теперь они вступали добровольно в ряды красных. По всей линии фронта стояла тишина, которая изредка нарушалась винтовочными выстрелами или пулеметной очередью. Противника разделяла река шириной в 100 – 150 метров. В расположение нашей батареи состоялось бригадное совещание командиров, на котором присутствовал командующий пятой армией М.Н.Тухачевский и командир 27-й дивизии Павлов. Здесь я впервые увидел Тухачевского. Позднее неоднократно видел его на передовой.

На рассвете 14 октября по всему фронту разгорелась ружейно-пулеметная стрельба. Раздавалось громовое «ура». Вела ураганный огонь наша и соседняя батареи. К утру Тобол был успешно форсирован, а белые выбиты со своих передовых позиций. Завязались ожесточенные бои и чаще всего – рукопашные. Колчаковцы то и дело бросались в контратаки. В бой вводили все новые и новые резервы. Но порыв красных был неотразим, и белые откатились на восток ».

Начальник штаба 5-й армии И.Н.Смирнов докладывал В.И.Ленину: «Настроение твердое. Организуя местные силы, с Колчаком справились, нужны только обмундирование и патроны. Вчера перешли в наступление по всему фронту, думаем в три недели дойти до Ишима».

На Горькой линии наступлению предшествовали рейды партизан в южном направлении. К началу второго наступления Красной армии партизанский отряд Дмитрия Ковалева насчитывал 300 штыков и 40 сабель и базировался у озера Торангул. 12 октября из Озерного на озеро Узункуль выдвинулся отряд Ковалева из 67 партизан. У восточного берега озера Тюрюкуль они столкнулись с казачьим разъездом из пяти всадников, четырех из них взяли в плен. Казаки служили в 4-й сотне 34-го Оренбургского казачьего полка под командованием полковника Красноярцева.

15 октября вновь начались бои в районе Сибирки и Песчанки. Казачий пластунский батальон утром ушел из Песчанки, но стало ясно, что этот отход может отрезать от основных частей егерей Глудкина, оставшихся на Алабуге и Доможиров отправил пластунов из Богоявленки, поставив задачу отбить Песчанку. С северо-западной стороны к Песчанке подошли казаки-сибирцы. Пластуны залегли под самим поселком и не выдержали ружейно-пулеметного огня – начали спешно отходить назад. Четырнадцать казаков-пластунов сдались красным.

308-й полк наступал на Богоявленку от Красногорки. У Краснознаменки егеря Ставки Верховного командования капитана Глудкина опрокинули полк и на его плечах, сметая предместные заграждения у Звериноголовской, ворвались в станицу. Трижды в этот день егеря брали и оставляли Звериноголовскую.

К вечеру их потери убитыми составляли около 250 человек. 70 раненых на подводах были отправлены в тыл, в Песчанку, где обоз попал в плен. По версии Э.В.Крейтера, все раненные были расстреляны у мельницы. Трупы белых лежали в ряд на площади Песчанки, у церковной ограды, где сейчас стоит памятник, у школы. Убитые были осмотрены местным ветеринаром Андреем Егоровичем Угрениновым. Местные жители отвезли их на погост и похоронили в братской могиле рядом с захоронением

красноармейцев. За братской могилой никто не ухаживал, не было на нем никакого знака, креста или камня, хотя еще в 1936 году было указание свыше увековечить память погибших в гражданскую войну. Тогда над местами захоронения красноармейцев поставили краснозвездные обелиски, а эта могила постепенно провалилась и заросла крапивой. Егерский батальон Ставки был сформирован в Омске летом 1919 года из студентов, кадетов и интеллигенции. Батальон был вооружен японскими винтовками и одет в английское обмундирование. Командовал им подполковник П.Е.Глудкин († 1922 г. Приморье).

Узнав, что в Песчанке находится противник, Глудкину удалось совершить маневр по лесным дорогам, в результате которого егеря смогли выйти на дорогу в восьми километрах западнее Богоявленки. Чтобы отрезать им путь отхода, 310-й полк двинулся по тракту на Богоявленку вечером 15 октября. Два Сибирских казачьих полка с 4-мя орудиями держали оборону с Северо-западной стороны поселка, от современной водокачки до середины озера. В разгар боя из Большого колка примчалась сотня казаков во главе с местным казаком Курданиным, которые решили исход дела. Красные не выдержали и отошли.

16-го октября бойцы 308-го полка, преследуя ушедших егерей, подошли в темноте к опушке леса в двух километрах западнее Богоявленки и неожиданно атаковали от леса и с северо-востока. Успех был полный – взяли орудия, пулемет, винтовки. По свидетельству местных старожилов, у Первого колка на опушке когда-то были солдатские захоронения.

К вечеру позиции полка были атакованы оренбуржцами от Крутоярки, но красноармейцы отбили атаку и сами пошли в наступление.

Командарм-5 Тухачевский поставил задачу перед частями 35-й дивизии взять станицу Пресногорьковскую. Вечером кавдивизион Соболева занял поселок Демьяновский (ныне райцентр Узункуль). Партизаны Ковалева отправились в тыл к белым с задачей наладить связь с другими партизанскими отрядами и нанести совместный удар противнику с тыла. Красные части при движении на Федоровку заночевали у озер Соболево и Шаврино.

Батальон 310-го полка стал обходить Крутоярку с юга, от озера Хохловатое. Два других батальона пошли дальше – на озеро Кривое, с целью ударить с юга по Пресногорьковской. Крутоярку защищали егеря и казаки-пластуны, всего около тысячи человек. Попытка взять поселок в «лоб» по тракту провалилась. Казаки в окопах за кладбищем поняли, что их пытаются взять в кольцо. Все орудия по приказу Глудкина стали бить по южной стороне поселка. Туда же в перешеек озер Сереброво и Большое Займище ринулись 600 казаков, стремясь опрокинуть правый фланг красных. Сильным ружейным огнем красноармейцам удалось остановить и потеснить казаков к тракту восточнее поселка. Батальон двинулся в обход озера, пытаясь выйти еще восточнее и завершить окружение. В этот момент на западной стороне казаки и пластуны поднялись в штыковую атаку, отбросив красных на 1,5 км. Глудкин отдал приказ отступать на Пресногорьковскую, через узкую брешь, оставшуюся в кольце. Когда красные ворвались в Крутоярку, не встретили сопротивления и взяли в плен 8 егерей и пластунов. Население аулов и поселков, опасаясь грабежей, прятало в лесах скот и нехитрый скарб. Жители поселка Крутоярского все до одного покинули деревню, отогнали скот в Борок и с ужасом ожидали прихода Красной армии. Красноармейцы представлялись им безбожниками с рогами на головах (воспоминания очевидцев).

17 октября против красных полков на Звериноголовском тракте продолжала действовать Степная группа в составе Партизанской группы генерала Доможирова, 5-й Сибирской казачьей дивизии, Ижевской стрелковой дивизии и 1-й дивизии генерала Церетели. Группа занимала участок Федоровка – Богоявленка – Пищальное – Башкирское – Кудрявцево.

На рассвете 17 октября 312-й полк, усиленный батальоном 311-го полка и Сводной батареей Бодрова подошел к Федоровке. Оренбургские казаки оказали сопротивление, стреляя из винтовок, ружей и орудия. Пока красные разворачивались в цепь, они отошли на Пилкино и далее на тракт под Камышпловкой. 310-й полк под командованием Гудко-Портненко двинулся по тракту к Пресногорьковской. Выйдя в 7 часов утра из Крутоярки и пройдя 6 верст, через час попал под обстрел трехдюймовок батареи

егерей. Батальон Глудкина с 1-м Оренбургским казачьим пластунским батальоном занял позиции в километре западнее Пресногорьковской, между двух озер. Их поддерживали пять сотен двух казачьих полков, 4 орудия трехдюймовок и казаки-пластуны из 3-го батальона. Под сильным огнем передовая цепь залегла в километре от позиций белых, были ранены 10 бойцов. В разгар боя Глудкин получил известие о подходе свежих сил противника и обходе с флангов. С утра 308-й полк, стоявший в 8 км восточнее Богоявленки, двинулся к озеру Лопухово, имея задачу пройти севернее Пресногорьковской и выйти в тыл Глудкину восточнее станицы.

Опасаясь окружения, Петр Глудкин отвел егерей и пластунов к Камышловке. 5-я Сибирская дивизия отошла на Пилкино, направив разведку на Жаркайин. В плен красным сдались 6 егерей и казаков, в том числе старший унтер-офицер Попов, командир взвода 6-й роты Пелюнов, казак 13-го Сибирского казачьего полка Легкоступ. Здесь же были пленены разведчики – казаки станицы Становая Алексей Зубарев и Павел Губарев.

Белые покинули Пресногорьковскую навсегда. Гудко-Портненко повел полк на Камышловку, поддерживаемый идущим севернее 309-м полком, без боя взявший казачий поселок Починовка и ушедший на Чулошное.

К вечеру 17 октября на южном направлении отряды особого назначения прошли Демьяновский и двигались на Королевку. 35-й кавдивизион Соболева занял Миролобовку. Ковалев, вравшись в родную деревню Анновку, столкнулся с казачьим отрядом в 180 сабель и несколькими милиционерами Петропавловской уездной милиции. В бою Ковалев потерял трех бойцов убитыми, одного ранило. Со стороны противника убито восемь милиционеров, ранено пять, взят в плен Степан Кузнецов. Однако из Анновки ввиду численного преимущества белых пришлось отступить. Отряд вернулся сюда на другой день вместе с соболевцами.

19 октября после боя за Макарьевку в плен сдались 13 казаков. Бой был ожесточенным, дважды казачья лава наскакивала на красные цепи у опушки леса в двух верстах восточнее села и

откатывалась назад. К ночи 5-я дивизия ушла на Святодуховку. Севернее Пресноредут был занят без боя.

В течение нескольких последующих дней были взяты Усердное, Кабаний, Островка, Екатериновка. 22 октября к полудню пала станица Пресновская.

Через Пресногорьковскую на восток шли и шли наступающие красные части, вновь сформированные во время стояния на Тоболе. 24-го октября сюда из Куртамышя был перебазирован 29-й авиаотряд и пресногорьковцы стали свидетелями полетов первых красных летчиков.

5-я Сибирская казачья дивизия с боями отступала по Пресновской линии. На рубеже поселок Кабаний станицы Пресногорьковской – станица Екатериновская – поселок Ольгинский она пыталась сдержать 35-ю дивизию РККА. Однако красные были явно сильнее, в тяжелых фронтальных боях оборонительный потенциал белых быстро иссякал. 22 октября 3-я белая армия прекратила бесплодные контратаки и начала отход к Петропавловску. Таким образом, в восьмидневном сражении у Тобола Российская армия адмирала Колчака была разбита и стала отходить на восток, пока еще медленно и более или менее организовано. 31 октября красные взяли уездный город Петропавловск.

По территории нынешнего Половинского района Курганской области, севернее Пресногорьковской линии, отходила с боями на восток Ижевская дивизия. Отступая к деревне Александровке, ижевцы обнаружили, что соседнюю деревню Меньшиково занимает красный 37-й полк и конница. По воспоминаниям полковника Ефимова: «...красные нас опередили, и Меньшиково было занято их полками — одним пехотным и одним кавалерийским. Наши соседи, с которыми мы с утра 16 октября потеряли связь, отступали быстрее и мы оказались в тылу красного фронта. Необходимо было торопиться, чтобы не оказаться в тесном кольце окружения превосходящих сил врага. Вести упорные бои не имело смысла. Командир 3-го Ижевского полка донес генералу Молчанову, что противник успел у Меньшикова укрепиться, вырыть окопы и имеет отличный обстрел. Атака головного отряда была отбита сильным ружейным и пулеметным огнем. Ге-

нерал Молчанов выехал сам на рекогносцировку вместе с командиром 2-й Оренбургской бригады генералом Пановым. Действительно, красные успели подготовиться к встрече с нами, продолжали рыть окопы, подступы к деревне были совершенно открыты на 1,5-2 версты, и только с севера от деревни, в полуверсте, находился небольшой лесок. Чтобы взять деревню, надо было потерять время и понести большие потери. У нас в обозе уже было много раненых. Приближался вечер. Генерал Молчанов решил обойти деревню с севера где, по сведениям проводника, была полевая дорога на деревни Ново-Байдарскую и Марайскую. Дорога эта проходила в 2 - 3 верстах от Меньшикова, среди небольших лесных групп, но часть ее была видна от занятой красными деревни. 3-му Ижевскому и примкнувшему к нам во время отхода 42-му Уральскому полкам, было приказано оставаться перед деревней Меньшиково и привлекать внимание противника. Остальная колонна, свернула на полевую дорогу. Красные зорко следили за нами, и наши разведчики донесли, что эскадроны противника начинают выстраиваться и выслали разъезды в небольшой лесок, что к северу от деревни. Было очевидно, что красная кавалерия, собирается преградить нам путь по северной дороге. Надо было не только отбросить конного врага с нашего пути, но по возможности, уничтожить, чтобы он не мог и в дальнейшем мешать нашему движению. Генерал Молчанов наметил план действий. Движение казачьих полков было приостановлено. Казаки собрались в лесу, не выходя на восточную опушку. Перед ними обширное поле. По полевой дороге двинулись обозы, выходя на открытое место. Первым двигался обоз штаба дивизии, а на передней повозке сидела жена начальника дивизии Наталия Константиновна Молчанова, показывая пример самообладания другим женам офицеров и солдат. Обозники были предупреждены, что на них предполагается нападение неприятельской кавалерии, которую казаки атакуют и отбросят прежде, чем те доскачут до обоза. Когда обоз вытянулся на поляну, красные действительно двинулись в атаку. Послышались громкие выкрики команд, засверкали пашки, раздался торжествующий крик «Ура!». Несмотря на предупреждение, некоторые обозники и крестьянские подводчики не выдержали грозного

зрелища несущейся на них кавалерии и бросились бежать. Можно представить себе, как чувствовали себя сидевшие на повозках обозники и семьи бойцов. Но не успели красные доскакать до обоза, как на них обрушились казаки. Отчаянная схватка продолжалась недолго. От неожиданности красная конница смешалась, и бросились назад и в разные стороны. В то время как часть казаков рубила опешившего врага, другие бросились отрезать им путь отступления на Меньшиково. Кавалерийский полк красных погиб на три четверти. Казаки же понесли незначительные потери. Это было лихое кавалерийское дело. На поляне осталось много убитых красных всадников, были взяты пленные, лошади, оружие. 37-й красный полк так и не вышел из деревни на помощь своей коннице». 8 октября, около четырех часов утра, части Ижевской дивизии вышли к деревням Ново-Байдарской и Марайской, где встали на отдых. Однако недолгой была передышка. Уже в 9 часов появились красные. Под их огнем дивизия стала отходить к деревне Васильевка. В этом бою был тяжело ранен командир красного 39-го полка Домолазов, и преследовать ижевцев красные не стали. На следующий день, 19 октября, ижевцы, совместно с подошедшими, им на помощь сибирскими казаками, атаковали деревню Жилино. После упорного боя, красные были выбиты, но 2-й Ижевский полк, потерял в этом бою, убитыми и ранеными - 6 офицеров и 95 солдат.

**В мае 2011 года группа краеведов (Винокуров О.А., Виниченко С.Н., Дедов А.И.) побывала в этих местах. С помощью жителя села Александровки была отмечена братская могила в 3 километрах от села Меньшиково по дороге на Александровку. Захоронение представляет собой низкую, едва заметную насыпь, рядом с деляной.*

В августе группа поисковиков из Кургана, Кустаная, Петропавловска, Пресновки под руководством О.А.Винокурова произвела раскопки у села Башкирского Половинного района Курганской области, в 30 км севернее Пресногорьковки. Целью группы был поиск братского захоронения, оставшегося после жестоких осенних боев 1919 года. По словам местных жителей, в течение трех суток они не покидали погребов, а когда стрельба прекра-

тилась, то самые смелые пробрались на поле боя, где их глазам предстала страшная картина – поле было покрыто телами убитых. Белых и красных башкирцы сложили в общую могилу в центре погоста, за его пределами оказалось еще одно захоронение, за которым никто не ухаживал. Время выровняло земельный холмик, а разросшееся кладбище постепенно поглотило его. О захоронении окончательно забыли. Первый найденный убитый лежал на спине под двумя березовыми бревнами. При жизни он был высоким молодым человеком, погибшим от сабельного удара, повредившего несколько ребер и лопатку. Под ним на левом боку лежал другой казак. Лицо его было когда-то изуродовано ударом приклада, разможжены обе челюсти, выбиты зубы. Руки сложены так, будто были связаны спереди. Найдены пуговица с орлом и оловянная пуговица с нижнего белья, непонятная медная трубочка и остатки странной кожаной обуви. Экспедиция на этом закончила поиск - стало ясно, что убитые сложены в два ряда, их более десятка. Прах был захоронен вторично, поставлен крест, сформирован могильный холмик, проведен молебен об убиенных.

20 октября, 38-й и 43-й красные полки (комполка В.И.Чуйков), после упорного боя с конными арьергардами белых, заняли деревню Васильевскую. Части Ижевской дивизии к этому времени уже отошли в деревню Казенное. Согласно записям метрических книг церкви села Лопатинского, в этот день в бою погиб рядовой 3-го Ижевского полка Петр Леонтьевич Зеленкин, уроженец Пермской губернии, Осинского уезда, Аспинской волости, деревни Зувилиши. К вечеру красные полки подошли к Казенной, но атаковать не стали, а расположились на ночлег, в поле у деревни. На рассвете 21 октября, 38-й полк атаковал деревню Казенное. По свидетельству Ефимова, части Ижевской дивизии, отойдя на 4 км от Казенной, в упорном бою остановили дальнейшее продвижение красных. По донесениям красного командования потери 38-го полка составили 46 убитых и раненных. Однако к вечеру, из-за отхода соседних частей, дивизия отводится в село Лопатинское. Преследуя отходящих ижевцев, 38-й красный полк, после полудня 22 октября, атакует село Лопатинское. Согласно записям в журнале боевых дейст-

вий 5-й дивизии, «белые, благодаря выгодным позициям, упорно обороняются, нанося полку тяжелые потери артиллерийским огнем». Так, оставляя деревню за деревней, белая армия отходила к Ишиму.

Вместе с армией на восток уходили с обозами по казачьему тракту зажиточные крестьяне и казаки, столбовая дорога на Петропавловск была запружена беженцами. В эти дни навсегда оставили Пресногорьковку братья Токаревы, Вяткины, Малягины, Барсуковы, Богдановы, Кладеновы, Новгородцевы и многие другие. Огромные одно и двухэтажные дома в центре станицы опустели - с приходом красных они стали административными зданиями. По словам В.А.Шулдякова «все понимали, что это не случайное поражение и не временное отступление, что это разгром и исход. Прибавьте к этому морозы, тиф и полнейшую неразбериху. Отступать в таких условиях с семьей означало наверняка погубить кого-то из домашних, а то и всех. Поэтому в отступление пошли только семьи офицеров, отчасти гражданской интеллигенции войска, а также богатые станичники и многие казаки. Занимавшие на местах, в станицах и поселках, выборные должности, но последние, как правило, без семей. Одна часть беженцев Сибирского казачьего войска (военная и гражданская интеллигенция) эвакуировались Петропавловска эшелонами, другая (станичники с детьми и без них) – собственным гужевым транспортом».

Отправившиеся в санях и на подводах, в большинстве своем далеко на восток не уехали. Правильной эвакуации не было, и о беженцах никто не заботился. Каждый думал о себе. Все двигались по одному маршруту, сплошным потоком. На ночевках и стоянках все занимали и забирали войска. Беженцам не доставалось ни хлеба, ни фуража, ни мест в избах. Никакая семья, особенно дети, не сможет долго без тепла. Беженцы не выдерживали темп отступления армии, отставали и попадали в руки красных. Из выехавших смогли добраться до белого Забайкалья лишь немногие: те, кто ехал налегке, не будучи обременен большим семейством и громоздким имуществом, и кому сразу же удалось пристроиться к одной из своих войсковых частей. Но все же большая часть беженцев оказалась в изгнании на терри-

тории Маньчжурии и лишь их потомки – внуки и правнуки смогли вернуться на Родину спустя четыре десятилетия. В середине 90-х годов прошлого века у бывшего дома Федора Токарева в Пресногорьковской долго ходил ветхий старик. Он вспоминал, как в 9-ти летнем возрасте покинул дом, где родился. Отец посадил семью на подводу, и они покинули станицу, дошли до Маньчжурии.

Из воспоминаний С.В.Преображенского (1973 г.) об отступлении белых на восток:

«В станице Пресногорьковской царила паника, основные войсковые части, в том числе и 4-ый казачий корпус, которым командовал наш бывший заведующий станицей генерал – майор Н.П.Кубрин, уже отступили. Мужскому населению от 15 - 16 лет предлагалось на правах беженцев выехать из станицы до станиц Пресновской и Новорыбинской, не доходя до которых, по словам белых, намечалось дать красным генеральное сражение... Такие указания по эвакуации касались только казачества... Белые сражения не дали и мы продолжали отступать к Омску. В пути от Петропавловска нас захватила зима, ехать на колесах по снегу было значительно труднее, труднее стало добывать продукты питания, для лошадей корм. Население не знало, на какие деньги надежнее продавать – на царские, колчаковские или керенские, которые еще были в обращении. Приходилось обменивать на вещи. Сено, а иногда из кучек скошенный овес, брали так. Ехали мы с отцом (расстрелянный впоследствии священник Василий Преображенский – С.В.) ,на трех лошадях, я на бричке, отец на повозке, которую пришлось бросить. Мне тогда было пятнадцать лет. Зима крепчала, а я ехал в сапогах, и полушубке, в брезентовом плаще. Как – то мы еще не болели, хотя повсюду свирепствовал тиф, а вши заедали и нас. При переправе через Иртыш у станицы Ачаирской многие сорвались в реку и утонули (Ачаирская была взята красноармейцами 26-й дивизии 16 ноября. О факте гибели беженцев в Иртыше пишет в своих мемуарах начальник Ижевской дивизии генерал В.Молчанов, бойцы его дивизии переправились через Иртыш 14 ноября – прим.С.В.)

В Ачаирской наш атаман И.П.Вяткин со своими помощниками был вызван в штаб 4-ого казачьего корпуса, где генерал Куб-

рин откровенно рассказал о действительном положении дел на фронте, говорил об опасном для жизни продвижении вперед в чужую, неизвестную нам страну Китай. От имени генерала как особо уважаемого высшего начальника нашей станицы было предложено довести эту информацию до сведения всех одностаничников и посоветовать вернуться домой. Все станичники были согласны вернуться. Пока шло обдумывание, станицу взяли красные. Возвращение было более тяжелым, чем пройденный путь. Колеса примерзали к осям, не вертелись, ползли, лошади с трудом тащили наши экипажи. Одеты мы были не по-зимнему, почти всю дорогу пришлось идти или бежать за экипажем. Где-то все - же удалось нам выменять валенки, шерстяные носки и рукавицы, а без этой одежды уже было невозможно переносить январские морозы. Приходилось оттирать снегом и руки и ноги. Приходилось ехать и разутому, держа ноги в стеганом ватном одеяле. Возвратились домой на одной бричке, хорошая выездная повозка с кожаным верхом была брошена, одна лошадь продана, многие вещи променяли на хлеб, продукты и фураж».

О.А.Винокуров пишет о трагедии исхода: «Горькая линия и вся Западная Сибирь переживали в эти дни невиданную со времен основания своих первых городов и станиц трагедию. По всем дорогам тянулись на восток тысячи повозок с десятками тысяч людей. Это был уже не маневр – отступление в неизвестное. Словно что-то содрогнулось в бойцах и офицерах. Белая армия была потрясена. Она отступала, а за нею зияла широкая полоса напрасно пролитой в сентябрьских боях крови. Сплошными массами отходили войска, скопища обозов, телег, лошадей. Точно конное море заливало сибирскую степь... Все понимали, что это – конец, что с этим отходом заканчивается старая прежняя жизнь. Позади, в нескольких верстах, последние арьергардные части сдерживали наседавшего врага».

Комиссар 76-й бригады 26-й дивизии К.И.Лазарев вспоминал, что на восточном берегу Тобола красным впервые пришлось принимать так много сдавшихся в плен казаков, будто бы «они целыми сотнями и полками выбрасывали белые флаги», выдавали своих офицеров, бросали оружие. По его воспоминаниям, в начале ноября в Звериноголовской, Пресногорьковской и других

станциях красные собрали целые груды казачьих пулеметов, винтовок, шашек, пик, седел.

В.А.Шулдяков приводит пример массового ухода белоказачков из армии Колчака после поражения Сибирской армии: «16 ноября на станции Калачинская из 1-й батареи 1-го Сибирского казачьего арtdивизиона бежали 20 человек во главе с подхорунжим С.С.Малыхиным. Казаки, видимо, побоялись сдаваться передовым частям 27-й советской дивизии, и двинулись от Калачинска на юг, к Иртышской казачьей линии. В пути к ним присоединились такие же дезертиры, и группа выросла до 39 человек казаков и солдат. 23 ноября группа подошла к станции Татарской (на Иртыше, в 156 верстах от Омска). Малыхин съездил в станицу делегатом и договорился о сдаче. В тот же день в Татарской вся группа положила оружие перед одним из подразделений 26-й дивизии РККА. В числе сдавшихся были казаки станиц Пресногорьковской и Пресновской: Г.П.Лавринов, Ф.Коробейников, М.Веневцев, Р.Г.Парфенов. Казакам дали удостоверения о том, что они сдались добровольно, и отпустили на родину – на Пресногорьковскую линию. Впрочем, этот внешний гуманизм не должен нас обманывать. С.С.Малыхин, казак поселка Ново-Михайловского станицы Пресновской, позже был арестован ЧК и расстрелян в Омске 29 августа 1920 г.. Коммунисты не простили подхорунжему службу в Белой армии».

По воспоминаниям Георгия Павловича Лавринова из Камышловки, он и 20 казаков полка под руководством Малыгина (у Шулдякова-Малыхин) оставили Белую армию, так как видели бессмысленность сопротивления и пробрались степью домой. Никаким репрессиям Лавринов не подвергался, даже избирался депутатом на уездный съезд. Несколько позже, в 1930 году, Г.П.Лавринов проживал в пятистеннике Малыхина на окраине Пресновской «в сторону Михайловки. Малыхина, безвинно пострадавшего из-за сходства фамилий с колчаковским Малыгиным».

1-я Сибирская казачья дивизия была разгромлена 6 января 1920 года под Красноярском. Офицеры штаба во главе с Н.П.Кубриным были взяты в плен. Боец 27-й дивизии Церахто вспоминал: «по Люблинскому проспекту Омска гнали толпу во-

еннопленных колчаковцев. Их была добрая тысяча человек. Сопровождал их красноармейский конвой, не более десяти человек. Это шла бывшая сибирская казачья дивизия, плененная под Красноярском три месяца назад. Среди измученных, грязных людей были и казаки из наших станиц – Пресногорьковской, Камышловской, Кабановской, Пресновской». Здесь Церахто встретился с хорунжим Иваном Шиловым, с которым когда-то учился в Пресноредутской школе. После проверки Шилов вернулся домой, но в конце 30-х вынужден был скрыться от ареста, уехав на юг. Он избежал участи многих белых офицеров (Бедрина, Ермолаева и др.), репрессированных за участие в гражданской войне против Советов.

Часть непримиримых казаков ушли на Восток в составе 10-го полка генерала Ф.Л.Глебова, оказались в Маньчжурии, Харбине, Хайларе, Шанхае.

По данным П.П.Петрова, 3-я армия Сахарова в период с 1 сентября по 15 октября потеряла 988 офицеров и 17 770 солдат. Красная армия потеряла несколько меньше: по данным Г.Х.Эйхе – 14719 человек, без учета потерь в 21-й и 54-й дивизиях.

Часть сибирских казаков, ушедших с белыми на восток, осела в Маньчжурии, где в 1934 году насчитывалось 43 тысячи русских белоэмигрантов. 21 ноября 1920 года, после тяжелых боев за Даурию, остатки Дальневосточной Белой армии пересекли границу у разъезда №86, где сибирские казаки по описям сдали китайцам все вооружение и стали на отдых в городке Маньчжурия(10-й полк). Часть офицеров, солдат и казаков сохранили револьверы. Армия перебрасывалась по КВЖД в Приморье для продолжения борьбы с Советами. Два эшелона сибирских казаков уходили последними. При движении по железной дороге сибирские казачьи полки поредели, их покидали одиночки и группы, уходили те, кто отчаялся воевать и решил стать эмигрантом. Наибольшее количество казаков остались на станции Якеши. Большая масса сибирцев, более 8000 человек, оказалась в Китае в районе Хунчуна после поражения в Приморье в середине ноября 1922 года.

Эмигранты поселились вдоль линии КВЖД, в Харбине, в Трехречье. Лишь небольшое количество казаков смогли выехать

в США и Австралию. Забайкальские казаки, ушедшие от красных, поселились в Трехречье, в бассейне реки Аргунь. Эта местность славилась плодородными землями и сенокосами. Вахмистр Акулов, оказавшись здесь осенью 1920 года, вспоминает, что жить тут вначале не собирались – ждали льда на Аргуни, чтобы продолжить борьбу. Но после падения правительства в Приморье стало ясно, что придется осесть надолго. Будучи поселковым атаманом, Акулов формировал отряды, которые должны были подчиняться японцам и быть готовыми для перехода границы.

В 1941 году в Чанчуне японцы издали книгу «Санга Дзидзео» (Описание Трехречья), в которой приведены данные о хуторах этого района. В 1929 году здесь было 21 селение с 375 хозяйствами. Жителей обоего пола проживало 2130 человек. Осенью этого года советские отряды, переплыв через Аргунь, напали на мирные поселки Домасово, Камары, Наждин, Кули, Лабдарин, Тыныхэ и Цанкыр. Эта провокация шумно обсуждалась на Западе.

По японской статистике, явно заниженной, из-за подготовки ими бойцов для борьбы с Советами численность русских здесь составляла 5,5 тысяч человек. Население Мергело-Хайларской долины состояло преимущественно из казаков, бурят и тунгусов.

В середине 50-х годов, родившиеся в Китае дети казаков разъехались по миру – в СССР, Австралию, Канаду, Бразилию. В Пресногорьковке и Троебратном поселились потомки казаков, например, Иван (+ 2009г.) и Георгий Фомины, родившиеся в Китае.

Георгий Фомин вспоминает: «Район Трехречья – это реки Ган, Дербул и Хаул. Здесь стояли поселки: Карганы, Щучинское, Лабдарины, Архангельское, Попирай, в котором я родился в 1938 году в семье забайкальского казака Алексея Вениаминовича (род. в 1907 г.) и Екатерины Захаровны Фоминых. Поселки имели свое самоуправление, в них были построены школы, здесь я закончил шесть классов. Жители занимались сельским хозяйством – скотоводством, держали до пяти десятков дойных коров, накашивали руками огромное количество сена, которое даже возили на продажу в Хайлар. В 1955 году открыли визы в раз-

личные страны. Мы отправились в СССР почти всем поселком, выгрузились в Бийске, оттуда в 1962 году перебрались в Троебратное. В Китае были распространены фамилии Пешковы, Каюковы, Какухины, Ерохины, Лелековы, Башуровы, Раменские, Шестопаловы, Патрины, Косых, Парамоновы, Шлыковы». *(записано автором в апреле 2009 года).*

«Китайцы», так их называли на линии, жили дружно, не давая себя в обиду, удивляя местных жителей умением работать. Большая их часть уехала в Забайкалье после распада Советского Союза. В Пресногорьковской школе учились Ерофеева Тамара Александровна (род.1937, г.Маньчжурия), Ерохина Мария Прокопьевна (род. 1937, г.Маньчжурия), Усанина Августа Даниловна (род.1938, п.Драгоценный), сестры Говердовские – Татьяна Алексеевна (1939 г), Нина Алексеевна (1942 г), Анна Алексеевна (1946 г), родились в Хайларе, Раздобреев Василий Михайлович (род.1940г, п.Тынныха), Кокухин Павел Васильевич (род. 1939, п.Драгоценка, Трехреченский район), Запрудины - Ирина Владимировна (род.1942 г), Андрей Владимирович (1944 г), Михаил Владимирович, родились в Хайларе, Дубницкая Марина Александровна (род.1945 г,Харбин), Тулакина Елена Евгеньевна (род. 1946 г,Хайлар), Пантелеенко Алла Александровна (род. 1948 г.п.Хунхульды). В середине 70-х годов в Пресногорьковской школе преподавала английский язык Зинаида Георгиевна Макарова († 1993 г.). «Баба Зина», добрейшей души человек, дочь белого офицера, родилась в Китае.

Захоронения у Пресногорьковки (РГВА, Винокуров О.А) 311 стрелковый полк.

14 сентября убиты Сергеев Федор Иванович (г.Петроград, Шпалерная ,28),

Козлов Иван Федорович (Московская губерния, Рузский уезд, д.Полушкино).

Оба остались на поле боя при отходе полка под станицей Пресногорьковские выселки между озером и лесом прямо на север.

Буров Андрей Александрович (Московская губерния, Богородский уезд, Алексинская волость, д.Кабанево).

Чиж Василий Егорович (Симбирская губерния, Городищенская волость, д.Малые Аксы)

Волков Степан Николаевич (Самарская губерния, Бугульминский уезд., Глазовская волость, д.Петропавловская.)

Похоронены в братской могиле, остались на поле боя при отходе полка из ст.Пресноредуть.

15 сентября убиты:

Кобалов Василий Иванович (Пензенская губерния, Ломовский уезд, Студенецкая волость, с.Александровка).

Афонин Гаврил (Московская губерния, Богородский уезд, Запорожская волость, д.Костино)

Оба похоронены в братской могиле в 500 метрах на восток от Пресногорьковской, правее казачьего тракта, ведущего на Камышловку (предположительно в настоящее время в огороде А.Ермолаева – прим.С.В.).

17 октября убиты:

Ширшев Иван Никитович (Уфимская губерния, Сомская волость, Атабалатовский завод).

Соковский Владимир Васильевич (Холмская губерния, Замосекский уезд, Кременчинская волость, деревня Вонча).

Похоронены в братской могиле на общем кладбище п. Крутоярского у восточной стороны ограды

*Дом Богородицы всем двери отвори.
Пусть белый с красным у икон столкнутся.
И слезы наши взвесят алтари
Так, что Святые Старцы ужаснутся
(И.Тюленев)*

Судьбы людские: белые

Кубрин Николай Павлович (1876 – 1921 гг.)

С детских лет из рассказов старожиллов Пресногорьковки о далеком прошлом, я часто слышал о есауле Николае Павловиче Кубрине. Характеризовали его только с положительной стороны те, кто прошел через гражданскую, ужасы коллективизации, голод и холод тридцатых и сороковых годов. Меня, комсомольца семидесятых, воспитанного на подвигах чапаевцев и других героев гражданской войны, немало удивляло тогда, что белогвар-

дейский офицер, ушедший на восток с колчаковской армией, может быть наделен такими качествами как мужество, справедливость, героизм.

Однобокая трактовка событий давней войны привела к тому, что даже в увесистом томе «Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданном в 1983 году, не нашлось места для многих военачальников белого движения. Сегодня появилась возможность восстановить хотя бы в общих чертах биографии наших земляков через архивные материалы, публикации историков, мемуарную литературу. История жизни Николая Кубрина во многом типична для офицера царской армии той поры.

Попробуем восстановить важнейшие вехи его короткой и трагической жизни. Кубрины были «природными» казаками. Андрей Тимофеевич Кубрин принимал участие в подавлении восстания Пугачева в составе полевой команды де Колонга.

Николай Кубрин родился 12 мая 1876 года (29 апреля по ст.ст.) в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда в семье войскового старшины, дворянина Акмолинской области Павла Кубрина.

В 1887 году Николай поступил в Омский кадетский корпус. Корпус, основанный в 1813 году пресногорьковчанином Ф.К.Набоковым как казачье училище, к этому времени имел славную историю. Это было первое в Сибири специальное учебное заведение для подготовки офицеров, топографов, учителей, ветеринаров, агрономов, ремесленников. Его питомцы сыграли выдающуюся роль в военной, политической, экономической и культурной истории Сибири и Казахстана. Здесь учились Шокан Валиханов и Григорий Потанин, генералы В.Осипов, М.Казачинин, С.Панков, П.Ребров, А. Померанцев. В 1889 году лучшим учеником выпустился Лавр Георгиевич Корнилов, будущий герой белого движения на юге России.

После окончания училища Николай Кубрин в числе лучших выпускников уезжает в Санкт-Петербург и в 1895 году по 1-ому разряду оканчивает Николаевское кавалерийское училище. В 1900 году состоялось боевое крещение - в чине сотника в составе 4-го казачьего полка Кубрин совершает поход в Маньчжурию. На следующий год Николай женится. Родился сын Коля, а

в сентябре 1903 года - дочь Мария (в метрической книге Пресногорьковской церкви автор обнаружил запись «9.10.1903 года, родилась Мария, отец – подьесаул Перваго Ермака Тимофеева полка Сибирскаго казачьяго войска Николай Павлов Кубрин и законная жена его Мария Васильева дочь, оба православные. Крестные – сын подьесаула Николай Николаев Кубрин и учительница Пресногорьковского женского начального училища Александра Георгиевна Зверева).

В 1904 году «неожиданно вспыхнула достопамятная и несчастная для России война с Японией» (Г.Е.Катанаев). В феврале все льготные полки Сибирского войска были мобилизованы. Четыре полка: 4-й, 5-й, 7-й и 8-й образовали дивизию под командованием генерал-лейтенанта Н.Симонова. В апреле они выдвинулись на передовую линию Маньчжурской армии генерала Куропаткина

На войну Николай Кубрин пошел подьесаулом в 7-ом казачьем полку. Принимал участие в боях под Вафангоу и кровопролитном бою под Ходцзяпудза, в котором погиб командир 7-го полка войсковой старшина Старков. Его заменил полковник Панков. Казаки полка блестяще показали себя на реке Шахэ и в многодневном сражении под Мукденом, прикрывая отходящие корпуса русской армии

Николай Кубрин получил ранение в ногу ниже колена, был награжден за воинскую доблесть орденом Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-ей степени с мечами и бантом, получил звание есаул.

В Пресногорьковскую Кубрин приехал в отпуск, на лечение после полученного ранения и поселился в большом деревянном доме (здание сохранилось). Он был назначен заведующим станицей и с головой ушел в хозяйственные дела.

Перед Первой мировой войной Николай Павлович служил помощником атамана 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска.

В начале мировой бойни Кубрин оставляет в Пресногорьковской жену, сына и четырех дочерей и отправляется на германский фронт. Последняя мирная фотография командного состава

2-ой бригады Сибирской казачьей дивизии сделана 14 сентября 1914 года в Петропавловске.

Кубрин назначен командиром 1-ой сотни 7-го Сибирского казачьего полка, в феврале 1916 года командует сотней в 4-м полку. Полки с Горькой линии придали для усиления четырем армейским корпусам Северо - Западного фронта в качестве конницы. До конца весны 1917 года Сибирская дивизия воевала у Гродно и Вильно, а затем была отведена в тыл и «разбросана» для службы охраны по Минскому и Московскому военным округам.

2 июля 1916 года Кубрину было присвоено звание войсковой старшина. В одном из боев Николай получает ранение в голову. В этот период командование награждает его орденами Святой Анны 2-ой степени, Святого Владимира 4-ой степени.

В 1917 году, будучи командиром 7-го Сибирского казачьего полка, Кубрин пытался привести полк в Москву на помощь восставшим против большевиков юнкерам и офицерам, но сделать это не удалось. Армия развалилась в результате большевистской агитации. Фронт был открыт.

Казачьи полки возвращались домой с германского и кавказского фронтов. По пути следования их разоружали большевики, считая казаков реальной организованной силой, способной противостоят Советам. В Златоусте был разоружен 4-й Сибирский казачий полк. Неоднородное по своему социальному составу казачество колебалось, кто-то поддался большевистской агитации, но в одном все были единодушны – как можно скорее добраться до родных станиц.

Видя такое положение, Кубрин в середине ноября 1917 года покинул полк под предлогом ревматических болей в нижних конечностях и хромоты, уволился с военной службы и уехал в Пресногорьковскую. Весной 1918 года бывший боевой офицер занялся хлебопашеством на землях, полученных им за службу.

После чехословацкого переворота в конце мая 1918 года начался последний трагический период жизни Николая Павловича Кубрина. О нем как о боевом офицере вспомнили в Омске.

21 июня он был вызван командованием и назначен начальником Сибирской казачьей дивизии. Началось формирование пол-

ков, трудно было заставить воевать людей, только что сменивших оружие на мирные заботы. Об этом периоде Кубрин пишет «после июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих частей – формирование казачьих полков требовало большого, исключительного напряжения энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики станичники, выставившие полки».

Н.П.Кубрин и его дивизия приняли участие в боях за Уфу в мае 1919 года. В дивизии было около 2000 пашек, 6 орудий, 18 пулеметов. Под станцией Чишмы Сибирская казачья дивизия сражалась против 25-ой стрелковой дивизии В.И.Чапаева и каширинцев, красных оренбургских казаков. 9 июня сибирские казаки участвовали в атаке, которую показали как «психическую» в фильме братьев Васильевых «Чапаев». Бои были очень тяжелыми – чапаевская дивизия лишилась половины личного состава.

В августе 1919 года дивизии Пятой Красной армии под командованием М.Н.Тухачевского начали наступление на Петропавловск. Война пришла на родную землю полковника колчаковской армии Николая Павловича Кубрина. Станица Пресногорьковская несколько раз переходила из рук в руки, о чем свидетельствуют документы из архива Советской армии, хранящиеся в г.Москве. 19 сентября А.В.Колчак, будучи на фронте в Конной группе 2-ой армии за отличие в боях на Тоболе произвел Кубрина в чине генерал – майора.

К концу сентября красная армия была отброшена за Тобол, но 14 октября вновь началось наступление 35-ой стрелковой дивизии под командованием К.А.Неймана по казачьему тракту. Началось отступление белых на восток. 30 октября пал уездный город Петропавловск.

Из Пресногорьковской на восток ушли многие жители, среди которых был Сергей Преображенский, сын расстрелянного священника (умер в 1990 году). Отступление было страшным – холод, голод, тиф косили людей. Под Омском генерал Кубрин собрал одностаничников во главе с атаманом Иваном Яковлевичем

Вяткиным и предложил им возвращаться домой. Он понимал, что дальнейшее продвижение на восток в условиях сибирской зимы влечет за собой гибель людей. Часть людей послушали его и вернулись, чем спасли себе жизнь. Великий Сибирский Ледяной поход для 1-ой Сибирской казачьей дивизии закончился под Красноярском. Ее полки не смогли пробиться на восток в обход города.

6 января 1920 года штаб дивизии вместе с командиром был пленен красными. Многие казаки дивизии лишь весной вернулись в станицы, среди них пресногорьковчане хорунжий Иван Шилов, Егор Лавринов, Федор Коробейников, Михаил Венеццев, Роман Парфенов и сотни других. Часть из них погибли через два года во время Западно – Ишимского восстания, другие были расстреляны в 1937-ом.

Большая часть казаков разоружилась в селе Минине. Кроме Кубрина в плен попали начальник 3-ей дивизии полковник Н.К.Рагозин и командир отдельной Сибирской казачьей бригады полковник В.Е.Первушин.

После ареста, с 1 февраля, Н.П. Кубрин содержался в Красноярской тюрьме. Судили его 13 июля в Омске. Обвинение заключалось в формулировке «служба в белой армии». Дело было направлено в Красноярскую ЧК, «окончательного решения по делу не принято». Долгое время автор считал, что генерал был расстрелян в Омске. Однако, как оказалось, он был этапирован на Север в Архангельские лагеря смерти. Вряд ли семья знала о судьбе Николая Павловича - по словам С.М. Мельгунова: « из длинного списка офицеров, по официальным сведениям отправленных на Север, никогда нельзя было найти местопребывания ни одного из них ».

В марте-апреле 1921 года Архангельский губисполком принял решение о расстреле 540 офицеров. Первую группу, численностью 34 человека, содержащуюся в Архангельском губисправдоме, приговорили к смерти 14 марта. В решении заседания было записано «принимая во внимание неисправимость означенных кровавых белогвардейцев, ярую ненависть к рабоче-крестьянской власти, усиленную их агитацию за выступление среди заключенных в связи с кронштадскими событиями – всех

расстрелять». Поперек списка приговоренных, среди которых были генерал, девять полковников, забайкальский генерал-атаман И.Н.Толстихин, стоит печать: «Президиум губисполкома и губкома утверждает. Кулаков. Секретарь губкома Соловьев».

Вслед за Кубриным были расстреляны ветеран-скобелевец генерал-майор И.С.Кошуба (63 года), генерал Ф.М.Юдин, князь Р.В.Андроников, войсковой старшина В.Я.Голубев и сотни блестящих офицеров, составлявших элиту Русской армии.

Н.П.Кубрин реабилитирован в 1996 году Омской областной прокуратурой.

Так закончился жизненный путь русского офицера, потомственного дворянина Николая Павловича Кубрина. Семья его находилась в обозах отступающей армии и осталась в Красноярске. Сын Николай летом 1919 года с кадетами Омского корпуса был эвакуирован во Владивосток. Дальнейшая судьба жены и детей неизвестна (когда книга готовилась к печати, удалось узнать, что одна из дочерей – Мария, записанная в метрической книге Пресногорьковской церкви в 1903 году, до своей кончины проживала в г. Омске, фамилия ее по мужу – Арпюхина, дети Борис и Людмила). Старшая сестра Николая Павловича Анна (1872 г.р., в замужестве Шехтер) умерла в Пресногорьковке в 1920 году. У нее осталось четверо детей – Мариамна, Николай, Павел, Лидия. Младшая сестра Елизавета в 1932 году была арестована в Пресногорьковке, репрессирована, провела в заключении около восьми лет. Дом Шехтера, в котором она проживала, перешел в собственность ГПУ. Ее сын, Виктор Семенович Мошков, пережил ужасы ленинградской блокады. Внучка Маргарита (1946 г. р) ныне проживает в Санкт-Петербурге.

История гражданской войны еще не написана полностью, а между тем на нашей родной земле, по словам историка В.А.Шудрякова « происходили события столь же драматичные, как на «тихом Дону», на «вольной Кубани». И здесь мучила разум ненависть, и здесь ходили корпусами в конные атаки, сшибались в шашечных рубках, совершали военные перевороты, гибли массами от тифа, поднимались на мятежи и шли с кольями на красноармейские пулеметы»...

В этом убеждаешься, читая расстрельные списки со знакомыми с детства фамилиями, изучая сухие рапорты командиров полков, стоя на невысоких братских могильных холмах. За всем этим – люди, любившие жизнь и Отечество.

Доможирова Лев Николаевич (1868 -?)

Из казаков станицы Магнитной Оренбургского казачьего войска. Окончил кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище в 1887 году. Участник русско-японской войны. Автор ряда статей по вопросам казачества. В 1913 году произведен в подполковники, служил в 5-м Оренбургском казачьем полку. В 1914-1915 гг. командовал сотней. В русской армии А.Колчака командовал 1-й бригадой 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Начальник 1-й Оренбургской казачьей дивизии. С июля 1919 года командовал конной Партизанской группой. Награжден Георгиевским оружием (приказ от 11.09.19 г). Группа Доможирова от берегов Ишима отходила на Кокчетав, видимо, соединившись с частями Оренбургской армии. А.Ганин пишет, что еще в марте 1919 года, выступая на казачьем сходе в станице Кизильской, Л.Н.Доможиров выразил сомнение в возможности успешной борьбы с большевиками (ВИЖ, 2006 г.).

Глебов Фаддей Львович (1887-1945 гг.)

Родился в поселке Казанском Пресновской станицы. Войсковой старшина (09.09.1919). Полковник (11.1919). Генерал-майор (09.1920). Генерал-лейтенант (07.1921). С 1907 г. на военной службе, рядовой в 1-м Сибирском казачьем полку. Окончив полковую школу, в 1911 г. произведен в урядники и уволился из армии.

В Первую Мировую войну по мобилизации попал в 4-й Сибирский казачий полк, получил чин вахмистра (10.1914); вскоре произведен в подхорунжие (09.1915), став командиром взвода. Все перечисленные повышения в званиях и по службе, включая чины прапорщика (10.1916) и хорунжего (1917), Глебов получил за умение вести боевые действия и личный героизм, проявленные им в войне 1914-1917 гг. В Белом движении принял участие сразу же после изгнания советских властей из Петропавловска, начав формирование в своей родной станице Пресновской 5-й сотни для новой 1-й Сибирской казачьей дивизии (06.1918). В

Омске командовал 1-й сотней. Способствовал перевороту и приходу адмирала Колчака к власти. За проявленные способности служения в войсках Белой Сибири периодически был повышаем в звании: сотник, подъесаул, есаул — и в командных должностях: назначен помощником командира 1-го Сибирского казачьего полка. В мае 1919 года полк убыл на фронт под Уфу. За умелые боевые действия 6.08.1919 назначен командиром 10-го Сибирского казачьего полка в 4-й Сибирской казачьей дивизии. За успешные конные атаки (у поселка Островного и станицы Пресновской 9.09.1919) произведен в войсковые старшины, а в ноябре 1919 года - в полковники. После поражений собрал остатки казаков, объединив их в Сибирскую казачью бригаду, во главе которой участвовал в Сибирском походе при отступлении белых армий в Забайкалье. В Чите, при содействии атамана Семенова, остатки бригады были сведены в Сибирский казачий полк во главе с Глебовым, которого Семенов вскоре произвел в генерал-майоры. После разгрома войск атамана и перебазирования их в Приморье, Глебов был назначен командиром сводной казачьей бригады войск атамана Семенова в Гродеково. Вскоре атаман назначил генерала Глебова командующим Гродековской группой войск и произвел в генерал-лейтенанты.

После боевых действий в Приморье остатки белых во главе с Глебовым 24.11.1922 эвакуировались на судах Сибирской эскадры адмирала Старка в корейский порт Гензан, а затем (7.08-14.09.1923) в Шанхай. Генерал Глебов и его войска отказались разоружиться и до 1924 г. оставались на русских судах и кораблях.

В начале 1940-х годов Глебов был одним из руководителей «Комитета защиты прав эмигрантов». После бегства генерала Иванова-Ринова в СССР, Войсковое правительство в Харбине 29.06.1927 признало генерала Глебова войсковым атаманом Сибирского казачьего войска. Умер в Шанхае 23.10.1945.

Сахаров Константин Вячеславович (1881 - 1941 гг.)

Полковник (1917). Генерал-майор (15.11.1918). Генерал-лейтенант (10.1919). Окончил Кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального

штаба (1908). Участник Первой Мировой войны. Участник мятежа генерала Корнилова 08.1917. В 1918 вел борьбу с советскими властями, арестовывался большевиками, 08.1918 бежал из тюрьмы в Астрахани. В Белом движении: с 08.1918, начальник гарнизона острова Русского во Владивостоке. Представитель генерала Деникина в Ставке адмирала Колчака, 01-03.1919. Генерал для поручений в штабе Ставки, 04-05.1919. Начальник штаба Западной армии, 22.05-21.06.1919. Командующий 3-й армией, 22.07-10.10.1919. Командующий Московской группой войск, 10.10-4.11.1919. Командующий Восточным фронтом, 06.11.1919-9.12.1919.

Снят с должности за сдачу Омска и поражения Русской армии адмирала Колчака, арестован генералом Пепеляевым на станции Тайга. Освобожден 23.01.1920 генералом Каппелем и назначен командующим отступающими в Забайкалье остатками (колонной) 3-й армии. После прихода в Читу, в марте 1920, эмигрировал; с октября 1920 года в Германии. †02.1941 в Берлине. Его сын, Игорь Константинович Сахаров, служил адъютантом в РОА у А.Власова, расстрелян в 1946 году Военным трибуналом.

Сотник Сибирского казачьего войска Евгении Михайлович Красноусов

Родился 4 марта 1901 года в Омске, в семье офицера Сибирского казачьего войска. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в 1918 году и с казачьим училищем был эвакуирован под Иркутск в мае 1919 года.

Вспоминая училищную жизнь, Е.М.Красноусов пишет: "...жизнь в училище была "потугой" на прежнее: юнкера, хотя и однообразно, но были одеты плохо, жизнь и занятия шли размеренно и строго, по уставу, кроме воскресений, когда частенько выезжали на проездку лошадей по Ангаре, — это был своего рода пикник. Май-июнь 1919 года были посвящены усиленным занятиям в поле, на полигоне, топографии и окопному делу. В последних числах июня, полубатарея была переведена на станцию Михалево, где получила во владение орудия и лошадей от запасной батареи и провела экзаменационную стрельбу из 3-х-двоймовых пушек- 2-го июля стрельба была спешно закончена,

ночью нас вернули в училище, а 3-го было производство в подпоручики, хорунжие и корнеты...”

При производстве были выданы подъемные — 2800 рублей и огромные пистолеты Кольта без кобуры. Переменив юнкерские погоны на офицерские, 5-го июля молодые офицеры спешно отправились по местам своего назначения. В чине хорунжего артиллерии Красноусов назначается командиром 2-го взвода 2-й батареи 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона, с которым участвовал в осенних боях в Западной Сибири. После Великого Сибирского Ледяного похода получил чин сотника. До 1922 года воевал в составе Сибирской казачьей батареи и Забайкальского казачьего артдивизиона. В эмиграции Красноусов с 1927 по 1945 год служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. После прихода Советской армии Красноусов уехал на Филиппины — в «Палаточный лагерь» на Тубабао. Потом оказался в Австралии. Скончался в 1969 году.

«Он импонировал своей внешностью, — вспоминал командир полка С.Д.Иванов, — высокий рост, хорошее сложение, голубые глаза и приятные манеры привлекали внимание каждого. Был он интересным собеседником: всегда имел собственное, не зависящее ни от кого мнение, не боялся его высказывать».

Начальник карательного отряда, штабс-капитан 4-го Тюменского полка Ванягин

По некоторым данным штабс-капитан остался жив в мае 1919 года, после подавления Мариинского восстания. В воспоминаниях красноармейца А.П.Коляды (записаны его дочерью Клавдией Алексеевной Дорошко) мы вновь встречаемся со штабс-капитаном. « В августе 1919 года моего отца призвали в красную армию в деревне Зубаревка, Звериноголовского района. Через неделю он попал в окружение на реке Алабуга (приток Тобола — прим С.В.) у деревни Ясная Поляна. Красноармейцев сразу приговорили к расстрелу. Заставили копать самим себе могилы штыками и саблями, так как лопат не было. Матери сообщил об этом урядник Василий Бондарь. Она из Зубаревки на лошади с грудным Федей на руках приехала к месту расстрела. Мама хотела попрощаться с мужем. Ямы были выкопаны, смертники сели покурить, а урядник подошел к отцу взять кисет с табаком.

Отец у него попросил попить воды, которая находилась в будке. Он попил воды и шепнул матери: «Я побегу!». Бежал зигзагами, чтобы не попали в спину. Впереди выскочил заяц, так отец не отстал от него. Сразу приговоренных не расстреляли, потому, что ждали штабс-капитана Ванягина, чтобы он зачитал смертный приговор. Догнать отца не могли – лошади белых были спутаны и паслись. У матери отобрали ребенка и стали избивать шомполами, но урядник заступился и ее отпустили. Вскоре подоспели красные и освободили остальных семь человек. Ванягин так и не приехал. Вместе с отцом были солдаты из Ксеньевки – Штанько, Маевский, Безродный...». Федор Алексеевич Коляда (грудной ребенок в этом страшном эпизоде) окончил Пресногорьковскую школу. В 70-х годах служил военным советником от Советского Союза при президенте Г.Насере во время войны Египта с Израилем, генерал-майор. Внук беглеца – известный на весь мир драматург Николай Владимирович Коляда. Появись Ванягин чуть раньше и ...Но, судя по кровавому следу, штабс-капитан отличался звериным чутьем на опасность и вовремя уходил от нее.

Ванягинский отряд проводил мобилизацию крестьянского населения в Анновке в конце сентября 1919 года, а в Ксеньевке Ванягин расстрелял группу крестьян и георгиевского кавалера Л.П.Штанько.

В начале 1921 года небольшой отряд Ванягина после скитаний по казахским степям присоединился к отряду есаула Кайгородова в местности Оралго на реке Кобдо, что в Западной Монголии. Видимо, Ванягин партизанил с Кайгородовым в Горном Алтае до весны 1922 года или же остался с оренбургскими казаками Бакича и был расстрелян или убит в боях. Не исключено, что штабс-капитан умер в глубокой старости где-нибудь в Австралии. Кто знает...

Командир чехословаков Ф.Грабчик

Франтишек Грабчик 1894 года под Оломоуцем. 21 июля 1916 года под г.Берестечко попал в плен. Находился в лагере в г.Борисполе. 14 июня 1917 года получил приглашение в легион и 8 сентября был зачислен в него командиром 4-й роты 6-го

стрелкового полка им. Ганецкого. Как же сложилась судьба этого профессионального военного после Кургана? В октябре поручика Грабчика назначили командиром 6-й роты 1-го пражского полка им. Яна Гуса. В начале 1919 года Франтишек Грабчик был направлен на курсы Академии генерального штаба в Томск, где получил чин капитана. Служил начальником оперативного отдела 2-й стрелковой дивизии. С ноября – генеральный квартирмейстер чехословацких войск в России. В 1920 году Франтишек Грабчик вернулся на родину подполковником. В годы второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления, в мае 1945-го во время Пражского восстания – руководил боевой группой. В 1945-1946 годах Грабчик возглавлял чехословацкую миссию в союзнической контрольной комиссии по Германии. Работал бок о бок с выдающимися военачальниками антигитлеровской коалиции, в том числе с маршалом Георгием Жуковым. Затем командовал в Чехословакии 5-м корпусом, был начальником военно-исторического института. 1 июня 1948 года, накануне прихода к власти коммунистов был, уволен в отставку. Умер генерал Грабчик 28 июля 1967 года.

Состав Сводного казачьего отряда оренбургского генерала Л.Доможирова, (у Федоровки и Пресногорьковки), действующей в конце августа – начале сентября 1919 года на левом фланге 3-й армии генерала К.Сахарова.

Составил основу Партизанской группы (Винокуров О.А. – архив).

2-я Отдельная оренбургская казачья бригада (2-й оренбургский казачий и 5-й оренбургский казачий атамана Могутова полки, командир - полковник В.М.Панов):

(2-й и 5-й оренбургский казачьи полки – командиры полковник В.Бородин и генерал Наумов)

6 оренбургская артбатарея (1 орудие)

34-й оренбургский полк (командир подъесаул Ловчиков).

1,2,3 пластунские батальоны (из стариков ополчения 3-го округа), командиры - поручик Пиманович, сотник Медведев, капитан Двинягин

2-й отдельный сводный казачий дивизион (есаул Чеванов):

(34-я сотня, 33-я Качкарская сотня, отдельная казачья сотня (сотник Зверев)

Отдельный казачий дивизион (подъесаул Иванов):

(1-я Усть-Уйская отдельная сотня, 2-я Клястицкая сотня, 3-я атаманская отдельная сотня)

1-й Украинский имени гетмана Сагайдачного пехотный полк (полковник Титовский)

Состав анненковской партизанской кавдивизии генерал-майора З.Ф. Церетели:

Дивизия состояла из 3-х бригад:

пехотная – 3-й сводно-партизанский полк (30 штыков к концу боев)

в нем много кокчетавцев.

2-ой сибирский пехотный полк (формировался под Омском, командир полковник Першина)

украинский полк имени гетмана Сагайдачного (сдавались по 120 человек)

казачья: 20-й Усть-Каменогорский полк (полковник Виноградский)

3-й Новоусть-Каменогорский (пеший) из крестьян и казаков (подполковник М.Киенский)

кавалерийский - Барнаульский полк Голубых улан из добровольцев (полковник Андрушкевич).

полк Черных гусар из крестьянского населения Петропавловского уезда

инженерный дивизион и партизанская конная батарея из 6-ти скорострелок Маклена

Судьбы людские: красные

Начальник 35-й дивизии РККА К.А.Нейман

Константин Августович Нейман, латыш, родился в Митава 15.01.1897. Был арестован вместе с начальником штаба 5-ой армии И.Н.Смирновым по делу М.Н.Тухачевского. На тот момент К.А. Нейман был награжден орденом Ленина и 3-мя орденами Боевого Красного Знамени, один из которых получил за бои в междуречье Тобола и Ишима, являлся начальником 8

управления наркомата оборонной промышленности, командиром корпуса, проживал в Москве на Большой Пироговской. Арестован 21.07.37 г. Расстрелян 5.11.37 г. по обвинению во вредительстве и участие в антисоветском военно-фашистском заговоре. Место расстрела и кремации - Донское кладбище. Реабилитирован посмертно в 1955 году. Автору удалось отыскать его сына Юрия в г.Риге. Он ничего не знал о судьбе отца и матери, так как в момент ареста он был совсем мал.

Командир 43-го полка 5-й дивизии РККА В.И.Чуйков

Уроженец села Байдары, Половинского района, Курганской области, Н.А.Демин описал свою встречу с Маршалом Советского Союза В.И.Чуйковым, которая произошла в Москве в 1972 году. В мемуарах Маршал рассказал о боях в Зауралье, взятие деревень Жилино, Батырево, Яровое, Носково, Лопатки. В беседе с Деминым он сказал: «Тогда мне было 19 лет. Еще юноша. Но я уже несколько месяцев командовал полком. В нем состояли, в основном, молодые бойцы моего, и немного постарше, возраста». А.Л.Ремизов, будучи подростком, был очевидцем вступления красных частей в Байдары и запомнил идущего впереди высокого командира. В.И.Чуйков подтвердил, что он с полком проходил это село и был ранен в руку. На перевязку его возили в Хлупово. Жилино красноармейцы брали ночью, и штаб белых вынужден был уйти на Васильевку.

С 1972 года Маршал Советского Союза В.И.Чуйков является почетным гражданином села Жилино Половинского района Курганской области. Похоронен на Мамаевом кургане в Волгограде.

Командир 232 сп 26 дивизии А.Н.Баткунов(1890 – 1937 гг.)

Баткунов прошел всю гражданскую войну в чине комполка. Его фамилия встречается в оперативных сводках в конце мая 1920 года, когда его полк на Алтае гонялся за анархистами Рогова и Новоселова. Тогда комдив Я.П.Гайлит писал: «возложить на тов. Баткунова, как командиру, выделяющемуся своими боевыми заслугами» задачу по преследованию отрядов анархистов Рогова и Новоселова. Через год, в мае 1921 года, он уже командует пароходами, прибывшими по Иртышу в район Верхотурья на помощь отрядам, воюющими с повстанцами.

Расстрелян в 1937 году.

В Пресногорьковской был репрессирован ряд участников боевых действий. Так, Федор Михайлович Ермолаев, 1898 г.р., уроженец ст. Крутойрской, был арестован 20 сентября 1937 года Пресногорьковским УНКВД, 3 октября «тройкой» был приговорен к расстрелу. Сын Юрий видел отца в последний раз, когда конвой вывел его из КПЗ (здание сохранилось до наших дней, ныне кладовая акимата) и он улыбнулся и помахал рукой. Реабилитирован в 1993 году.

Воевавших у красных тоже репрессировали, так Бориса Филиповича Канахина, 1894 г.р., арестовали 6 декабря 1937 года, а уже 8-го приговорили по ст.58-10 к ВМН. Реабилитирован в 1959 году в связи с отсутствием состава преступления.

Первый председатель Пресногорьковского волисполкома Михаил Агафонович Канахин был арестован 22 сентября 1937 года, приговорен по ст.58-10 к расстрелу 10 октября. Реабилитирован в 1991 году.

Объездчик ст. Пресноредутской Прокопий Степанович Казин, 1878 г.р., был арестован 14 августа 1937 года. 7 сентября приговорен к 10 годам ИТЛ (автор полагает, что его посадили как родственника игуменьи Евпраксии, так же как и Елизавета Кубрина, проведшая в лагере 8 лет). Многие участники гражданской войны вынуждены были скрываться, чтобы избежать ареста (Георгий Лавринов, Иван Шилов и др. уехали на юг, в Киргизию).

Начдивы 5-й армии в период с 20 августа по 1 ноября 1919 года

27 сд – Павлов А.В.

26 сд – Белицкий С.М.(10.08 – 8.09), И.Ф. Блажевич (врид 8-10.09), Белицкий С.М.(10-21.09), Эйхе Г.Х. (21.09-23.11). Командир 2-й бригады В.К.Путна.

5сд – Карпов В.Ф.

35 сд – Верман Л.И (до 20.09), врид Татаринцев Н.И(20-28.09), Нейман К.А. (с 28.09).

Состав 35 стрелковой дивизии 5-ой армии(3 бригады)

Дивизия была переброшена из Кустаная через Челябинск и Курган на ст. Лебязье, оттуда через Половинное наступала на линию (начдив в сентябре - Л.Верман)

1 бригада 307, 308 (попал в плен под Кустанаем), 309 сп (сформирован под Казанью)

2 бригада 310, 311 (19 августа взял Кустанай), 312 (ж/д. части, караульные)

3 бригада осталась в Кустанае

Командный состав 35 сд (начало октября 1919 года)

Начальник 35 дивизии - Нейман Константин Августович (22 года)

Командир 2-ой бригады – Татаринцев Николай Иванович

Начальник штаба бригады – Датюк Николай Селиверстович

Командир 310-го стрелкового полка - Гудко-Портненко Алексей Борисович

Командир 311-го стрелкового полка - Зелепугин Петр Федорович

Командир 312-го стрелкового полка - Болонкин Петр Александрович

Потери красных частей на 1-м этапе Петропавловской операции

(Пресногорьковская линия) – см. «1919 год на Горькой линии» (эл. вариант)

Часть	Дата	Где понесены потери	Количество убитых	Количество раненных	Пропавшие без вести и пленные
227-й Владимирский полк	21.08	Крутоярка	15		
232-й им. Облиском запа	21.08	Пресногорьковка	13	38	
229-й Новгородский	21.08	Пресногорьковка	4	27	
	23.08	Кабань		3	
	24.08	Островка		3	
231й Сводный	24.08	Усердное		1	

7-я Ленинская батарея	24.08 1.09	Усердное Дубровный		1 2	
230-й Старорусский полк	28.08 31.08 1.09	Кладбинка Дубровный Дубровный	1 лекпом 3 1	1 лекпом 12 110	9 писарей и санитаров 7
8-я легкая батарея	28.08	Кладбинка			1
Шт. 2-й бр. 26 дивизии	28.08	Кладбинка	1 ординарец		
26-й кондивизион	28.08	Кладбинка	1	2	2
2-й Петроградский кавполк	4.09	Новорыбинка			8
43-й полк	8.09 9.09	оз. Филатово Островка	ок.70		ок.300 293
44-й полк	9.09	Островка			200
45-й полк	8.09	Лапушки			448
Шт. 2-го артдивизиона	9.09	Островка			6
4-я батарея	9.09	Пресновка			94
5-я батарея	9.09	Островка			119
307-й полк	10-12.09 24-25.09	Кабань Семиозерная	23 2	22 8	47(в т.ч. 2 командира)
309-й полк	16.09 25-26.09	Пресногорьковка Макарьевка		16 (в т.ч. 1 команд) 7	
310-й полк	8.09 9.09	Екатериновка Пресновка	2	5	681
311-й полк	14.09	оз.Ульево	11	59	156
312-й полк	8.09 9.09	Екатериновка Пресновка	6	20	229
35-й кондивизион	12.09	Кабань	2(ко и военком)		
4-й отряд ОН					2
2-я легкая батарея					185

Данные Эйхе – части 35-й дивизии потеряли в боях 26 убитых, 286 раненных, 1115 пропавших без вести, 948 больных.

Историк 5-й армии Розенберг -69 убитых, 294 раненных, 1117 пропавших без вести.

Трофеи, взятые у белых в сентябре:

307-й полк – 3 плененных солдат, 1 лошадь, 1 винтовка, 1 пашка.

309-й полк -2 плененных офицера, 28 плененных солдат, 3 лошади, полевая кухня, 16 винтовок, пулемет «максим».

310-й полк – 40 плененных солдат, 40 лошадей, 59 русских и 8 английских 10-ти зарядных винтовок, пулемет «Льюис», 15000 патронов, 10 ящиков со снарядами, полевая кухня, 6 верст кабеля, 7 повозок, 1 экипаж, 22 седла, 3 телефона.

311-й полк – 6 винтовок, 300 патронов.

312-й полк - 5 перебежчиков, 4 винтовки системы «Гра», 1 винтовка итальянская, 2 пашки.

Западно-шимское восстание 1921 года

*И слышу, как за мной ползут-
Пожары, казни и разгромы...*

Иван Шмелев

После ухода белой армии, в январе 1920 года, был издан приказ №1 по станревкомам и комячейкам Пресногорьковского района: «От имени голодающих крестьян, рабочих и фронта, ныне нуждающихся в хлебе, в интересах восстановления хозяйства советской республики и снабжения деревни их предметами. Переживаемый грозный момент и продовольственный кризис требуют от всех честных граждан исполнения долга перед революцией – выполнить разверстку хлебную. Никакие обстоятельства не могут служить препятствием для выполнения этой задачи. Все продработники несут полную ответственность за своевременную сдачу хлеба. Поселки и станицы, не исполняющие приказ, будут судиться так же строго, как судят за отказ идти в бой, продработники, не делающие своего дела, будут караться по закону военного времени» (орфография документа сохранена автором).

Партизанский отряд Ковалева, имевший богатый боевой опыт, послужил основой для создания ЧОН по сбору зерна у населения. Его укрепили за счет прибывших из Петропавловска рабочих, бывших фронтовиков Данилевича, Дерябина (погиб под Лопушками, похоронен в Пресногорьковке), Костыкина, Черновикова, Ивана Петухова (убит повстанцами, похоронен в Федоровке у клуба), Николая Федина, Петра Ефимова (погиб под Новорыбинкой, похоронен в Ершовке).

Кроме конфискации хлеба отряд гонялся за многочисленными отрядами, не желающими подчиняться новой власти. В начале июля 1920 года в Горелом ауле, что в 35 верстах от Анновки, появился отряд «батьки Махно». Яков Рыбкин вспоминает: «11 июля 120 бойцов, окружив аул, ударили с двух сторон из винтовок и пулеметов. Бандиты, отстреливаясь, ушли к Рузаевке и объявились в Карасу. 15 июля мой взвод занял аул Талды (ныне усадьба одного из отделений поселка Майский), но мы опоздали. Бандиты успели расстрелять казахов – коммунаров. Когда речь о расправе дошла до комиссара Ковалева, Иван Алексеевич выступил с речью перед отрядом и поклялся отомстить за убитых». Повстанцы схватили ехавшего из Всесвятского в Кустанай судью Ивашина и зарубили его. Отряд новоявленного «Махно» была полностью изрублен между Пресногорьковкой и Шибаево (Воскресенкой).

Во главе «зеленой крестьянской армии», так сами восставшие называли себя, стояли Макар Чумак и Андрей Ярославцев. Задача восставших крестьян состояла в свержении советской власти на местах и захват городов Кустаная и Челябинска. «Зеленая армия» провозгласила следующие лозунги: «Долой коммуну и коммунистов-узурпаторов!», «Да здравствует учредительное собрание!». Крестьяне все беды видели в продотрядах. Подтверждение этому – действие продотряда Кабанова в Новоалексеевке. В доме вдовы Ирины Ткачуковой двое продармейцев устроили настоящий погром, стреляли из винтовки, а хозяйку пытались изнасиловать. Перепуганные дети выпрыгнули из окон, поранились. Кабанов не придавал происшедшему никакого значения. Количество восставших достигло 100 человек. Они расстреляли уполномоченного Карасульского и Всесвятского

продовольственных районов Ф.Повидайкина и Ильина. В Крыловке был застрелен бедняк Тлеубет Каракучуков, а у Всесвятского убит милиционер Коршун. В ночь с 24 на 25 августа 1920 года «зеленые» захватили Всесвятское (ныне Сарыколь), обезоружили отряд красноармейцев в 42 человека и арестовали партийно-советский актив. Райпродкомиссар Медведь дал телеграмму в Пресногорьковку: «Срочно примите меры помощи Всесвятскому. «Зеленый» отряд обезоружил красноармейцев, касса взята, все оружие взято. Расстреляны продработники. «Зеленые» выбыли на Убаган в сторону Кустаная. Силы отряда до 100 человек». Отряд ушел на Сорочинку, захватив петроградского рабочего Медведя и начальника милиции Сараева. Позже ими был разоружены 30 красноармейцев уездкома Мешкова. Отряд особого назначения Д.Ковалева после ухода «зеленых» прибыл во Всесвятское из Федоровки. Шестеро сочувствующих восставшим были расстреляны у озера Сарыколь. В отряды особого назначения принимались только коммунисты и комсомольцы. Их усилиями 29 августа крестьянская армия была разбита. Она распалась, стала действовать мелкими группами, напоминая о себе до декабря 1920 года. Об этих событиях документы сообщают сухим языком, но строчках и сегодня чувствуется нечеловеческое напряжение того жестокого времени.

26 августа председатель Акмолинского губревкома В.Барлебен послал телеграмму из Петропавловска в Омск: «В селе Всесвятское неожиданно напали на двух ответственных сотрудников по заготовкам продовольствия, расстреляли районного комиссара, толпа арестовала и обезоружила красноармейцев. За этим во Всесвятское введены дополнительно 50 человек с двумя пулеметами и умелым ведением боя восстание подавлено».

Об этих выступлениях в Сорочинке, которые подавил отряд Ковалева и прибывший из Петропавловска отряд 189-го стрелкового полка, начдив-21 писал: «в районе села Всесвятского на почве продразверстки вспыхнуло контрреволюционное восстание. Приказываю комполка тов. Серову выделить из состава полка отряд в составе 50 хорошо вооруженных и вполне надежных красноармейцев, придав к нему 2 пулемета. Снабдив отряд

продовольствием на 10 дней, отправить его походным порядком (на подводах) через ст. Пресногорьковская в село Всесвятское. По прибытии получить все данные у райпродкомиссара и, объединив ближайшие отряды, работающие по заданию наркомпрода, немедленно подавить восстание. О ходе подавления доносить с ближайших пунктов, имеющих телеграф».

В конце августа 1920 года в Сорочинку прибыл продотряд, который встретила толпа женщин и детей и чоновцы отступили. Вслед за ними для проведения следствия прибыл член губполитбюро и исполкома Петропавловска чекист Л.Н.Дульский, проводивший следствию по заговору «зеленых». Зерно было отнято все.

1 сентября Дульский докладывал из станицы Пресногорьковской: «Восстание подавлено, некоторые зачинщики арестованы. Красноармейский отряд прочесал степь, бандиты спаслись бегством, продолжаем преследовать. Самому необходимо задержаться еще, выяснить, сколько осталось в деревнях бандитов» (Логачев В.А).

В аналитической сводке Омского губисполкома о состоянии Петропавловского уезда за период 1 – 15 ноября говорится: «Говоря о настроении крестьян, приходится отметить широкое распространение контрреволюционной агитации кулацкого и казачьего населения, которая направлена к разложению комячеек и комсоюзов молодежи, обессиливая этим работу на местах. Исключительно указывают как причину на разверстку – видите, у нас все отбирают, а нам ничего не дают и забирают мобилизацией последних работников из домов и нас хотят оставить голодными. Местные комячейки обессилены. Крестьянство грозит – если вы будете у нас так отбирать, то мы вас всех уничтожим. Такие явления наблюдаются в большинстве в казачьих станицах. Во Всесвятской волости было неорганизованное восстание на почве хлебной разверстки. Все эти недовольства сосредоточиваются на неправильном распределении разного рода разверсток и подводной повинности, так как все тяготы несут бедняки наравне с кулаками. Кулаки приспособились и ввели свою систему: каждую разверстку распределяют со двора. У кого две скотины – берут одну, кулак имеет 10 – тоже одну. И подводная по-

винность налагается не по размеру хозяйства, а с каждого двора. Такие действия местных сельских исполкомов ставят беднейшее крестьянство под влияние кулака. Члены таковых исполкомов сильно поощряют варение самогонки, в котором усердно принимают участие сами, и милиция не в состоянии с таковой бороться, так как набрана из ненадежного элемента, вступившего в милицию с целью наживы и спасения от воинской повинности».

В декабре 1920 года, объехав весь Петропавловский уезд в качестве уполномоченного по продразверстке, Л.Дульский докладывал исполком: «Кулачество определенно сказало товарищам – посмотрим, что вы теперь возьмете у нас и как мы будем с вами считаться (из слов партийных товарищей станицы Пресногорьковской). В селе Всесвятском узнаю, что было продовольственное восстание в Сорочинском. Захожу в райпродком, чтобы узнать подробно и получаю ответ от райпродкомиссара товарища Воеводина: «Такая история будет не только в Сорочинке, но и в каждом селе нашего района, что неизбежно это должно быть при наших работах». Меня удивил этот вопрос... решил созвать партийных товарищей Всесвятского и узнать, в чем именно дело и как они смотрят на происходящее и будущее. На собрании оказалось, что ни один из товарищей не знал продовольственной политики Советской власти, т.е. никто им не говорил, что значит сия разверстка: не указывают норм на семена и корм, забирают весь хлеб, сырье – словом, выходило, что приходят к крестьянину, берут хлеб молча и все, дальше крестьянин спрашивает у «своих» коммунистов деревни: «Как это так, забирают все, как же будем жить потом?» Свой коммунист ответа не находил, и естественно, создавалась постепенная злоба, этим воспользовалась кулачская контрреволюция и произошло Сорочинское восстание... На собрании было решено создать «тройки» и приступить к работе без продагентов и «штыка». По Всесвятскому была выполнена минимальная разверстка имеющегося наличия. Товарищ Медведь, продкомиссар Всесвятского района, сказал: «Я тоже не совсем знаю продполитику, ибо работаю по приказам и телеграммам, вам же лучше там, в городе известно, что и как». Самый корень восстания в селе Сорочинском, на мой взгляд в бестактности, непонимании и необъясне-

нии продовольственной политика гражданам и даже местным ячейкам. Неумение завербовать эту массу своевременно выливалось в нежелательные последствия. Правда, здесь руководили, может быть эсеровцы, но почему такой революционный район как Всесвятский, где сотни могил расстрелянных колчаком покрыли дороги, пролетариат этих мест пошел с кулаком? При желании и энергии можно взять массу под свой коммунистический контроль»(ГАСКО.ф.55).Чекиста Дульского убили во время февральского мятежа 1921года в Петропавловске.

Тогда же особоуполномоченный по продразверстке в Пресногорьковском районе, член уисполкома М.Басков (весной 1921 года исполнял обязанности председателя Акмолинского губисполкома) в докладе Петропавловскому уисполкому сказал: «Большинство посланных со мною товарищей я почти не знал и познакомился с ними ближе во время пути... все они почти новички в продовольственном деле, сумели расшевелить деревню и провести частично ее расслоение на две группы – имеющих излишки хлеба и не имеющие таковых. Возникали мелкие трения и недоразумения с находившимися уже на местах продработниками, и, конечно, не с рядовыми, а с разными комиссарами этих отрядов. В данное время, помимо уполномоченных, в районе работают три московских продотряда. Рядовые продармейцы почти раздеты и разуты, в связи с холодами их использовать в должной мере нельзя. В каждом поселке произведены тщательные обыски у кулаков, по указанию бедняков и комячеек, правда, давшие весьма незначительные результаты. Взято все, что можно, говорить об оставлении нормы или полунормы не приходится. С этим приходится не считаться при самой интенсивной выкачке хлеба, по приблизительному счету (необмолоченного хлеба) с Пресногорьковского района взято около 250000 пудов, т.е. 20% разверстки. Повторяю – взято все, что можно, и, конечно, не излишки, а гораздо больше чем они. При отправке уполномоченных в район в задачу им ставится, помимо расслоения деревни, еще внушить населению, что выполнение разверсток является для них обязанностью по отношению к пролетариату центра и власти. Эта-то задача, можно сказать, почти не выполнена: такое сознание крестьянам оказалось невозможным

и вряд ли, что всецело по вине крестьян, причин многорудых, совершенно не зависящих от населения. Крестьяне прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского уезда, где население зажиточное, наложено 10 – 12 тыс. пудов, а на таковую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25 – 30 тыс. пуд. Некоторые разверстки наложены слишком поздно... Все это вызывает недоверие, создает конфликты, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может и по злобе на что – либо. Вот в это-то разубедить очень трудно... Сибирский крестьянин, в частности Петропавловского уезда, в общем и целом отдал и отдает Республике все, что можно. Он без особых затруднений, сознавая, что Соввласть – его власть, выполняет все разверстки полностью. Нельзя сказать, что хлеба нет в районе совсем – это будет неправда, он есть, все же его недостаточно, чтобы выполнить полную разверстку. Еще раз от имени всех 25 уполномоченных, посланных со мною в Пресногорьковский район, заявляю, что нами сделано все, что возможно, изъят весь хлеб. Мы в районе твердо помним наказ – не поддаваться слезам и уверениям населения, что у них нет хлеба, а делали свое дело, твердо помня катастрофическое положение центра. В селах, где хлеб немолоченный приняты все меры к обмолоту его. Нельзя скрыть того факта, что многие кулаки в проведении разверсток заблаговременно еще летом сплавляли хлеб киргизам, но сделали все это незаметно для своих сельчан, а у киргиз найти его – задача непосильная» (ГАСКО.ф.55).

По воспоминаниям А.Скрипкина, боеприпасы отряду Ковалева летом 1920 года доставляли семь красноармейцев под командованием разведчика Никифора Комахи. Следуя из Акчикуля к Анновке, они наткнулись на противника. Комаха остался прикрывать отход обоза, приказав остальным спрятаться в камышах. Его схватили, подвергли пыткам, но ничего не добились. Ему нанесли свыше сорока шашечных ударов и бросили как умершего в трех километрах от Акчикуля. Здесь его подобрал бойцы-ковалевцы. Никифор выжил благодаря богатырскому

здоровью, но потерял пальцы на руках, заслоняясь от ударов пашкой.

Всю осень и зиму 1920 года вспыхивали выступления недовольных изъятием хлеба крестьян, их поддерживали те, кто лишился при новой власти положения и состояния. На хуторах Пресногорьковского района стреляли в окна домов активистов. Отряд Ковалева действовал против таких выступлений в Белоградовке, Лопушках, Новорыбинке. Действия бывших хозяев земли толкали продотрядовцев на ответную жестокость. Так в Пресногорьковке один из бедняков со своим 15-летним глухонемым сыном жил в шалаше на выделенной ему пашне. Ночью бывшие хозяева земли отрубили им головы и оставили в шалаше. Утром пришедшей с завтраком дочери предстала ужасная картина расправы.

Продразверстка шла тяжело, политика «военного коммунизма», проводимая в мирных условиях, заставляла крестьянина-середняка с недоверием относиться к советской власти, которую он поддержал совсем недавно. Из книги С.М.Муканова «Школа жизни»: «Продразверстка была завершена Пресногорьковским райпродкомом к началу января 1921 года, и об этом немедленно сообщили по телеграфу В.И.Ленину. Все-таки с продразверсткой пришлось трудно. Выполнялась она гораздо ниже плана. Помню, как комиссар Пресногорьковского райпродкома Дерябин созвал совещание, Акмолинская область обещала товарищу Калининну собрать 3 млн. пудов зерна. Четвертую часть этого хлеба должен был сдать наш Пресногорьковский район. Ленину комиссар обещал выполнить продразверстку к 10 января.

В нашем краю часто попадают курганы, братские могилы, насыпанные еще во время войн. В 25 верстах от станицы Пресногорьковки насыпан высокий Сары - оба – Желтый курган, изрытый волчьими и лисьими норами. В этих-то звериных норах кулаки окрестных сел и станиц прятали хлеб. Кулацкое сопротивление было столь жестоким, что многие продотрядовцы погибали в этих стычках».

Как продолжение сопротивления в начале февраля 1921 года в Сибири и Северном Казахстане вспыхнуло Западно-Ишимское восстание.

Главные его причины определили в письме от 17 февраля 1921 г. председателю Сибревкома И. Н. Смирнова жители деревни Мокшина Тушнолобовской волости Ишимского уезда:

1) Неисполнение властью своих приказов и слов, ради чего остались не только без семян, но даже и без куска хлеба.

2) То, что личность человека перестала быть личностью его, а стала как инвентарь.

3) Крестьянин, живя на страже своего сельского хозяйства и видя неминуемую гибель его от настоящих условий, приходит к умопомрачению, ради чего теряет свое равновесие к государственной власти".

Движущими силами восстания стали остатки колчаковцев, эсеровский крестьянский союз, недовольное продразверсткой крестьянство. Основными лозунгами восставших были «Долой продразверстку!», «Советы без коммунистов». Возникло несколько повстанческих очагов движения. После захвата 14 февраля уездного Петропавловска, отряды восставших двинулись по хуторам и станицам Горькой линии в надежде найти поддержку со стороны враждебно настроенного к советской власти казачества... В районе станции Петухово сформировались две дивизии «Петуховской армии» (до шести тысяч человек), к 20 февраля отряды повстанцев захватили Макушино и Лебяжье. На линии восстание охватило казачьи станицы, крестьянские хутора и деревни. Перевороты в станицах Становой, Дубровинской, Михайловской произошли 13-14 февраля. При взятии ст. Петухово крестьянская волна из Ишимского уезда переклестнула через железную дорогу на Пресногорьковскую линию, 16 февраля восставшие заняли станицы Железную, Богатую, Миролобовскую, Лапушинскую. 18 февраля пала Новорыбинская, где образовался повстанческий штаб во главе с Л.Проскуриным. В 20-х числах были захвачены Пресновская и Казанская станицы. В Пресновской 21 февраля местные активисты были расстреляны у станичного кладбища

В Приишимье образовался мощный очаг восстания под руководством казака из Екатериновки подхорунжего С.Г. Токарева. Он командовал вновь сформированной 1-й Сибирской казачьей дивизией. Семен Георгиевич воевал в Первую мировую в 1-м

Сибирском казачьем полку, а в Гражданскую – в 4-м с мая 1919. После падения Омска, в ноябре 1919 года, он сдался в плен к красным. Но последующие события вновь заставили его воевать на стороне белых. В середине марта ему доверяют командование дивизией.

В листовках повстанцев говорилось: « По всем казачьим станциям создаются отряды из всех годных носить оружие, не считаясь с возрастом».

«Ужасы, творимые повстанцами не поддаются описанию. При поимке коммуниста клали его на козлы и пилили пилой. Опускали товарищей-коммунистов в колодезь, потом вытаскивали и замораживали на морозе 30 – 40 градусов» (из доклада Ф.Н.Воронова Омскому губкому партии). Свидетель писал: «Вот ответственный секретарь, член президиума уисполкома, коммунист. Тов.Гозак, над которым издевалось кулачество станицы Новопавловской. Живому отрезали ноги поперечной пилой. Коммунист Соленик Василий – в гробу лежал кусок порезанного мяса. Райпродкомиссар Петуховского района тов. Соловейчик – живот был разрезан, куда была насыпана пшеница, на груди вырезана цифра 100%, означающая выполнение продразверстки». На Пресногорьковку от Пресновки наступал отряд кабаньевского есаула Ивана Дурнева и Ольгинского, который насчитывал до 1500 ялutorовских и пресновских казаков («1-я народная армия»). Они захватили Пресноредут и Макарьевку, где проживала семья Дурнева. Небольшие группы повстанцев рассыпались по окрестным селам и аулам, проводя разведку. В разведсводке штаба приуральского военного округа от 16 февраля (район 24-й дивизии, Курганский боеучасток) говорится, что «в районе ст.Пресногорьковской замечена банда, численность которой не установлена».

Начальник правого боевого участка 20 февраля доложил военному Курганского уезда:

«По донесению начальника вооруженных сил тов. Ковалева, повстанческое движение сильно разрастается, чуть ли не весь Петропавловский уезд восстал, численность банд велика, большинство которых — кавалерия из казачества. У нас же вооруженной силы мало, оружия недостает, патронов совсем нет. От-

ряд Ковалева от Пресногорьковки отступил, так как бандиты нападают и двигаются по казачьей линии. Ввиду неимения достаточных вооруженных сил и полного отсутствия патронов, устоять и дать отпор мы не в состоянии, и, возможно, в силу неустойки* придется отступить от Пресногорьковки. Для предотвращения разрастания повстанческого движения категорически требуем немедленной высылки хорошо вооруженного подкрепления с пулеметами и как можно больше патронов, ибо движение повстанцев стихийное. Сообщите Челябинску и Петропавловску. Ждем немедленного подкрепления».

Таким образом, по мнению В.А.Шулдякова «вокруг Пресногорьковской станицы возник самостоятельный повстанческий район. Но можно ли считать его пятым по счету большим казачьим очагом Западно-Сибирского восстания? Не исключено, что казаков в Пресногорьковском очаге было не меньше, чем в Пресновской или Исилькульской группировках».

Это предположение подкрепляется расшифровкой разговора по прямому проводу начальника оперчасти штаба Приуральского военного округа (Екатеринбург) с комбригом -69 в 6 часов вечера 23 февраля. «Противник – около 400 пеших и 200 конных занимает Баксарскую (15 верст юго-восточнее станции Лебяжье). В бою под Лебяжьевской захвачен в плен командующий группой народной армии повстанцев Третьяков. Станция Макушино занимает противником. Район местности от Петропавловска до Новорыбинской (100 верст юго-западнее Петропавловска) населенный казаками, охвачен восстанием. В Лопатинской волости, 30 верст южнее Лебяжьей, находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станицу Пресногорьковская (70 верст южнее Лопатинского) привлек на свою сторону посредством агитации до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало. Настроение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки». Видимо, речь идет об отряде есаула Дурнева.

В Пресногорьковской волости Дмитрий Ковалев стал формировать заградотряд из бывших партизан. В него шли люди из Сретенки, Федоровки, Узункуля, Ершовки, Нурумбета, Евгень-

евки, дальних аулов. В окрестные поселки были отправлены разведчики – Георгий Лавринов отправился в Федоровку, Ларюшин в Починовку, Михаил Сухов в Алабугу.

Георгий Лавринов вспоминал: «Сформировали сотню, во главе ее стал Борис Федорович Бедрин, роту пеших добровольцев передали под начало командира продотряда Федора Дерябина. Двумя эскадронами командовал Константин Егоров. Игнат Семенович Усачев возглавил взвод конной разведки. Выступил Ковалев. Он рассказал о грабежах, истязаниях, расстрелах мирного населения. Опасность состояла в том, что банда Волкова в любой момент могла ударить в наш тыл со стороны Звериноголовки». Игнатий Усачев был родом из Кабаньей, где пользовался большим авторитетом. Через пленных казаков он передал повстанцам письмо, и часть станичников заколебались, а в разгар активных боевых действий сам проник во враждебный лагерь, рискуя жизнью, и сумел разагитировать непримиримых казаков.

Холодным утром 27 февраля отряд Ковалева выступил к Камышловке. Еще до начала боя отряд потерял бойца – работник исполкома Егор Ларюшин был захвачен повстанцами в Починовке, ничего не сказал на допросе и был зарублен. Труп его был обнаружен в Пресновке среди других убитых. Тело с отсеченной головой привезли в Пресногорьковку и похоронили на площади. «Хоронили с почестями. Все село было. Молодежь из комсомольцев пели «Интернационал». Поставили досчатый памятник со звездой.

В 40-х годах вокруг памятника посадили сквер, акации. Саженцы поливали младшие школьники, воду носили из озера» (очевидец). В середине 30-х обелиск установили из железа, таким он и существует поныне.

Жестокий бой развернулся на том месте, где 1919 году сложили головы красноармейцы 2-ой бригады, у озера Ульева. Поначалу есаул Дурнев послал в атаку лишь сотню всадников. Он надеялся, что ковалевцы не выдержат натиска конницы, а разгромив пехоту, казаки откроют путь на Пресногорьковку. Сотня стремительно приближалась к позициям ковалевцев и неожиданно попала под перекрестный пулеметный огонь. Среди всад-

ников началось замешательство. Приказа об отступлении не требовалось. Зажатые в тиски конницей Бедрина и Егорова повстанцы, отстреливаясь, ушли в степь на хутор Троебратский. В этом бою ранен был Ф. Дерябин, погиб Г. Захаров – комбат, уроженец Ершовки, Глядянского уезда. Он привел из Звериноголовской батальон на помощь ковалевцам. До Пресногорьковки его везли на санях под присмотром фельдшера Федора Курбатова, здесь он умер и был похоронен в центре станицы. Роту принял Петр Ефимов, позже погибший под Новорыбинкой. В Ершовке на месте его захоронения установлен обелиск.

Правым боевым участком командовал Воротков. В участок входил сводный отряд (которым, по-видимому, командовал Ковалев), 1-й Симбирский полк и батальон особого назначения ВЧК. Сводный отряд с рассвета 6 марта наступал на юго-восток из района Пресногорьковская – Кабанья, «имея справа ограниченную линию Пресногорьковская – Казанский-Евгеньевский - ур. Курол - Городецкий - Коноваловский, а слева Кабаный – Екатеринославский-Петровский-Благовещенский-Семипольское». Левым боевым участком командовал Ильин, имея под своим началом 249-й и 209-й стрелковые полки.

После поражения у Камышловской есаул Дурнев повел казаков к Ишиму, надеясь переправиться через него. Однако ледоход не позволил этого сделать. В районе Крещенки и Белоградовки завязался бой. Повстанцы ушли на Всесвятское. Обходным маневром главные силы Ковалева ночью заняли Всесвятское, и утром повстанцы встретили там неожиданное сопротивление. Поняв, что окружение неминуемо грозит гибелью, сотня в агонии повернула на Пресногорьковку и заняла ее. Население подверглось грабежам, несколько человек были зверски замучены и тела их брошены в лесу «Маяк». Повстанцы расстреляли председателя Федоровского сельисполкома Федора Каргаполова (под Пресновкой) и председателя Пресногорьковской комячейки Данилу Самойловича Селезнева (в Хлупово). Отряды повстанцев были разбиты в районе Жолтыков – красноармейский отряд со станции Лебяжье, и отряд Ковалева уничтожили остатки недовольных властью Советов. Есаулу Ивану Дурневу удалось спастись. За пособничество Дурневу в Пресногорьковке были расстреляны

священник Василий Преображенский (останки его и малолетней дочери были обнаружены автором в 1977 году)*, Петр Васильевич Лутченинов – церковный староста, Иван Андреевич Столбинов – завскладом кредитного товарищества, бывший белый офицер, учитель Григорий Михайлович Алимов, работник волисполкома Кузьма Петрович Пожидаев, Угренинов Дмитрий Яковлевич, монахины Михайловского монастыря. Караульное помещение, где охранялись арестованные, размещалось в двухэтажном доме Токарева, и в доме Якова Миронова. Волисполком располагался в офицерском доме на круче у Пресного, который простоял до конца двадцатого века. Дом имел двойной погреб и тайный ход, имевший выход на берег озера.

Одним из наиболее популярных лозунгов восстания - «С нами Бог!». Повстанцы повсеместно выступали за возрождение поруганного Православного векового уклада. 17 февраля в Петропавловске был расстрелян чекистами епископ Петропавловский и Акмолинский Мефодий. После подавления очагов восстания в станицах произошла кровавая расправа со священнослужителями. Под «красное колесо» попал и священник Василий Преображенский – был расстрелян за участие «в шпионаже и грабежах». Священнослужители представляли реальную опасность для новой власти. В.И. Ленин писал тогда: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Апрельские оперсводки были тревожны и примерно одинакового содержания: « В Челябинскую губЧК. 9 апреля. В Курганском уезде банда в 100 дезертиров. Около станицы Пресногорьковской 300 бандитов. Банды разбирают железную дорогу, жгут мосты, рвут провода и освобождают арестованных».

Весь апрель ковалевцы вели активные действия на территории Петропавловского уезда. Так, 18 апреля по приказу командующего войсками Петропавловского района Ф.В.Егорова, отряд Ковалева выдвинулся из Кабаньей на Благовещенку и занял Семиполки, имея задачу не дать повстанцам Булатова прорваться на юго-восток и поддержать наступающие на Архангельскую

и Рождественку красные части. В ходу была поговорка, «Ковалевых много» – так быстро передвигался конный отряд, неожиданно появляясь в разных местах уезда.

На стороне повстанцев выступали жители Пресноредутской – комендант урядник Данила Шилов, вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов, сибирцы – Жуков, Баландин.

За новую власть боролись пресногорьковчане – Д.Воронин, И.Рулимов, П.Тимофеев, казанцы – Е.Дробышев, Е.Чернооков, военком, секретарь волисполкома, богоявленцы – Бобрешовы Алексей и Ефим Михайловичи, милиционер Павлухов, песчанцы – Суслов А.И., Яганцев И.А., Мехнев Д.П., Дедов И.Т., Угренинов И.П., Попов П.Е., Коваленко Спиридон, милиционер.

Разведчиками в отряде Ковалева были Г.П.Лавринов, М.И.Сухов, А.П.Лавринов. Адьютантом и кучером на тачанке Ковалева служил И.П.Пономарев.

Интересен документ, датированный 3 февраля 1921 года, написанный от руки на листе из бухгалтерской книги, его содержание хорошо передает дух того времени (передан автору известным сарыкольским краеведом В.В.Стародубом). Стоит привести его полностью, сохраняя орфографию.

«Воззвание! Командира всех сводных красных советских боевых отрядов по ликвидации бандитизма тов. Ковалева.

Товарищи три года упорной борьбы рабочих и крестьян с ненавистным ярмом капитала. Показали нам, что у власти должны быть только мозолистые руки, крепко держащие красное знамя за социализм. Ни одна другая власть не будет так заботиться о бедняке как наша рабоче-крестьянская пролетарская власть. Эта же борьба показала, что враги трудящихся побеждены всюду на кровавых фронтах. Нам осталось победить еще лишь только разруху. Мы твердо уверены, что это препятствие мы победим, нанесем окончательное поражение внутреннему врагу. Кулаки, офицерство, духовенство, прикрывшись доброжелателями народа, избрали орудием своих гнусных замыслов темное казачество. Они затуманили заманчивыми обещаниями глаза казачеству и последние местами восстали с оружием в руках против трудящихся. Товарищи крестьяне будьте благоразумны! Не следуйте примерам этих безумцев, которые обрекли на верную гибель

сами себя, свою семью и свою станицу. Это пособники, жаждущие возврата старого гнилого прошлого, будут беспощадно уничтожаться властью трудящихся той властью, которая стоит рабочим и крестьянам много крови упорной борьбы с вековыми угнетателями капитала и пр.

Подлинную подписал командир отряда по ликвидации бандитизма Ковалев. Нач. оперштаба Аболин. За адъютанта В. Бомезовская. Разослано».

В 80-х годах пенсионер И.И.Матвиенко вспоминал о том, что писал под диктовку быстро ходившего по комнате Ковалева, подобное послание населению уезда. В нем говорилось, что те, кто выдает коммунистов бандитам, будут беспощадно караться советской властью. Главную линию воззвания Дмитрий Ковалев проводил жестко в течение трёх месяцев борьбы с повстанцами. Подобным образом действовали командиры многих отрядов, жестокость порождала ответную реакцию противоборствующей стороны.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд Иванова по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к Госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т.Иванова с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укро-

щению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказать от услуг т.Иванова, как бы ценны они не были» Этот отряд был расформирован в середине мая.

Внесудебные расправы были обычным делом. Даже спустя многие месяцы после восстания, в декабре 1921 года, районные начальники милиции в Тобольском уезде, вместо отправки арестованных в уезд, расстреливали их на месте. Части Красной армии, подавлявшие мятеж в Петропавловском уезде занимались, по признанию начальника 21-й дивизии Ф.Егорова, массовыми грабежами. В станице Боголюбовской красноармейцы 26-го кавалерийского полка ограбили дома всех местных жителей и разорили церковь в Михайловской. В Новорыбинской отобрали 60 подвод.

Подверглись жестоким репрессиям представители духовенства. «Первыми жертвами стали ныне канонизированный епископ Петропавловский Мефодий и несколько священников Вознесенского собора, имена которых пока неизвестны, обвиненные в том, что якобы колокольным звоном встречали восставших при захвате ими Петропавловска. Коммунисты не приняли во внимание того, что восставшие пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, заблаговестили к вечерне. Тело архиерея долгое время лежало на пустыре, на пути к вокзалу – для назидания. Некоторые из священников по приговору судов были отправлены в концлагеря». Были расстреляны священники о.Василий Преображенский и псаломщик Петр Лученинов, (ст.Пресногорьковская), о.Владимир Панькин (с.Благовещенское), о.Александр Знаменский (с.Бугровое). В Омской тюрьме скончался о.Стефан Андреев, священник Пресновской церкви (Шатилов С.Ф.).

Восстание закончилось поражением крестьянства и казачества и стало называться в официальной историографии «мятежом». Подобная участь постигла восстания в Кронштадте и Тамбовской губернии. Председатель Сибревкома И.Н.Смирнов в телеграмме В.И.Ленину 12 марта 1921 года сообщил, что в одном только Петропавловском уезде убито при подавлении восстания 15 тысяч крестьян, в Ишимском – 7 тысяч. За весь период

восстания только в Тюменской губернии и Петропавловском уезде было убито свыше 35 тысяч крестьян. Ряд станиц были фактически уничтожены – например, Лобановская, Кокчетавского уезда. В 1979 году внук одного из активных участников восстания Петр Пономарев рассказывал автору, как дед, лобановский казак, утопил в Ишиме оружие и сдался большевикам. Был расстрелян чекистами.

В Пресногорьковке был создан отряд ЧОН №3, его командиром назначили Церахто Ф.Н. Рота насчитывала 150 человек и взвод кавалерии, состоявший из казахов Анастасьевской волости, которым командовал казак из Камышловки Ларюшин. Взводными были бывший вахмистр Борис Бедрин и Григорий Зубцов (комендант Пресногорьковки). Рота занималась продразверсткой вплоть до начала новой экономической политики.

Об этом рассказывает Федор Церахто: «Оставалось уничтожить остатки самых оголтелых бандитов, скрывавшихся в лесах. Многие сами выходили и сдавались властям. Руководящий состав округа состоял в основном из знакомых ребят. Егор Никитович Чернооков руководил заготовительной организацией, Ваня Губин был уполномоченным ГПУ, Павел Ширяев – народным судьей, Паузин – заместитель секретаря райкома РКП (б). Но были и такие, которые не внушали доверия. Мой подчиненный, командир первого взвода Бедрин, был раньше казачьим офицером из богачей, председатель волисполкома Успеньев и секретарь райкома РКП (б) Давыдов – темными, никому не известными личностями. Вскоре Давыдова убрали, а Бедрина я заменил другим командиром. Вместо Давыдова был избран секретарем Паузин. Это был исключительно честный труженик. В ночное время через окно из винтовки тяжело ранили Зубцова. Преступника найти не удалось. Вскоре после этого случая я шел поздно ночью на квартиру. Вышел на площадь. Вдруг из-за угла улицы выскочили два всадника. Я окликнул их, мне не ответили. Я выхватил браунинг и повторил вопрос, вместо ответа грянул выстрел. Пуля прожужжала мимо. Я упал на землю и сделал два выстрела. Всадники проскочили в другую улицу и скрылись. Пришлось каждую ночь назначать в станице патрули. Ночные

дежурства несли комсомольцы 16 – 17 лет из беднейшего казачества, беззаветно преданные революции».

О том, что обстановка была тревожной и через несколько месяцев после подавления Западно-Ишимского восстания свидетельствует оперсводка от 17 августа 1921 года по Челябинской губернии: «Развивается мелкий уголовный бандитизм. В Курганском уезде наблюдается действие мелких банд, в Пресногорьковском районе оперирует банда численностью в 500 человек. Бандитизм усиливается, население сочувствует бандам».

Несмотря на это гражданская война в крае постепенно затихала. Казаки, ушедшие с белыми, продолжали вести борьбу против Советов на Востоке. Остатки Народной повстанческой армии направились на юг, в район Кокчетова. При взятии Каркаралинска, 6 апреля, Иван Дурнев командовал одним из повстанческих полков. Тогда наступающая дивизия захватила 400 винтовок. Здесь 1-я казачья Сибирская дивизия и Первая Курганская освободительная дивизия были объединены в Сибирскую народную дивизию под командованием подхорунжего С.Г.Токарева. В Каркаралинске повстанцы порубили около 120 человек. Дивизия с боями пробивалась в Китай и в конце апреля, перевалив хребет Тарбагатай, оказалась в Синьцзяне. На реке Эмиль-хо 1700 бойцов Народной дивизии соединились с 4-ым Оренбургским корпусом генерала А.С.Бакича. В течение всего 1921 года соединения вели активную борьбу против красных на территории Китая и Монголии. Конец их был трагичен. Вот как описывает эти события В.А.Шулдяков: «Бакич с остатками своего отряда бежит в Монголию - в Улангом. Теперь не только бойцы, но и сам железный генерал ощущает безысходность. Силы исчерпаны. Парализована воля. В ночь с 29 на 30 декабря 1921 года Бакич и с ним 700 белогвардейцев и повстанцев (среди которых были С.Г.Токарев и Иван Дурнев) капитулировали перед монголами. Согласно легенде, Бакич вытащил из кобуры и отбросил в сторону револьвер, взял в руки большой деревянный крест и так пошел во главе колонны своих людей – сдаваться». В Урге 3 февраля 1922 года 20 руководителей были переданы Советам. В Новониколаевске (ныне Новосибирск) двадцатку

судил Е.М.Ярославский, старый большевик-ленинец, он и зачитал в мае 1922 года расстрельный приговор.

Судьбы...

Бывший управляющий конторой фирмы «Мак-Кормик» в Пресногорьковке есаул Иван Денисович Жвалов после разгрома 1-й казачьей дивизии оказался в Красноярске под фамилией Базаров. В 1921 году он перебрался в Тюмень и в короткий срок создал в Омске, Петропавловске, Кургане, Павлодаре военные комитеты по подготовке вооруженного восстания с целью создания «автономной крестьянской республики». По делу жваловской организации было арестовано более 200 человек. 18 мая 1923 года ее руководитель был расстрелян по приговору суда. В 1919 году Жвалов командовал карательным отрядом в Пресногорьковской волости, занимался конфискацией фуража для снабжения колчаковских частей.

Расстрельная участь постигла и красного кавалериста Бориса Федоровича Бедрина (1880 – 1938 гг.), обвинением послужил факт его службы урядником в Пресногорьковке до революции и потомственное дворянство (автором найдена часть надгробной плиты с надписью «здесь похоронена дочь дворянина Нина Борисовна Бедрина, прожившая на сем свете 4 года и умершая 9 января 1907 года. Да упокоится душа ее с миром»). В семейном архиве Токаревых-Островских сохранилось письмо, отправленное подружкой детства Маше Токаревой, написанное через много лет после гражданской войны. В нем есть строчки, характеризующие деятельность бывшего урядника: «Мужчины в прошлые те года погибали по руководству Бори Бедрина, без суда и следствия уничтожал. На кого - то имел злорадство с юных лет, он же был потомственный, из семьи дворянского племени». Не доверял ему Федор Церахто, несмотря на ревностную службу. В 1938 году Бедрин работал в Сенжарке, Мамлютского района, начальником почты и был арестован 26 января. Уже 5 февраля тройка УНКВД СКО приговорила его к высшей мере наказания по ст. 58-8, 58-10, 58-11.

Дворянство Бедрины получили в середине XIX века за верную службу Царю и Отечеству, войсковой старшина Федор Бед-

рин командовал 1-й бригадой, подавлял восстание против реформ П.Киселева в Курганском уезде.

Неизвестна судьба есаула Владимира Федоровича Бедрина (родился 30 октября 1870 года, ранен в русско-японскую войну, награжден двумя орденами Св.Станислава, двумя орденами Св.Анны и орденом Св.Владимира, командовал 2-й сотней в 7-м полку. С 1 октября 1916 года – советник Войскового правления) и Софьи Федоровны Бедриной, потомственной дворянки.

Хорунжий Иван Шилов, воевавший в армии Колчака, был пленен под Красноярском после окружения 1-й Сибирской казачьей дивизии в январе 1920 года. Он дожил до весны в тифозных бараках концлагеря и был отпущен домой, в казачий поселок Пресноредут станицы Пресногорьковской. В середине 20-х годов Шилов вместе с товарищами из Песчанки организовал сельхозартель, которая распалась после гибели новой экономической политики. В конце 30-х начались аресты и расстрелы бывших белых офицеров. Ивану повезло – за день до ареста его предупредили о смертельной опасности, он вынужден был уехать на юг.

Рамазан Даушанов, бывший партизанский связной, прожил долгую и трудную жизнь, умер в возрасте 85 лет в Омске.

Н.М. Комаха, партизанский связной, после жестоких ранений более года лечился в Москве, умер в 1957 году, похоронен в п. Королевка Узункольского района. По воспоминаниям: «крутого и веселого нрава был человек, обе руки без пальцев, а бутылку водки умел брать и держать. Заезжал на коне прямо в райком партии, никакой власти не признавал» (мой дед, Дмитрий Виниченко, был близко знаком со знаменитым партизаном и гордился дружбой с ним – примечание С.В.).

Дмитрий Ковалев, братья Рыбкины, большая часть активных участников партизанского движения, в конце 30-х годов перебрались в Ростовскую область, видимо, их опыт пригодился во время проведения коллективизации в донских станицах. В 1933 году Дмитрий был убит в Ростовской области шестью выстрелами из нагана. Убийцы были выходцами из наших мест. Младший брат Иван, комиссар отряда, дожил до глубокой старости и с почетом похоронен в Москве. О братьях Ковалевых

рассказал автору В.В.Стародуб в декабре 2008 года. По его словам, отец их был зажиточным скотопромышленником. После возвращения братьев с германского фронта, он принял решение продать скот. Сделать этот шаг ему посоветовали сыновья, предвидевшие скорые реквизиции. Братья создали отряд, и, обладая недюжинными организаторскими способностями, вошли в историю партизанского движения Петропавловского уезда.

Федор Церахто оставил в своих воспоминаниях записи о событиях весны 1921 года со слов отца. Сам Федор в это время служил в РККА. «В назначенный день восстанием были охвачены только станицы. Причем, значительная часть казачьей бедноты отказывалась выступать против Советской власти, но под силой оружия вынуждена была встать в ряды мятежников. Образовав станичные отряды, главари в тот же день разослали группы вооруженных бунтовщиков в крестьянские деревни: объединить вокруг себя кулачество. Недовольных вооружали, а потом так же силой собирали, все взрослое мужское население деревни требовали немедленного присоединения всех без исключения к восставшим. За малейший отказ расстреливали на месте. Оружия не было. Тогда организовали в каждой деревне кузницы, где изготавливали пики из железных вил. На 10 – 15 человек приходилась одна винтовка. Остальные вооружались охотничьими ружьями, пиками, топорами. В день восстания в Песчанку (у монастыря – С.В.) примчались несколько казаков из Пресноредутской. Все они были друзья-товарищи нашим сельчанам. Остановились у Порфирия Григорьевича Подобина, вызвали туда председателя сельсовета – моего отца и предложили собрать всех мужчин от 17 до 60 лет. Через полчаса все были в сборе. Казаки, не прибегая к угрозам, объяснили собравшимся, что по всей России вспыхнуло восстание против коммунистов. Советская власть остается, как она есть, а коммунистов народ решил изгнать, поэтому мужчины Песчанки должны немедленно организовать конную группу и присоединиться к восставшим. Но мужики стали возражать, восстание бессмысленно, говорили они, да и оружия никакого нет. Представители мятежников настояли немедленно организовать отряд, и тут же в кузнице Михаила Антоновича Скачка начали ковать пики. Два казака поскакали в

монастырь и привезли оттуда на подводе два ящика новеньких револьверов «Смит – Вессон», более ста штук, правда, без патронов. Монастырь в этом мятеже принимал активное участие. Руководители монастыря хранили много оружия: винтовок, револьверов и даже пулемет. Все это передано восставшим. Оставив 25 револьверов песчановцам, гости уехали. После отъезда мужчины долго обсуждали создавшееся положение. Никто, конечно, воевать не хотел, но нашелся один негодяй, кулак Михайло Сухорученко – Богослов. Он был этому восстанию безгранично рад и тут завертелся, как юла, проявляя кипучую деятельность. Он трех своих сыновей первыми посадил на коней и настаивал на том, чтобы все сделали то же. Близился вечер, нужно было выступать, скрыться было невозможно: кругом степь, леса скованы глубоким снегом. Тут отец взял ответственность на себя, решив подождать до завтрашнего дня. Богослов хотел ехать в станицу с доносом, но сыновья его никуда непустили. Ночью в деревню въехал какой-то отряд, вызвавший страшный переполох в каждом доме. Все считали, что пришла гибель, но вскоре узнали, что это красные и страх сменился радостью. «Если только один человек из вашей деревни ушел в банду, мы расстреляем вас на месте» - предупредили отца. В отряде оказался Илья Церахто. Красноармейцев было около 150 человек. Все разместились по хатам, оставив на улице несколько патрулей. На рассвете отряд был наготове. Разведка выявила в Пресноредутской большое скопление восставших, отряд решил внезапно напасть на них. Всего пять верст отделяло деревню от станицы. Проскочить это расстояние не составляло большого труда. Отряд был хорошо вооружен, имел два пулемета. Красные стали быстро приближаться к станице. Восставшие заметили их тогда, когда отряд был ближе, чем на выстрел и открыли беспорядочную стрельбу. Вскоре они не выдержали ошеломляющего пулеметного огня и бросились врассыпную. Банда, насчитывающая около четырех тысяч человек, большинство из которых были безоружны, в панике отступили, но местные казаки остались дома. Отъявленных главарей банд красные ловили и передавали ЧК. Эта же участь постигла и руководителей монастыря. Игуменья Евпраксия и ее правая рука, управительница

монастырской казны, Феофания, были арестованы. Выяснилось, что главари восстания часто собирались на тайные сборища в монастыре. Был арестован и Сухорученко-Богослов, но он вызвал своего сына Петра и попросил оставить его заложником на некоторое время, пока он сам сходит домой проститься с семьей. Ему поверили и разрешили. Он ушел и скрылся и из-за этого негодая, погиб его 25-летний сын».

Время рождает своих героев. Двадцатые годы прошлого века не явились исключением. Молодые парни оказывались в водовороте событий революции и гражданской войны, по разные стороны баррикад. Вот, к примеру, характеристика одного из героев нашей книги Федора Церахто, данная ему В.П.Харакозом, его племянником:

«Ещё один пример церахтинского типа – это Фёдор Николаевич Церахто, двоюродный брат нашей бабки Зои. В гражданскую воевал за красных, воевал за белых, разбойничал. Девятнадцать лет от роду, только дерись. У него и потом буйная жизнь была. Жену себе выкрал из монастыря, со всеми атрибутами романтического разбоя. В пору гонений на греков скрывался под грузинской фамилией Церахтадзе. Из-за этого пришлось забраться в сибирскую глухомань, чтобы не нарваться на какого-нибудь грузина, который тут же уличил бы в незнании языка. Там стал мастером сыроделия, по авантюристности характера. Требовался мастер в цех, чтобы наладить дело, а он вспомнил, что видел в детстве, как взрослые делали сыр, и назвался специалистом, и стал специалистом, и на всю жизнь. Основную часть жизни провёл в Средней Азии. И вот эпизод, достойный горделивого рассказа. Деду Фёдору уже за восемьдесят. Получаю от него письмо, что едет из Средней Азии на родину через Москву, жди, мол, приеду. Он не раз проездом гостил у меня. А тут – нет и нет его. Месяца через полтора – письмо из Мариуполя: до Москвы не доехал, сняли на станции такой-то за драку. В вагон-ресторане мужик под хмельком приставал к женщине, и дед сказал воспитательное слово. Тот поднялся на старика с угрозой. Дед рассердился – ему угрозы терпеть непривычно – и обидчик загремел под стол. Темперамент».

Авторское отступление. Прочитав эту характеристику, вспомнил, как однажды на улице Узункуля (бывш. Демьяновка) ко мне подошла пожилая женщина, которая рассказала, что во время коллективизации Федор вырвал из ушей ее матери золотые серьги и положил себе в карман. Она справедливо утрекнула меня в том, что в очерке о Церахто я рассказал о его боевой молодости лишь со слов самого Федора Николаевича. Эта встреча послужила мне хорошим уроком – с того времени я старался более тщательно проверять факты и не допускать одностороннего подхода оценке событий. Тем не менее, как историк, я очень рад тому, что Федор Николаевич оставил обширные воспоминания, несмотря на их предвзятость и явное преувеличение собственной роли в событиях гражданской войны. Тоже штрих эпохи...

Послесловие

Прошел век. После окончания кровавой гражданской войны большевики уничтожили казачье сословие. Было запрещено все, что напоминало о прошлом – обычаи, традиции, одежда, песни. Каленым железом выжгли веру, вернее, насильно ввели другую – веру в партию, «светлое будущее». Поруганию подверглись православные храмы и мусульманские мечети. Тысячи людей сгинули на севере по ложным обвинениям. Оборвалась нить, некогда крепко связывавшая прошлое и настоящее. Прервалась преемственность поколений.

В редкой семье сохранились фотографии дореволюционной поры, очень мало знают о прошлом своей семьи нынешние пресногорьковчане, и практически не интересуются этим. Раритетные вещи (георгиевские кресты, иконы, молитвенники) давно проданы приезжим коллекционерам. О прошлом напоминает здание храма, который дважды разрушала, да так и не добила богоборческая власть, да десяток старинных домов (Токарева, Шехтера). Облик старой Пресногорьковки изменился – сгорели дома Кладенова, Казина, разобран дом Новгородцева и Преображенского, ждет своей участи дома Богданова и Кубрина. Здания на сотню лет пережили своих владельцев. Они напоминают о прошлом, да еще старинные монеты, драгунские пуговицы,

крестики и гильзы, печати, в изобилии рассыпанные по огородам.

Что ж, «сделанное переживает своих создателей, и тех, для кого оно было сделано, и их наследников, ибо косное вещество, заключенное в форму – вневременно. Оно - памятник того, что ушло: оно - след минувшей жизни» (В.И.Вернадский).

Сегодня в Пресногорьковке проживают Фироновы, Тимофеевы, Кизины, Ульяновы, Успеньевы, Томские, Зенепрецовы, Шешминцевы, Немчиновы, Парфеновы, Лавриновы, Козловы, Вяткины, Степановы, Угрениновы, Ермолаевы, Ряписовы, Кожевы, Канахины, Статьевы, Киженцевы, Осаченковы, Бурковы, Путинцевы, Бугаковы, Седельниковы, Селезневы, Козловы, Болговы. Кожевы, Панковы – донские казаки, Бузулины - сургутцы, Зенепрецовы, Ротатовы, Негодины, Кравченко – запорожцы, Островские, Легеза(Лигенза) – потомки пленных поляков 1813 года, Томские – потомки городских казаков Томского острога, Масыгутовы из казаков – татар, Шешминцевы - фамилия происходит от названия Шешминовского драгунского полка. Фамилии, встречающиеся в списках по Уйской линии за 1758 год, впоследствии появились в поселках Пресногорьковской линии – Самсонов, Колмаков, Чирков, Полозов, Немчинов, Банщиков, Воронин, Некрасов, Канахин, Черепанов, Горшков, Першин и др.

Источники

- Будберг А.П. Дневник.- Москва, 1990.
- Букетова Н.А.Алма-Ата и Алматинцы. - Алматы, 2007.
- Биография исторических личностей. - Алматы, 2001.
- Варлаков П., Кузьмин А.На ближнем пограничье.-// КиК.2.06.2009.
- Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. - М.,1939.
- Веденко В.Не только фузея важна для музея.-// Казахстанская правда. 21.09.2008.
- Винокуров О.А. О чем поведала пуговица... сайт «Зауральское генеалогическое общество», 2009.
- Винокуров О.А.Горькая линия в 1919 году. Электронная версия.
- Виниченко С. Крестный путь игуменьи Евпраксии.- //Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско // альманах. сост.В.А.Шулдяков. т.14.Тобольск, 2012.
- Виниченко С. Пресногорьковские были. – Костанай, 2006.
- Виниченко С. Пресногорьковская казачья линия (очерки истории). - Половинное, 2011.
- Виниченко С. Белый генерал. - // Костанайские новости, 22.01.2009.
- Виниченко С. О чем шумят деревья монастырского сада. – // Ленинский путь, 21.12.1991.
- Виниченко С. Школа 1861.-//Костанайские новости, 21.04.2011.
- Виниченко С. Из истории первого православного прихода Костанайской области.-www.kostanay1879.ru. 11.12.11 г.
- Виниченко С. Пресногорьковские страницы биографии Габита Мусрепова www.-kostanay1879.ru. 13.12.11 г.
- Ганин А.В. Казачество России в белом движении.- // Альманах «Белая гвардия». №8. М.2006.
- Голиков Д.Л.Крушение антисоветского подполья в СССР. - М.,1978.
- Гольцев В.А. Атаман Анненков. - Алматы, 2006.

- Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. - Омск, 1914.
- Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак.-Москва, 2008.
- Енборисов Г.Е. От Урала до Харбина. - Шанхай, 1932.
- Ермолаев Ю.Ф. Прошлое всегда со мной. - Курган, 2010.
- Дедов А.И. Люблю не претендуя. - Половинное, 2005.
- Дедов А.И. В тени монастырских стен. – Половинное, 2011.
- Демин Н.А. Следы войны неизгладимы. – Омск, 2010.
- Дойков Ю. Красный террор. Россия. Украина. 1917 – 1924.- Архангельск, 2008.
- Дойков Ю. Памятная книжка. Красный террор в Советской Арктике. 1920 – 1923. (документальные материалы). - Архангельск, 2011.
- Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. - М., 2008.
- Казина А.В. Михайловская община Омской епархии.// в журн. Русский паломник.-№16,1903 .
- Краснов П.Н. На рубеже Китая. – Париж, 1939.
- Красноусов Е.М. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона.- Брисбен, 1958.
- Лавринов Н.Г. Жизнь. - Курган, 2000.
- Логачев В.А. «... в хлебном районе Западной Сибири»: от пролетарской революции к крестьянскому мятежу».
//Вестник Томского Государственного университета.№4(16), 2011.
- Матвиенко Д.Ю. Партизанская дивизия атамана Анненкова: краткая история и структура 1918 – 1922 гг. - Алматы.
- Муканов С.М. Школа жизни.- Алма-Ата, 1958 г.
- Мусрепов Г.М. Однажды и на всю жизнь. – Алма-Ата, 1974.
«Омские Епархиальные Ведомости». Часть неофициальная. 1908.№24
- Оренбургское казачье училище. www.kazaki-zelenodolsk.narod.ru
- Оржих Б.Д. В рядах Народной воли. // в сб. Народовольцы. Москва, 1931.
- Петров П.П. Роковые годы. – Лос-Анджелес, 1965.

- Преображенский С.В. О прожитом. - // «Урал» (Екатеринбург). №8,2007.
- Рыбкин П.С. Родные дали. – Костанай, 2004.
- Сахаров К.В.Белая Сибирь.- Париж,1923.
- Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. - М.2003.
- Скальский К.Ф.Омская епархия. - Омск, 1900.
- Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. - М.,1957.
- Стародуб В.В. Исторические, памятные, культурные места Сарыколя. – Костанай, 2011.
- Страницы истории Половинского района.-сост. Дедов А.И.. Половинное, 2009.
- Сибирский казак. Войсковой сборник. - Харбин,1934 вып.1: 1941.вып.2.
- Симонов Н.А.Очерк службы 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка.- М., 1901.
- Симонов Н.А. Памятка трехвековой службы казаков Сибирского войска. - СПб.,1909.
- Тарасенко Е.И. Пробужденная степь/ в кн: В памяти народа/. Кустанай, 1993.
- Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско.//Альманах.сост.В.А.Шулдяков. Тобольск, 2012.
- Тухачевский М.Н. Курган – Омск. -www.militera.lib.ru
- Фазуллина-Шехтер Э.П. Генеалогия семьи Шехтер – Кубриных. Рукопись. Москва,1997.
- Харакоз В.П. На перекрестке культур.-2010.www.literatura.kg.
- Церахто Ф.Н. Две эпохи. - Рукопись. 1968.
- Шатилов С.Ф. Испытание. - Рукопись. 2011.Петропавловск.
- Шатилов С.Ф.Подвиг духовенства Северного Казахстана как пример исповедничества. Доклад на конференции.2011.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции.- М., 1986.
- Шишкин В.И. Сибирская Вандея. Сб. документов. т. 2.Москва, 2001.
- Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. - в 2 т. М., 2004.

Шудьяков В.А. Войсковой Сибирский казачий корпус: планы, реалии и мифы (август-сентябрь 1919 года). - //Альманах «Белая гвардия», №8.- М., 2005.

Шудьяков В. А. Выдвижение резервов Партизанской дивизии атамана Б. В. Анненкова на Восточный фронт (апрель-июль 1919)// Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Материалы региональной научной конференции. – Новосибирск.

Шухов И.П. Письма сибирским казакам.- Петропавловск, 1943.

Шухов И.П. Пресновские страницы. - Алма-Ата, 1987.

Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. - М., 1966.

Яковлев Н. 1 августа 1914.-М., 1974

Использованы архивные материалы из Российского Государственного Военно-исторического архива, РГ архива Октябрьской революции, РГ Военно-исторического архива (г. Москва), РГ исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного архива Омской области, Государственный архив Северо-Казахстанской области.. Ссылки на архивы в тексте не приведены из-за неоправданного увеличения объема материала и его усложнения для восприятия.

Сбор архивных материалов и их обработка производились на протяжении двух десятков лет.

В книге использованы воспоминания старожилов, записанные автором в 1970 – 90-е годы. В книге они даются в полном соответствии с оригиналом, так как нельзя лучше передают дух эпохи, мысли и чувства очевидцев событий.

1765, 19 августа
ПРОМЕМОРИЯ
ГЕНЕРАЛА ПОРУТЧИКА И КАВАЛЕРА ШПРИНГЕРА
В КАНЦЕЛЯРИЮ ТОБОЛЬСКОЙ
ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
Расшифровка С.Ф.Шатилова (доцент кафедры СКГУ им.
М.Козыбаева, кандидат философских наук)

Командующий новой линией господин генерал-майор Девиц в рапорте ко мне по поданным к нему доношениям представляет, что жительствующие на той линии казаки и поселенные разного звания военные чины, также частию и купечество желают по христианскому закону от себя построить церкви Божии и причт священников и причетников из своего собственного кошту содержать как и в селах находятся а именно, в крепости Святого Петра во имя святых апостолов Петра и Павла; в Пресногорьковской святителя Николая Чудотворца, объявляя при том что в крепости Святого Петра жители намерены принять желающего священника Ялуторовского дистрикта Кизацкой слободы Никиту Иванова сына Одинцова. А хотя в оной крепости полку Азовского полковая церковь и есть, но в случае иногда тому полку движения, а особливо какое ныне чинится что полковой священник для церковных треб недели и две и по три по всем тамошним крепостям и редутам отлучается то де между тем как вновь рождающиеся младенцы без крещения и молитвы долговременно пребывают, а другие по болезни и умирают, также и для исповеди и погребения умерших и других.

К тому законные причты без особенного же священника пробыть невозможно; сходно чему и пресногорьковские жители по неимению вблизи церквей Божиих отверженными себя находят; И ради того определено мною в канцелярию Тобольской Духовной Консистерии послать сию промеморию и требовать, чтобы она благоволила для вышеупомянутых необходимых для жизни христианской надобностей о даче на создание в объявленных крепостях церквей Божиих благословенных грамот по присылке оной; также и на собиране от добротодателей на строение тех церквей денег шнуровых книг. По определению

священника в крепость Святого Петра реченного желающего Кизацкой слободы Никиту Одинцова а в Пресногорьковскую откой заспособно принятие чрез доклад от его Преосвященства Павла митрополита испросить; поте учинить по Ея Императорского Величества Указу, а какое о сем исполнение последует меня без уведомления не оставить. Августа 13 дня 1765-го года.

Иван Шпрингер

Почетные казаки станицы Пресногорьковской.

Плешков Михаил Михайлович – командир 1-го Сибирского армейского корпуса, генерал от кавалерии, звание почетного казака станицы в 1916 г. (приказ по СКВ №264)

Сухомлинов Николай Александрович – наказной атаман Сибирского казачьего войска, командующий войсками Омского военного округа, генерал – губернатор Степного края, получил звание почетного старика в 1916 г.

7 декабря 1916 года император Николай Второй принял шефство над 1-м Сибирским казачьим имени Ермака Тимофеевича полком и зачислил царевича Алексея в списки полка.

На фотографии цесаревича и его свиты (см. ниже), сделанной в Омске 15 июля 1891 года, есть все, кто ночевал в Пресногорьковской. 3-й слева: Степной генерал-губернатор барон М.А.Таубе, наследник-цесаревич Н.А.Романов, князь В.А.Барятинский, контр-адмирал В.Г.Басаргин.

Стоят: 3-й слева председатель войскового правления полковник Г.Е.Катанаев, 5-й слева – атаман 1-го отдела полковник Н.А.Симонов, 9-й: князь В.С.Кочубей, штаб-ротмистр Лейб-гвардии Гусарского полка Е.Н.Волков, доктор медицины В.К.фон Ромбах. На фото отсутствует сопровождававший цесаревича князь Ухтомский (о поездке цесаревича по линии автор написал в книге «Живая старина Пресногорьковской линии).

Из архивного фонда войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска:

1. В приказе по 1-му военному отделу СКВ № 17 от 25.02.1900 г. приведен список казаков приговорительного разряда, получивших призы «за состязательную стрельбу и наездничество» во время лагерных сборов в 1899 году. В нем значится Николай Лавринов – награжденный вторым призом за наездничество (папахой).

2. В списке «казакам приговорительного разряда старшего возраста 1-ого военного отдела, которым назначены призы за наездничество во время лагерных сборов в 1901 году» значится Иван Лавринов, получивший второй приз (башлык, португую с темляком и поясной ремень).

3. В списке «первоочередных казаков станицы Пресновской и Пресногорьковской, прибывших в Пресновский лагерный сбор 2 июня 1910 года значится Федор Лавринов урядник, назначенный в сопровождение эшелона в полк.

Георгиевские кавалеры: Бурков Петр (1914 год), Бурлаков Василий, Воропаев Михаил (1905 год) - вахмистр 1-го полка, Воропаев Панкратий (1873 год, полный кавалер), Горбачев А.И., ст. Сибирская (1900 год), Грибанов Степан (1914 год), Дегтярев Дмитрий (1914 год), Завалов Петр, ст. урядник 4-го полка (1916 год-полный кавалер), Волков Семен (1915 год), Горшков Александр (1873 год), Гробылев Тимофей, младший урядник (март 1919 года), Егоров Илья, вахмистр (1875-76гг., полный кавалер), Иванов Федор, младший урядник (1916 год, полный кавалер), Плеханов Михаил, старший урядник (1905 год), Полозов Иван, старший урядник (1905 год), Потапов Г.В. (станция Сибирская), Сухов Григорий (1914 год), Самсонов Михаил, урядник (1905 год), Тимофеев Александр, вахмистр (1916 год), Тимофеев Николай, приказный (1904 год), Трошин Александр (1914 год), Губайдуллин Шагалип, приказный (1914 год), Верхотуров Г.И. (станция Сибирская, китайская граница), Беловоленский Н.М., прапорщик (станция Сибирская, китайская граница), Башкирцев Кондратий, младший урядник (1914 год), Васильев И.С., вахмистр (станция Сибирская, китайская граница), Белых Дмитрий (1904 год), Буденко Кузьма, старший урядник (1916 год).

В русско-японской войне казаки поселка Песчаный были награждены георгиевскими крестами: Бобряшев Яков, вахмистр Воропаев Максим (дважды), старший урядник Дегтярев Евгений (дважды), приказный Докучаев Степан, приказный Жуков Иван (дважды), приказный Иванов Егор (трижды), приказный Калашников Федор, Кузьмин Тимофей, Махнев Никифор, старший урядник Панков Александр, старший урядник Панков Андрей, Поротиков Алексей, Потанин Сергей, Рудов Николай (дважды), старший урядник Струков Семен, младший урядник Угренинов Александр.

Георгиевский крест Петра Буркова в 70-е годы автор видел на дне сундука в доме его потомков в Пресногорьковке.

В 1906 году за усиленную службу во время войны с Японией награждены серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте казаки 1-го казачьего полка:

Вахмистры: Егоров Иван, Шешминцев Иван, Нечаев Афанасий, Боргуль Иван, Петров Александр, Еремин Георгий, Александр Кубрин.

Старшие урядники: Евтин Григорий, Пожидаев Илларион, Донцов Николай, Коровин Николай, Полиенко Федор, Куркин Михаил, Иванов Александр, Бухряков Павел, Черепанов Павел, Дорогов Дмитрий, Дегтярев Николай, Жуков Илья.

Младшие урядники: Бондаренко Дмитрий, Ушаков Василий, Сорокин Никофор.

Приказные: Мартыненко Николай, Хореев Николай, Шилов Даниил, Плотников Григорий, Науменко Трофим, Утков Василий.

Казаки: Зенченко Андрей, Дурнев Ефрем, Комаров Евдоким, Кузнецов Павел, Масленников Борис.

Прошение схода сельчан с. Макарьевки (основано в 1896 г.) Петропавловского уезда 26.10 .1911г.

Постройка железной дороги даст возможность продавать в первые руки продукты сельского хозяйства, особенно скот и хлеб – наше главное занятие, а без дороги мы продаем дешево и покупаем дорого необходимые для себя продукты, товары, с/х машины и инвентарь и потому без дороги у нас не развиваются торговля и культура.

Мы экономически не крепнем, а лишь влечим существование свое. Грунтовые дороги ввиду глинистой почвы совершенно не пригодны к передвижению и осенью и весной даже к сообщению.

У нас на товары потребления высокие цены: за сахар платим 22 коп. за фунт, тогда как на ж/д он стоит 14 – 15 коп. за фунт. Полнейшее отсутствие заработков в году урожая приводит жителей к окончательному разорению...

Выписка их метрических книг Пресногорьковской церкви (даты приведены по старому стилю)

7 января 1901 года

поселка Пресногорьковского казак Иван Михайлов Шилов православного вероисповедания 34 года, вторым браком.

Проживающая в станице Пресногорьковской Александра Андреева Козлова

Поручители: казаки Самсон Петров Ромашев и Андриан Алексеев Шилов

По невесте казак Иван Дмитриев Шилов и урядник Алексей Успенев.

В 1881 году умерли Ирина Иванова дочь Давыдова, 104 года, от старости.

Наталья Иванова дочь Андрус, офицерская вдова

Почтовой станции смотритель Петр Николаев Петров.

27 апреля 1882 года родился Николай, родители: местной почтовой станции смотритель Петр Николаев Петров и жена его Евдокия. Крестные: отставной сотник Михаил Макарьев Едрилов и казачья жена Евдокия Афанасьевна Кизина.

Вяткины

В 1881 году у урядника Поликарпа Емельяновича Вяткина, отставного фельдшера, умерла дочь Евгения, 20 лет, от горячки.

27 сентября 1894 года родился Александр, ст.Пресногорьковской сотенный фельдшер Яков Поликарпович Вяткин и жена его Евдокия Трофимовна. Крестные: Вятской губернии крестьянин Михаил Трофимов Дербилов и фельдшера жена Мария Павлова Вяткина

11 октября родился Иван, ст.Пресногорьковской сотенный фельдшер Яков Поликарпович Вяткин и жена его Евдокия Тро-

фимовна. Крестные: почетный дворянин Александр Федорович Бедрин и казачья жена Пелагия Николаевна Вяткина

Комментарий автора: сын Я.П.Вяткина – Иван Яковлевич (1901 - 1945 гг.) работал учителем географии в школе, погиб при освобождении Польши. Внук – Геннадий Иванович, долгое время работал главным экономистом совхоза «Пресногорьковский», правнук Сергей в 2010 году проживает в Пресногорьковке. В озере найдена личная печать Якова Поликарповича Вяткина, находится в музее Пресногорьковской средней школы.

1 августа 1882 года

род. Матвей ст.Пресногорьковской казак Николай Дементьев Мордовский и жена его Анна Семенова

крестные: казак Иоанн Николаев Мордовский и дочь псаломщика девица Варвара Васильева Серебренникова.

Комментарий автора: правнучка Николая Дементьевича Людмила Николаевна Мордовская-Никитина проживает в городе Кургане. Она известна всему Уралу вышивкой икон. Ее иконы приносят истинную радость многим православным христианам в храмах и монастырях.

8 января 1882 года

Станицы Пресногорьковской казак Федор Андреев Ильин, православный, первым браком, 24 года

Той же станицы казачья дочь Мария Иванова Меринова, 22 года

По жениху: казак Александр Иванов Пономарев, Филипп Евлампиевич Канахин,

По невесте: казаки Капитон Иванов Меринов и Иван Васильев Буданов

22 августа 1901 года

станицы Пресногорьковской казак Матвей Николаев Мордовский 19 лет, православный, сочетается первым браком с казачьей дочерью девицей Евдокией Петровной Вдовиной 18 лет, православной.

Поручители по жениху Иван Николаевич Мордовский (урядник), казак Константин Николаевич Мордовский,

По невесте приказной Андрей Стефанович Томский, казак Максим Петрович Вдовин

Таинство брака совершил св. Яков Киселев.

Псаломщик Василий Серебренников.

11 декабря 1901 года

род. Евгений

станции Пресногорьковской казак Николай Григорьевич
Осаченков и законная жена его Анна Александровна
крестные: Дмитрий Павлов Седельников и Анастасия Степа-
новна Бедрина

Комментарий автора:

Евгений Николаевич Асаченко (так в документах 40-х годов)
был призван на фронт в 1941 году Пресногорьковским РВК,
пропал без вести в январе 1942 года.

22 июля 1903 года

род. Николай

отец: Пресногорьковский станичный атаман Михаил Ефимо-
вич Пожидаев, и жена его Ксения Ксенофонтовна

крестные: Петр Васильев Лученинов и потомственная дво-
рянка Софья Федоровна Бедрина (сестра расстрелянного в 1937
году урядника Бориса Бедрина).

22 февраля 1889 года

род. Лев

самой станции Емельян Львович Канахин и жена его Любовь
Лазаревна.

10 апреля 1885 года

род. Агафья

Пресногорьковского поселка казак Епифаний Николаевич
Ряписов и жена его Анна Кузьминична

крестные: казак Афанасий Васильев Грязнов и казачья жена
Анна Дмитриевна Шилова,

св. Василий Попов

5 января 1893 года

род. Ксения

станции Пресногорьковской урядник Иван Николаев Мор-
довский и законная жена его Анна Петрова, оба православные
крестные: казак Михаил Петров Буданов и дочь есаула Софья
Федоровна Бедрина

9 февраля

род. Валентина
станции Пресногорьковской казак Федор Андреев Кизин и законная жена его Надежда Герасимова, оба православные.

Крестные: урядник Павел Иоаннов Успеньев, казачья жена Любовь Герасимовна Канахина

16 марта

Род. Агрипшина
станции Пресногорьковской казак Прокопий Симеонов Меринов и жена его Дарья Дмитриева, оба православные.

Крестные: учитель Прокопий Михайлов Желтышев

1 июля

Род. Александр
Станицы Пресногорьковской казак Петр Михайлов Новгородцев и законная жена его Екатерина Арсеньева, оба православные

Крестные: урядник Матвей Авксентьев Занепрецов и казачья девица Анна Александровна Новгородцева.

Комментарий автора: урядник Занепрецов вручал хлеб-соль Цесаревичу Николаю в 1891 году.

10 июля

Род. Владимир
Села Половинскаго крестьянина Данилы Архипова Базарова и законной жены его Татьяны Павловой.

23 апреля род.Александра

Хутора Пресногорьковского казак Илларион Артемьев Варапаев и законная жена его Анна Михайлова, оба православные.

Крестные: Вахмистр Панкратий Павлов Варапаев и жена чиновника Мария Агапова Иванова

* **Панкратий Воропаев**, полный георгиевский кавалер, сопровождал цесаревича Николая во время его путешествия по линии от Тюмени до границы с Оренбургской губернией. В Пресногорьковской в доме Кладенова цесаревич вручил ему серебряные часы и по 50 руб деньгами(прим.- С.В). Источник: воспоминания генерала Н.Симонова.

6 февраля 1883 года

брак вахмистра 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска Федора Иванова Токарева с женой его Анной Григорьев-

ной Успеневой. (Дом Токарева сохранился, двухэтажный, построен после русско-японской войны – прим. С.В)

5 августа 1892 года родился Александр, казак станицы Петр Васильев Лучанинов и жена его Любовь Андреевна. Крестные: урядник Александр Иванов Пономарев и казачья дочь девица Дарья Васильева Лучанинова.

8 февраля 1901 года род. Федор, Станицы Пресногорьковской казак Михайли Иоаннов Степанов и законная жена его Наталья Васильева. Крестные: казак станицы Петр Васильев Лучанинов и урядника жена Ксения Васильева Токарева

Комментарий автора: П.В.Лучанинов был расстрелян в 1921 году за участие в Западно-Ишимском восстании. Федор Михайлович Степанов погиб в 1943 году под Харьковом.

20 сентября 1891 года

род. Михаил

станцы Пресногорьковской казак Алексей Анисимов Успенев и жена его Мария Софронова

крестные: Никита Дмитриевич Успенев (вручал цесаревичу хлеб-соль – прим.С.В.) и казачья дочь девица Анна Андреевна Фиринова.

1 июня 1894 года род.Валентина

Поселка Песчановского казак Александр Федоров Панков и законная жена его Параскева Андреева, оба православные.

Крестные: казак Андрей Федоров Панков и казачья жена Евгения Яковлевна Панкова

22 октября род. Елизавета

станцы Пресногорьковской казак Никандр Степанов Кожев и законная жена его Мария Тарасова, оба православные.

Крестные: вахмистр Агафон Евфимиев Канахин и казачья девица Агрипина Степанова Кожева.

*Елизавета умерла 10 декабря от горячки (прим.-С.В).

1 декабря 1901 года (погребена 3 декабря)

Макарьевской волости и селения крестьянина Руфа Григорьева Винниченко жена Екатерина Васильева 46 лет. Скончалась от воспаления легких. Похоронена на Макарьевском кладбище. Отпевал священник Александр Соколов.

Мои предки основали в 1896 году поселок МакарьевкаПетропавловского уезда Пресногорьковской волости, среди них был мой прадед Руф Григорьевич Винниченко. Прадед родился 8 апреля (по ст. стилю), поэтому был наречен по имени Прп. Руфа, затворника Печерского.

Он скончался в 30-х годах прошлого века, похоронен на Макарьевском кладбище. После кончины Екатерины Васильевны прадед остался с детьми – Хрисантием (род. в 1899 г, погиб в Великой Отечественной войне) и Иваном. Он женился вторым браком на Парасковье Федоровне, моей прабабушке. У них родились дети Трофим (1906, воевал на Курской дуге), Ульяна, Дмитрий (1910-1974), Михаил (род.1912, пропал без вести в годы войны), Алексей, Александра (1918). На памятной плите в Макарьевке еще один Винниченко - Дмитрий Хрисантьевич (1923, ст.сержант, пропал без вести).

Мой дед Дмитрий воевал под Харьковом в 57-й армии, в кавалерии, попал в плен на Барвенковском выступе в мае 1942 года, прошел ужасы нацистских концлагерей и был освобожден 28-го апреля 1945 года из концлагеря Дахау, куда Гиммлер приказал свезти советских пленных для уничтожения. Умер дед в 1974 году. Светлая память ушедшей в 2005 году бабушке Шуре, похороненной в Екатериновке. С детства помню ее чудесные рассказы о прошлом, ее доброе и ласковое сердце.

С годами из фамилии Винниченко куда-то исчезла одна буква «н», по-видимому, в 20-е годы ее пропустил в документах недобросовестный переписчик.

Другой мой дед - Николай Яковлевич Ярош (1906 г.р), был призван Кустанайским РВК в ноябре 1942 года и пропал без вести через год на Тульском направлении. Требуется подтверждения версия о смерти деда в марте 1944 года в концлагере Заксенхаузен.

Фамилия его есть на памятной плите в Парке Победы города Кустаная.

Сергей Винниченко (из сборника «Свет»)

Восстание 1921 года

В феврале двадцать первого года,
Не закончилась наша война,
Из-за страшного недорода
Голодала в разрухе страна.

Продразверстка железной хваткой
Сжала горло у всех крестьян,
Недовольный новым порядком
Пал под Омском наш атаман.

Запылали пожары в станицах,
По Ишиму пошла волна,
На монголо-китайской границе
Вновь распугана тишина.

Обрезаю я ствол карабина,
И контрольного выстрела звук
У раскрытого настежь овина
Учащает у сердца стук.

Я за то, чтобы были лампасы,
Чтоб стоял в центре Божий храм,
Хлеба были в станицах запасы,
Солнце ярко светило нам.

И несусь я в казачьей лаве,
В страшном крике распахнут рот,
Помню только: в февральском буране
Бьется в судоргах пулемет.

И потом, в эмигрантских потемках
Часто видел в тяжелом сне,
Поле чистое в рваных воронках,
И расстрелянных – на спине.

Не в своих родных куренях,
На одной шестой части суши
Погибали мы в лагерях.

Нас осталось совсем немного,
Чтобы после второй войны
Мы могли попросить у Бога,
И за все Им быть прощены.

Расстрельное утро

*(о.Василию Преображенскому,
прах обнаружен автором в 1977 году)*

В дверь прикладами заколотили,
Заорали в окно: «Открывать!»,
До потери сознания били,
Повели на погост – убивать.

Не просил, не молил о пощаде,
Страха не было, только печаль,
Была в колокол мысль: «Бога ради,
Ты семью мою не оставляй!».

В строгом очерке улиц станицы
Усмотрел в небо вколотый крест,
И восток осветили зарницы,
Палачам скоро ждать надоест.

Хлопнул выстрел, второго не слышал,
В землю ткнулся лицом не дыша,
Словно в детстве на улицу вышел-
Дуновеньем взлетела Душа.

Босиком по траве побежала
На далекий и теплый рассвет,
Далеко позади оставляла

Далеко позади оставляла
Россыпь звездную прожитых лет.

Быстро яму бойцы закидали,
Навалив комья мерзлой земли,
Самогоном свой грех заливали,
Все с собою сюда принесли.

Видел он, как собрали лопаты,
Закурили одну на троих,
И по грязному снегу куда-то,
Поплелись, говоря о живых.

...и летела Душа, и просила
Отогнать «ослепившую тьму»,
От убийц – их навеки простила.
Может это когда-то пойму.

Небесные Врата

*(учителям Пресногорьковской школы,
которых с нами нет)*

Вы не бойтесь моего ухода
Дальше края Млечного Пути.
Я вернусь в любое время года,
Чтобы всех вас тихо обойти.

Я сиренью постучусь в окошко,
Теплым маем в домик твой войду,
К озеру заросшею дорожкой
Ветерком весенним забреду.

А в июле с неба дождь прольется,
И от капель мокрая щека,
Если сердце у тебя забьется –
Я ее погладил лишь слегка.

Из высокой – высокой дали,
Это значит, что вас окликают
Со мной вместе с небес журавли.

А когда распахнутся пред вами
Января ледяные врата,
Снег пушистый. Поймете едва ли,
Что пред вами моя красота.

На себя я похожим не буду,
Изменюсь я и стану иным,
Жизнь земную никак не забуду,
И уж точно – не буду больным...

Книги Виниченко С.Н.

Пресногорьковские были. – Костанай, 2006

Пресногорьковка. Страницы истории. – Костанай, 2007

Пресногорьковская казачья линия. – Половинное, 2011

Живая старина Пресногорьковской линии.–Половинное, 2012

Дополнение: *Сын расстрелянного генерала Николая Павловича Кубрина Николай Кубрин(младший), эвакуированный летом 1919 года в Приморье в составе кадетов Омского корпуса, окончил Корниловское военное училище на о.Русском. 5 октября 1922 года 205 юнкеров были брошены в бой за Спасск (помните: «штурмовые ночи Спасска»), где под станцией Свягино сошлись в бою с курсантами 2-й Приамурской дивизии. Юнкера напоролись на пулеметный огонь – 75 человек были убиты. Красных осталось 67 человек из 240. Этот бой был одним из последних боев закончившейся Гражданской войны. 25 октября училище эвакуировали в Китай. В Корниловском училище курс артиллерии преподавал генерал Нарбут. В 60-е годы в Америке проживали раненые под Свягино юнкера: Валерий Крикорьянц, Олег Волков, Александр Ольховский, Николай Тарасов (Еленевский А. «Военная былль», 1963г).*

Северная сторона храма. 1910 год. Редкое фото

Внутренняя часть храма. Фото Н.Г.Катанаева. 1909 год

Внутренняя часть храма в 2011 году. Фото автора

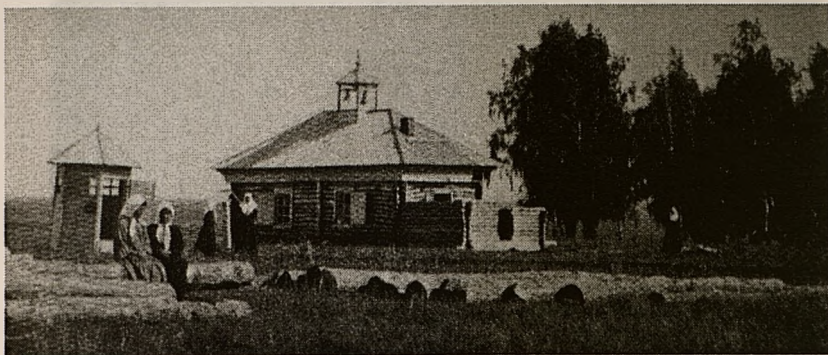
Василий и Анна
Преображенские.
1904 год.

Игуменя Евпраксия и
Мария Боброва. 1917 год

Закладка фундамента Троицкой церкви монастыря,
1899 год

Строительство часовни в Казинском монастыре. 1896 год.
Фото Г.Е.Катанаева

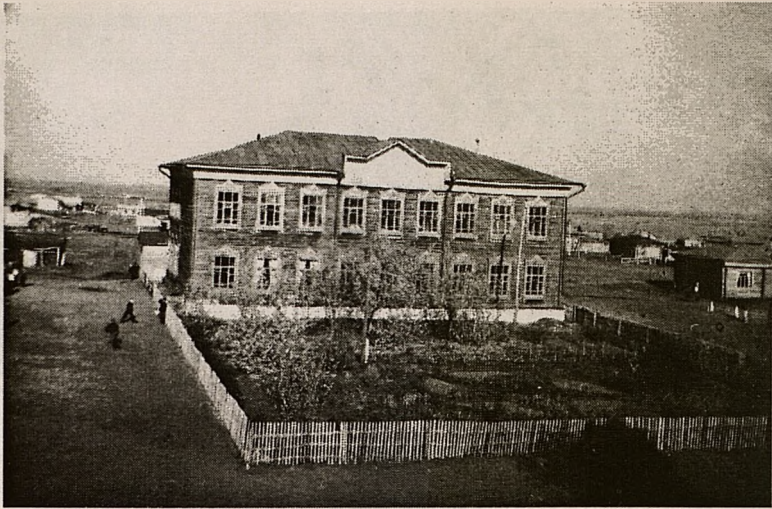
Развалины школы в монастыре. Построена в 1914 году

А.П.Шехтер. 1920 год

Николай, Мариамна,
Лидия, Павел в 1914 г.
Сад у дома Шехтера.

Школа. Построена в 1914 году

Пресногорьковское училище, 1891 год

Станичное правление Пресногорьковской. 1896 г.
Фото Г.Е.Катанаева (альм.Тобольск и вся Сибирь)

Сидит слева
А.Татаринцев

Семейное фото

Девушки пос.Песчаного. Слева Анфиса Платоновна
Угренинова (из архива С.А.Угренинова)

Женщины ст.Пресногорьковской. 1909 г.
Фото Н.Г.Катанаева.

Казачи ст.Пресногорьковской. 1909 год.
Фото Н.Г.Катанаева.

Торжок в ст.Пресногорьковской.1896 г.
Фото Г.Е.Катанаева (альм.Тобольск и вся Сибирь)

Фото цесаревича и свиты в Омске.1891 год
(альм. Тобольск и вся Сибирь)

Казачи на лагерных сборах

Шешминцев с газетой

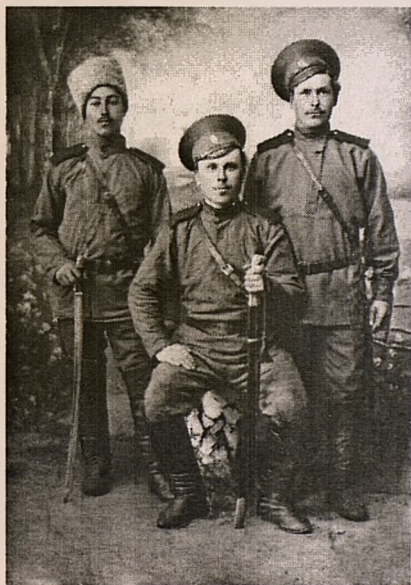

Афанасий Татаринцев с
семьей, 1916 год

Семья казака Томского,
1905 г.

Сестра Кубрина
Елизавета Павловна.
1902 год

Константин Степанов.
Расстрелян в 1921 году

Ополченцы

Ст. урядник
ст. Камышловской
Сухов

Угренинов, Пожидаев
(расстрелян в 1921 г.),
Лавринов

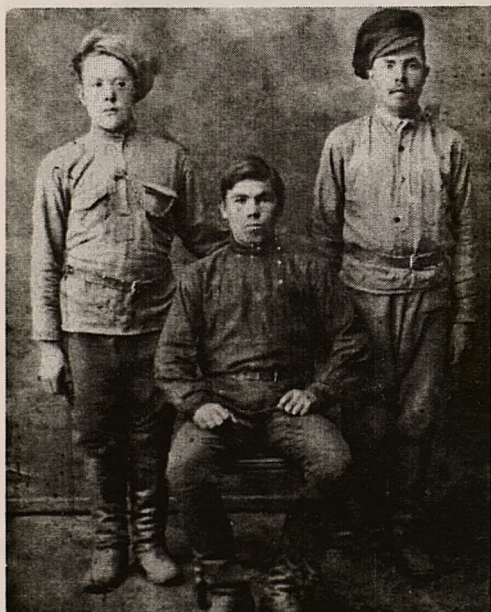

А.П.Канахин,
ушел в Китай

Группа пресногорьковчан

Казаки 4-го полка. В черном кителе М.Успенъев.
Погиб в 1916 г.

Красные казаки
(слева Томский)

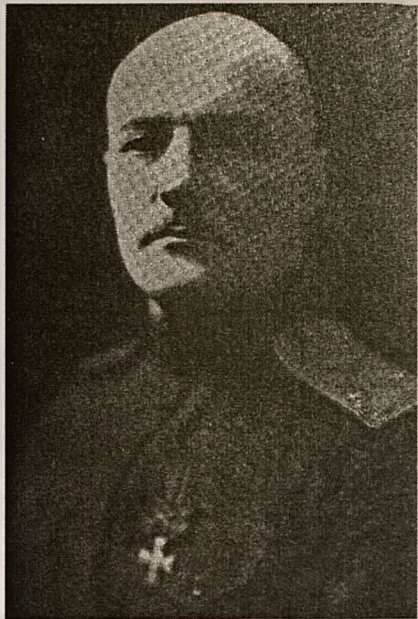
Дом генерала Н.Кубрина. Фото 2009 года

Дом войскового старшины Казина. Построен в 1870 году.

Генерал Ф.Л.Глебов.
Командир Сибирской
казачьей бригады

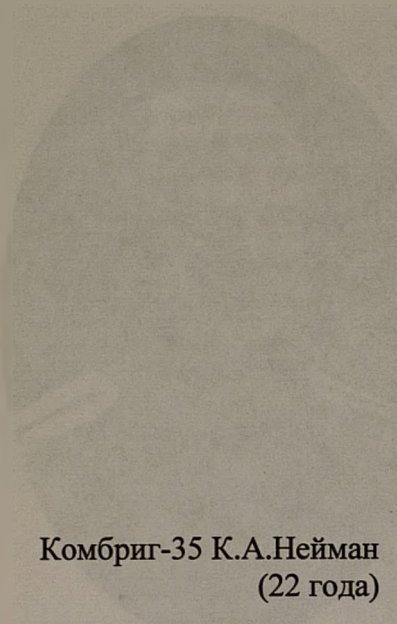

Генерал
Л.Н.Доможиров.
Командир
Партизанской группы.

Генерал Н.П.Кубрин.
Командир 1-й Сибирской
казачьей дивизии в
1919 году

Командарм-3,
генерал К.В.Сахаров

Комбриг-35 К.А.Нейман
(22 года)

Д.А.Ковалев, командир
красных партизан

Штаб 35-й сд в Звериноголовской, 13.10.1919г.
В центре Нейман и Павлов

Казачи Фомины в
китайском Трехречье

Ф.Н.Церахто (сидит).
Командир отряда ЧОН в 1921
году.

Ковалевцы

Оренбургский казак
ст. Магнитной
М.Ф.Ефимов

Урядник Иван Кузьмич
Острянин

Федор Токарев
(1863 - 1930 гг)

Дом Федора Токарева

Хорунжий Иван Шилов
в 1919 году

Красный казак
К.М.Зенепрецов
(из архива
С.А.Угренинова)

Ф.М.Степанов
(1901 - 1943 гг.)

С О.Винокуровым и А.Дедовым. Май 2011 года.

А.И.Дедов, С.П.Шохирев, Ю.А.Сафронов, С.Виниченко

Находки Владимира Виниченко на местах боев

Сергей Виниченко

И с х о д

Компьютерный набор
Виниченко Сергей Николаевич

Компьютерная верстка, дизайн обложки
Малахова Елена Варсонофьевна

Тираж 100 экз.

Изготовлено индивидуальным предпринимателем Малаховой
Е.В. св-во 45 № 000819815 ИНН 451700036776,
641780, с.Половинное, ул.Победы, 17-10.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Сергей Виниченко

И с х о д

Компьютерный набор
Виниченко Сергей Николаевич

Компьютерная верстка, дизайн обложки
Малахова Елена Варсонофьевна

Тираж 100 экз.

Изготовлено индивидуальным предпринимателем Малаховой
Е.В. св-во 45 № 000819815 ИНН 451700036776,
641780, с.Половинное, ул.Победы, 17-10.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Книги историка Сергея Виниченко пользуются заслуженным признанием у читателей. Первая книга дилогии вышла под названием «Живая старина Пресногорьковской линии». В ней автор рассказал о строительстве укреплений в Северном Казахстане и формировании Сибирского линейного казачьего войска.

Новая книга повествует о трагических событиях начала XX века, приведших к гибели традиционного уклада жизни населения Пресногорьковской линии.